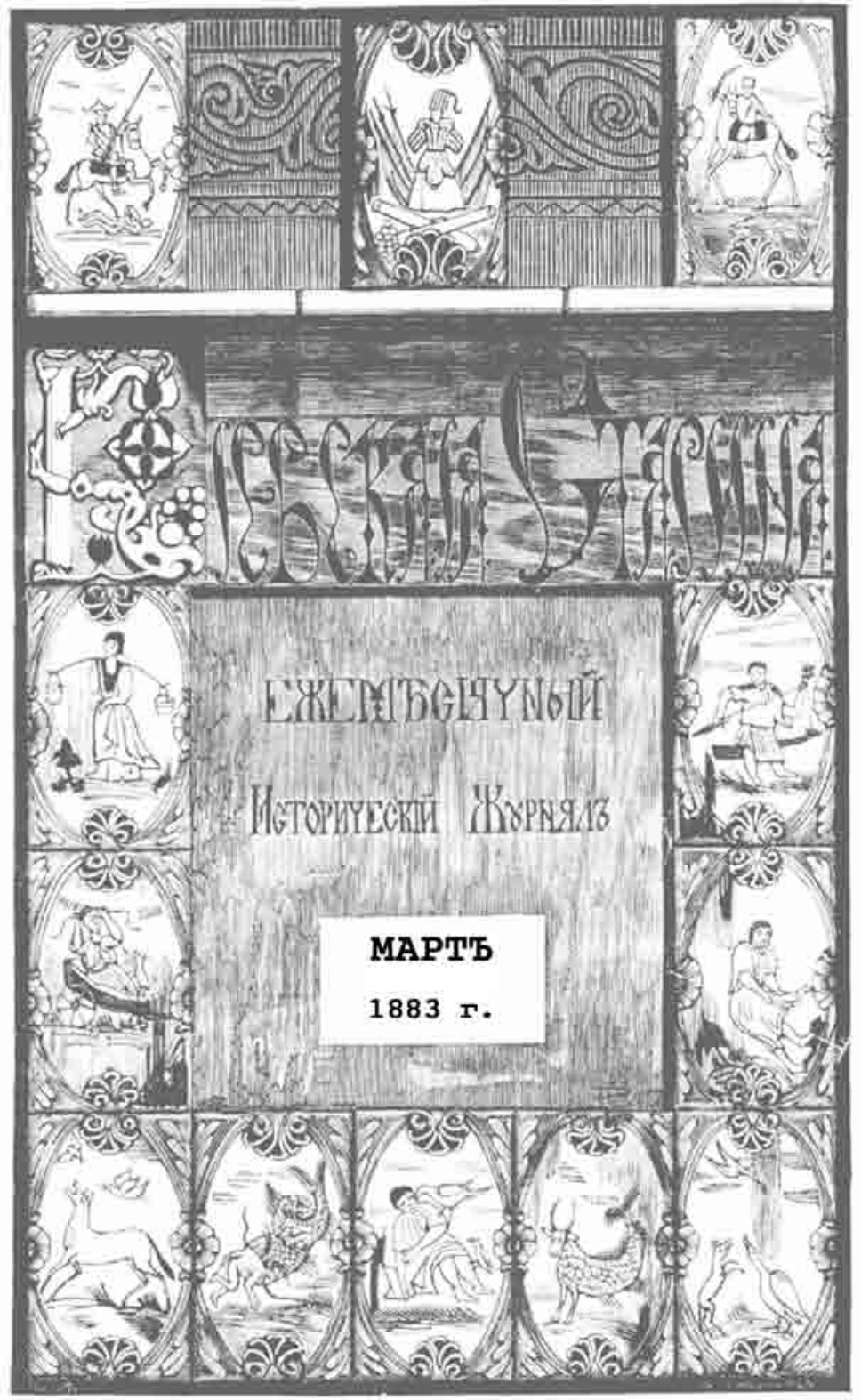
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
МАРТЪ
1883 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1883 г.

I. ЖИДОТРЕПАНІЕ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА. (*Окончаніе*). **Н. Костомарова** 477

II. ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ (отрывки изъ юношескихъ воспоминаній). (*Продолженіе*). **Н. Лѣскова** 493

III. СЕМЕНЪ ГАРКУША (1772—1784 г.). **К. Кошовина** 528

IV. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (*Продолженіе*). **А. Л. Шиманова** 555

V. ДОПРОСЪ ГРИГОРІЯ ГЕРЦЫКА ОБЪ УЧАСТІИ ЕГО ВЪ ИЗМѢНѢ МАЗЕПЫ 595

VI. ПИСЬМА Т. Г. ШЕВЧЕНКА КЪ БР. ЗАЛЕСКОМУ (1853—1857 г.) (*Продолженіе*). Сообщилъ **М. Т—овъ**. 611

VII. ПИСЬМА Н. В. ГОГОЛЯ КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ (1833—1834 г.). Сообщилъ **С. Пономаревъ**. 623

VIII. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО (1768—1776 г.). (*Продолженіе*). **В. А** 630

IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Leopold Hauzer.—Monografja miasta Przemyśla. Przemyśl, 1883.—б) Ол. Барвѣньскій. — Исторія Руси. Часть VI. Львовъ, 1882 г.—б) Историческіе, матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Составилъ Ал. Андріевскій. Кіевъ, 1882 г.—г) Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Варшава. 1882 г.—д) Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Черниговъ. 7 ч. 1873 г. 647

X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Вертепъ въ Духовщинѣ.—б) Очерки національныхъ типовъ въ украинской народной словесности.—в) Два типа южнорусскихъ монастырей.—г) Лѣтописныя замѣтки. (1651—1749 г).—Еще о старинныхъ трактахъ въ южной Россіи.—е) Голосъ запорожскаго депутата во всероссійскомъ собраніи депутатовъ 1768 г.—ж) Новыя извѣстія о старыхъ фигурныхъ изразцахъ.—з) Стихотворный памятникъ нашествія шведовъ на Украйну 659

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1883 г. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ V.

МАРТЪ.

1883 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1-го марта 1883 года.

Жидотрепаніе въ началѣ XVIII вѣка.

(Окончаніе*).

Когда путники скрылись за воротами, цадикъ обвелъ суровымъ взглядомъ все іудейское сонмище и молча, но многозначительно указывалъ рукою на востокъ, гдѣ комета при стухавшей на западѣ вечерней зарѣ становилась ярче и почему-то казалась какъ будто грознѣе. Ядро ея находилось вблизи горизонта, ея хвостъ поднимался вверхъ и достигалъ половины небеснаго свода.

Эта звѣзда хвостатая, произнесъ наконецъ цадикъ,—это предвѣстіе бѣды іудейской общинѣ въ гетманщинѣ. А бѣда—вонъ она, выѣхала изъ этого двора! Да, израильтяне! Этотъ молодой крикунъ—это бѣда наша. Это змѣя угрожающая уязвить пяту израиля. Скорѣе, скорѣе растоптать эту злую гадину. Сами слыхали, съ какою злобою шипѣла она противъ израиля. Это не простой, обыкновенный врагъ, какихъ много между поклонниками проклятаго Толюя. Онъ—книги наши читалъ, выучился нашему языку священному, а все за тѣмъ, чтобъ намъ чинить вредъ. Что онъ говоритъ намъ въ глаза, а того хуже говоритъ онъ про насъ съ своими гоями. Ужасно! Они ему вѣрятъ. Онъ можетъ поднять на насъ глупую толпу почитателей Толюя и тогда можетъ произойти такое, что и вообразить страшно. Израильтяне, внимайте! по примѣру предковъ нашихъ, великихъ учителей, произношу надъ нимъ великое проклятіе; беззаконія отцовъ его да падутъ на него и онъ не достигнетъ преполовенія дней своихъ. Болѣзни адовы да поразятъ его. Пусть червь источитъ его. Пусть страдаетъ такъ, чтобъ не могъ ни ѣсть, ни пить, ни сидѣть,

---

*) См. январьскую книжку «Кіевской Старины» за 1883 г., стр. 1—26.

ни стоять, ни лежать, пусть вопитъ и кричитъ отъ страшной боли день и ночь, пусть смрадъ нестерпимый исходитъ отъ него и родители его не въ силахъ будутъ подойти къ нему. Пусть конецъ его будетъ темепъ и скользокъ, пусть ангелъ Господень преслѣдуетъ его, пусть все достояніе его расхитятъ чужіе и никто не пожалѣетъ о немъ, и память его изгладится изъ земли живущихъ, и діаволъ во вѣки не отходитъ отъ десной страны его! Не любилъ онъ благословенія, а возлюбилъ зло и проклятіе на бѣдныхъ сыновъ израиля; пусть-же проклятіе наше, какъ одежда, обовьетъ всѣ члены его, пусть какъ елей всосется въ тѣло его и проникнетъ въ кости его! Готовилъ онъ сѣть израилю—пусть самъ завязнетъ въ нее; рылъ онъ ровъ смертный израилю—пусть впадетъ въ него; пусть всѣ злые замыслы развѣются какъ пыль въ вихрѣ, какъ солома предъ вѣтромъ! Таково воздаяніе отъ Бога на замышляющихъ зло и неправду на израиля! Отселѣ никто изъ васъ, братья, да не дерзаетъ не только что пріятельствовать съ нимъ, но даже говорить съ нимъ, ниже отвѣчать ему, если онъ къ кому обратится; пусть каждый при встрѣчѣ съ нимъ отвратится отъ него и трижды произнесетъ: буди проклятъ! Тотъ-же, кто не соблюдетъ сего и войдетъ съ нимъ въ какое-либо сношеніе, да изгонится самъ отъ сонмища благочестивыхъ! Если-же кто подниметъ на себя трудъ удалить этого злодѣя изъ числа живущихъ, тотъ получитъ милость и награду отъ Бога вышняго, ибо тотъ свершитъ благое дѣло предъ Нимъ, избавивъ народъ вѣрный Богу отъ врага, клеветника и губителя. Гдѣ живетъ этотъ злодѣй?

— Въ Городнѣ—былъ отвѣтъ отъ Шмуля! Только онъ тамъ рѣдко бываетъ; учится въ Кіевѣ и теперь поѣхалъ въ Кіевъ съ домашней побывки. Теперь должно быть пріѣдетъ знмой къ своему празднику.

— Такъ пусть-же, пріѣхавши къ роднымъ своимъ, онъ уже не ѣдетъ болѣе въ Кіевъ! Кто живетъ въ Городнѣ!?

— Я, отвѣчалъ Давидъ, — держу тамъ корчму, да мой своякъ Яковъ служитъ у пана Дубовика, тамошняго сотника.

— Пусть-же они примутъ на себя святой долгъ избавить своихъ единовѣрцевъ отъ опаснаго врага, сказалъ цадикъ.—Велико утѣшеніе будетъ всему израилю, когда услышится, что его нѣтъ болѣе на свѣтѣ.

Приближался праздникъ Рождества Христова. Тѣ студенты кіевской коллегіи, которыхъ родные жили недалеко отъ Кіева, пользуясь наступавшимъ свободнымъ отъ ученія временемъ, спѣшили провѣдать своихъ кровныхъ, чтобъ на досугѣ вмѣстѣ съ ними поѣсть колбасъ, послушать колядокъ и самимъ, при возможности, пощеголять декламаціею виршъ и вертепныхъ дѣйствъ. Каждому хотѣлось пріѣхать домой, по крайней мѣрѣ, дня за три или за два до праздника, чтобы принять участіе и въ домашнихъ приготовленіяхъ къ праздничному торжеству, которыя въ Малороссіи заключаютъ въ себѣ что-то веселое. Отправился изъ Кіева и Микола Сохно въ свою родную Городню, гдѣ у него проживали постоянно козакъ отецъ съ матерью, двѣ сестры и меньшій братъ. Микола на перепутьи заѣхалъ къ Вендюху, котораго считалъ и называлъ своимъ протекторомъ, пробылъ у него въ усадьбѣ цѣлый день, а потомъ Вендюхъ отправилъ его на своихъ лошадяхъ въ Городню. Сохно пріѣхалъ въ родительскій домъ 23 декабря уже передъ вечеромъ. Послѣ первыхъ выраженій радости свиданія и веселаго домашняго, хотя и скромнаго, какъ надлежало, во время поста, ужина, родители отвели сыну отдѣльную избу и помѣстили его тамъ съ меньшимъ братомъ.

Утромъ на другой день меньшой братъ ушелъ изъ избы, домашніе были заняты приготовленіями къ празднику, а Микола, повидавшись съ ними, сѣлъ одинъ въ избѣ и сталъ читать какую-то книгу привезенную съ собою. Вдругъ къ нему кто-то постучался и Микола удивился, когда къ нему вошелъ іудей, городненскій корчмарь Давидъ.

— Что тебѣ надобно, жидъ? спросилъ его отрывисто Микола.

Былъ прежде жидъ—сказалъ Давидка: а теперь такой, что ужь не хочетъ быть жидомъ!

— Что ты хочешь сказать? съ удивленіемъ спросилъ его Микола.

— То, что хочу креститься, сказалъ іудей.

— Богъ тебя благословитъ на доброе дѣло, если истинно желаешь совершить его. Какъ-же это пришла тебѣ такая благая мысль? — спрашивалъ Сохно.

— Самъ не знаю, отвѣчалъ Давидъ.—Видно благодать послана отъ Бога. Вотъ, сижу себѣ и думаю, и вдругъ какъ будто мнѣ что-то ясно стало, что въ нашемъ жидовскомъ законѣ что-то не-

правильно; ждемъ ны пришествія Мессіи напрасно! Мессія уже приходилъ: это былъ вашъ Іисусъ Христосъ; какъ обѣщалъ Богъ черезъ пророковъ, такъ оно и совершилось; онъ есть царь неба и земли. И отъ того вѣрующіе въ него всю власть получили, а бѣдные глупые жидки, что не хотѣли одни изъ всѣхъ народовъ признать его, терпятъ наказаніе отъ Бога и у всѣхъ пребываютъ въ пренебреженіи и униженіи; прежде были первый народъ на землѣ, а теперь стали самый послѣдній. Хотѣлось мнѣ вчитаться въ ваши книги. Я бралъ читать вашъ Новый Завѣтъ, чтобы познакомиться съ закономъ христіанскимъ, да многаго не понимаю. Я прихожу къ твоей милости; окажи мнѣ помощь и содѣйствіе. Хочу поговорить съ тобою!

Молодой студентъ съ живостію, свойственною его пылкому характеру, принялъ близко къ сердцу слова іудея и пришелъ въ восторгъ. Онъ съ увлеченіемъ началъ излагать основныя начала христіанскаго вѣроученія, стараясь свидѣтельствами Ветхаго Завѣта доказывать іудею, что Христосъ есть именно тотъ обѣтованный Мессія, котораго предвозвѣстили пророки. Іудей слушалъ его, по видимому, съ напряженнымъ вниманіемъ и съ чувствомъ, которое выражалось по временамъ вздохами. За тѣмъ іудей сталъ дѣлать нѣкоторые вопросы, касавшіеся обрядовой стороны религіи. Миколѣ не приходило въ голову, что іудей говоритъ неискренно, хотя другой, болѣе Миколы опытный, замѣтилъ-бы это, такъ какъ іудей, начавши съ заявленія желанія уразумѣть Новый Завѣтъ, сошелъ вдругъ на второстепенные предметы, напримѣръ: сколько постовъ уставлено въ православной церкви и какъ ихъ соблюдать, какіе праздники надобно особенно почитать, что значитъ освященіе воды на іордани? Опытнаго остановило-бы то, что это все вопросы, которые всякому иновѣрцу могли придти въ голову изъ простаго любопытства, какъ неизвѣстные пріемы въ чужой для него религіи, и не показывали еще желанія узнать сущность вѣроученія, чтобы самому усвоить его. Микола простодушно удовлетворилъ іудея отвѣтами, а Давидко сказалъ, что готовъ креститься хоть тотчасъ, только вотъ жена его немного колеблется. Іудей просилъ Миколу идти съ нимъ и убѣждать жену его и дѣтей не противиться горячему желанію хозяина и вмѣстѣ съ нимъ принять крещеніе. Не долго размышляя, Микола увлекся представлявшеюся ему апостольскою дѣя-

тельностью и согласился. Домашніе, въ другой избѣ занятые хлопотами по хозяйству, не видали проходившаго къ Миколѣ жида и онъ, не сказавши ничего родителямъ, вышелъ съ нимъ изъ дома, надѣясь скоро воротиться. Микола уже не возвратился.

Сначала родители, замѣтивъ, что сына нѣтъ дома, думали, что онъ отправился къ обѣднѣ и, устроивши домашнія свои хлопоты, сами пошли въ церковь. Сына своего они тамъ не видали. Окончилась навечерняя обѣдня. Уже смеркалось. Собралась вся семья на кутью. Микола не приходилъ. Отецъ былъ недоволенъ, ворчалъ и грозилъ дать ему нагоняя за то, что онъ невѣсть-куда запропастился изъ дома въ такой торжественный день. Вотъ уже наступила ночь. Никто не могъ уснуть, безпрестанно прислушивались къ каждому шороху внѣ дома, ожидая возвращенія Миколы. Но его не было. Дочери въ безпокойствѣ бросились по сосѣдямъ спрашивать о братѣ. Никто его не видалъ, ни къ кому не заходилъ онъ. Мать стала плакать и вопить, да и у самаго отца негодованіе уступило мѣсто страху. Такъ проходила эта безпокойная зловѣщая ночь. Зазвонили къ заутрени. Всѣ пошли въ церковь. Миколы тамъ не было. Спрашивали священника, не видалъ-ли онъ его; спрашивали церковнослужителей; никто не сообщилъ о немъ чаемаго извѣстія. Началась литургія. И ее отстояла семья Сохны съ тревогою, Микола не показывался. Воротились домой. Сѣли по обычаю разговляться, но вмѣсто того, чтобъ ѣсть и пить—всѣ плакали. „Праздника люди дождались, сказалъ отецъ, а мы—великаго горя! Микола пропалъ!“—„Его нѣтъ болѣе въ живыхъ, мой Микола пропалъ!“ кричала мать и какъ безумная, металась изъ угла въ уголъ.

Быстро разнеслась по Городнѣ вѣсть объ исчезновеніи неизвѣстно куда кіевскаго студента, пріѣхавшаго къ родителямъ на праздники. На второй день праздника является къ Сохнамъ посполитый обыватель Лавринъ Хоргвиненко и объявляетъ, что въ навечеріе праздника онъ случайно видѣлъ, какъ Микола Сохно шелъ вмѣстѣ съ жидомъ Давидкомъ въ корчму послѣдняго.

— Я, говорилъ Хоргвиненко, ходилъ въ шинковный домъ купить вина къ празднику. Выходя изъ корчмы съ виномъ, я на порогѣ корчмы повстрѣчался съ Сохномъ, когда онъ вмѣстѣ съ корчмаремъ туда входилъ. Мы поздоровались, а Микола, указавши на жида, сказалъ, что этотъ почтенный израильтянинъ хочетъ къ Хри-

сту обратиться. А жидъ Давидко махнулъ рукою и проговорилъ: „это еще не рѣшенное дѣло“. Я ушелъ съ виномъ къ себѣ домой, а ихъ въ корчмѣ оставилъ. Съ той поры я Миколы Сохна не видалъ.

Свидѣтельство Хоргвиненка въ данную минуту было очень важно. Слѣдъ пропавшаго безъ вѣсти начиналъ отыскиваться. Родители пошли къ городненскому сотнику Дубовику и просили, на основаніи свѣдѣнія, доставленнаго Хоргвиненкомъ, сдѣлать допросъ жиду Давиду.

Сотникъ немедленно приказалъ позвать корчмаря. Онъ прежде того находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и называлъ добрымъ человѣкомъ, а потому принялъ его ласково и спрашивалъ: знаетъ-ли онъ кіевскаго студента Миколу Сохна и не видалъ-ли его послѣ его пріѣзда къ родителямъ къ празднику? Жидъ отвѣчалъ, что онъ Сохна не знаетъ и никогда его въ глаза не видывалъ. Дубовикъ, не сказавши жиду ни слова, приказалъ позвать Хоргвиненка. Послѣдній сталъ уличать жида, что на канунѣ праздника онъ ходилъ къ нему въ корчму за виномъ и на порогѣ встрѣтилъ Сохна, шедшаго въ корчму вмѣстѣ съ ея хозяиномъ. Давидка, увидя Хоргвиненка, сначала смутился и поблѣднѣлъ, но скоро оправился и сказалъ, что не видалъ ни того, ни другого, а потомъ подался и говорилъ Дубовику: „вельможный панъ, ко мнѣ въ этотъ день предъ праздникомъ много народа приходило. Можетъ быть и онъ приходилъ, я его хорошо не замѣтилъ“.

— Странное дѣло!—сказалъ Хоргвиненко—какъ это меня ты могъ не узнать! Вѣдь мы очень давно одинъ другого знаемъ. Мы съ тобой сосѣди. Наши дворы заборами сошлись. И Сохна ты знаешь, когда съ нимъ рядышкомъ шелъ въ свою корчму, а Сохно при тебѣ сказалъ мнѣ, что ты хочешь креститься, ты-же махнулъ рукою и проговорилъ: это дѣло еще не рѣшенное. Это дѣлалось всего только позавчера.

— Ничего такого не было! говорилъ Давидко. Этотъ мужикъ просто выдумалъ. Я никакого Сохна не видалъ и въ лицо не знаю!

— Ну, это уже черезъ чуръ, сказалъ сотникъ. Съ чего таки этому человѣку на тебя выдумывать? Я понимаю: ты Давидка, человѣкъ хорошій, ни въ чемъ судомъ не объявлялся. Но ты просто трусъ, какъ вся ваша братія жиды. Ты боишься, самъ не зная, чего. А это напрасно. Ну, что изъ того, если къ тебѣ приходилъ

этотъ Сохно? Мало-ли кто къ тебѣ приходитъ? У тебя корчма. Входъ никому не закрытъ.

Это ободрило Давидка. Помявшись еще немного, онъ сказалъ, что хорошо не помнитъ, можетъ быть и этотъ Сохно приходилъ. Много народа входило и выходило. Тѣ пили, другіе покупали вино и съ собой уносили. Кажется точно съ этимъ Хоргвиненкомъ входилъ какой-то молодой, но Сохно-ли онъ, или иначе прозывается, онъ, Давидъ, не знаетъ.

Хоргвиненко еще разъ заявлялъ, что съ нимъ никто не приходилъ, напротивъ онъ встрѣтилъ въ дверяхъ корчмы Сохна, шедшаго туда вмѣстѣ съ корчмаремъ.

— Вонъ, сказалъ сотникъ, говорятъ про тебя, что ты обѣщалъ Сохну креститься и это про тебя Сохно Хоргвиненку сказалъ. Что ты на это намъ скажешь?

— Неправда, отвѣчалъ Давидко; у меня и на умъ это никогда не приходило.

— Говорятъ, ты ходилъ къ Сохну въ тотъ день и родители Сохна сказывали, что приходилъ къ ихъ сыну какой-то жидъ, но они его не видали?—продолжалъ сотникъ.

— Не ходилъ я къ Сохну, сказалъ Давидко; можетъ быть какой-то тамъ жидъ и ходилъ, да не я!

— Эхъ Давидко, Давидко! говорилъ сотникъ:—самъ на себя ты наводишь подозрѣніе, я увѣренъ, что напрасное. А все изъ своей трусости, боишься правду сказать.

— Вельможный панъ сотникъ! произнесъ немного помолчавши Давидко: прости меня глупаго. Я точно испужался. Правду я скажу. Былъ у меня молодой человѣкъ: Сохно-ли онъ или другой кто—не знаю. Онъ приходилъ вмѣстѣ съ нимъ, купили вина и вмѣстѣ ушли, выпивши по чаркѣ.

— Ни я, ни Сохно у тебя вина не пили, сказалъ Хоргвиненко: купилъ вино у тебя я, а ты пришелъ вмѣстѣ съ Сохномъ откуда-то и остался съ нимъ въ корчмѣ.

— Вотъ таки ты, Давидко, начинаешь подаваться. Подайся-жъ до конца!—говорилъ сотникъ: лучше будетъ и для насъ и для тебя самаго. Видно изъ всего, что Хоргвиненко говоритъ правду, а ты отъ страха путаешься. Ты самъ пришелъ съ Сохномъ въ свою корчму, а не съ Хоргвиненкомъ Сохно приходилъ, какъ ты по-

казываешь. Сознайся-ка. Скажи откровенно, куда ты ходилъ съ Сохномъ, или гдѣ его встрѣтилъ? Говори правду. Ничего не бойся.

— Я, твердилъ Давидко, съ Сохномъ никуда не ходилъ и не зналъ его. А что, быть можетъ онъ у меня въ корчмѣ былъ, такъ у меня много людей перебывало въ этотъ день. Всѣхъ не узнаешь!"

— Такъ ты съ Сохномъ никуда не ходилъ и съ нимъ въ корчму не входилъ? спрашивалъ сотникъ. Это твое послѣднее слово?

— Да, вельможный панъ!— сказалъ жидъ.

— Ну, смотри-же, сказалъ сотникъ; если что-нибудь откроется, какъ-бы ты не запутался чрезъ свое упрямство.

Жида отпустили. Родители Сохна были этимъ недовольны, но сотникъ сказалъ имъ: „я по праву не могъ задержать его. Сами слышали, какъ онъ запирался. Никакихъ уликъ противъ него не имѣется".

Послѣ новаго года наступила продолжительная оттепель. Въ теченіи трехъ недѣль она дошла до того, что походила уже на весеннюю распутицу. Дворъ Хоргвиненка прилегалъ къ двору корчмаря. За садомъ у него было гумно, а за нимъ ограда, за которою начиналась ограда корчмаря. Между двумя оградами было пустое мѣсто шириною сажня въ два и тамъ навалена была большая куча перетлѣлой соломы, выброшенной изъ гумна Хоргвиненка. Однажды Хоргвиненко обходилъ свое гумно и, приблизившись къ оградѣ, за которою лежала солома, почуялъ трупный запахъ; онъ перелѣзъ черезъ невысокую ограду и, пригнувшись къ соломѣ, удостовѣрился, что запахъ исходитъ оттуда. Хоргвиненко пригласилъ въ свидѣтели двухъ сосѣдей и при нихъ сталъ разрывать солому. Наткнулись на человѣчій трупъ, который началъ уже разлагаться. Тѣмъ не менѣе на немъ можно было замѣтить слѣды порѣзовъ, а на рукахъ были веревки, которыми трупъ, какъ видно, былъ къ чему-то привязанъ.

— Это Сохно! сказалъ Хоргвиненко;—тотъ самый, что на кутью пропалъ не вѣсть куда. Это онъ!

Тотчасъ дали знать сотнику. Дубовикъ приказалъ принести трупъ въ сотенный дворъ и помѣстить въ пустую холодную клѣть (хижу). Одного изъ служителей послалъ онъ за родителями Сохна, а сотенному хорунжему Ничипоренку поручилъ съ понятыми произвести обыскъ во дворѣ жида корчмаря и самаго корчмаря доставить

въ сотенную избу. Ничипоренко во дворѣ корчмаря въ пустой клѣти нашелъ висящіе на перекладинѣ остатки веревки и когда приложили ихъ къ тѣмъ веревкамъ, которые находились на рукахъ трупа, оказалось, что онѣ были отрѣзками однѣ отъ другихъ.

Въ то время, когда въ холодной хижѣ, гдѣ положенъ былъ трупъ, посреди набившагося туда народа, родители разливались въ слезахъ и воплях, въ сотенной избѣ Дубовикъ дѣлалъ допросъ Давидкѣ.

— Ну, жидъ, говорилъ сотникъ, что теперь ты скажешь? Тутъ ужъ не подозрѣніе, а прямыя улики. Это твое дѣло съ Сохномъ.

— Отчего мое? крикливымъ голосомъ заговорилъ жидъ. — Я тутъ причемъ? Мало кто ко мнѣ въ корчму ходитъ вино пить и покупать! За всѣхъ развѣ я отвѣчать долженъ, если какой гдѣ пропадетъ! Что? развѣ онъ у меня въ дворѣ найденъ? Пусть отвѣчаетъ тотъ, у кого въ соломѣ нашли его.

— Отчего-же, говорилъ сотникъ, такъ случилось, что веревки, висѣвшія на перекладинѣ въ твоей клѣти, оказались отрѣзками тѣхъ, что найдены у трупа на рукахъ?

— Не знаю, говорилъ жидъ, почему-же тѣ? Веревка всякая похожа на другую веревку.

— А что ты вѣшалъ на перекладинѣ въ своей клѣти подъ овиномъ?—допрашивался сотникъ.

— Это ужъ давно было, милостивый панъ, отвѣчалъ іудей. Когда-то рѣзали барана, такъ тамъ висѣла тушка. Такъ и оставались съ той поры отрѣзки веревокъ.

— Это ты врешь! сказалъ сотникъ; отрѣзокъ, висѣвшій у тебя въ клѣти, ясно показываетъ, что онъ отъ той самой веревки, что была на рукахъ у мертвеца. Это твое дѣло! Сознавайся! Не то я тебя прикажу заковать, а потомъ велю вести на „тортуры“, чтобъ добыть отъ тебя правду.

— За что такъ, вельможный, милостивый панъ? говорилъ жидъ; развѣ только за то, что я бѣдный жидъ и насъ горемыкъ всѣмъ обижать можно? Гдѣ-же тутъ правда? У кого нашли мертвое тѣло, того и ведите въ тортуры и допытывайтесь, а не меня; я къ этому дѣлу ничѣмъ не приличенъ, мое дѣло совсѣмъ сторона.

— Ты, говорилъ сотникъ, съ покойникомъ входилъ откуда-то въ свою корчму и не хотѣлъ въ томъ сознаться, когда тебя въ томъ уличали, а теперь у тебя въ хижѣ нашли отрѣзокъ той са-

мой веревки, которою былъ привязанъ мертвецъ. Это прямыя улики. И когда ты запираешься, по праву тебя слѣдуетъ вести въ тортуры и допытываться правды муками.

Сколько ни кричалъ жидъ, его заковали, и потомъ сотникъ еще разъ предложилъ ему сознаться безъ мукъ добровольно, а жидъ твердилъ одно и тоже: „допытывайтесь правды у того, въ чьей соломѣ нашли мертвое тѣло, а я тутъ ни при чемъ“. Его повели къ пыткѣ, въ другую комнату, приспособленную къ такимъ цѣлямъ.

Едва жидъ увидалъ дыбу, кнуты и желѣзо, положенное на горячіе уголья, какъ упалъ на колѣни и закричалъ, что безъ мукъ всю правду объявитъ. Его не стали пытать и привели снова въ сотенную избу.

— Я пропалъ! кричалъ жидъ, пропалъ на вѣки! Пропащій я теперь человѣкъ! Сознаюсь во всемъ: мы убили Сохна—я вмѣстѣ съ Хоругвиненкомъ.

— Ты брешешь, какъ песъ!—воскликнулъ Хоругвиненко.

— Молчи! грозно крикнулъ на Хоругвиненка сотникъ и приказалъ надѣть на него цѣпь. Потомъ, обратившись къ жиду, онъ сказалъ:

— По праву слѣдуетъ тебя вести въ пытку, чтобъ ты на тортурахъ подтвердилъ то, что сказалъ.

Напрасно жидъ кричалъ въ совершенномъ умозступленіи. Его быстро потащили въ пыточную, подняли на дыбу, но едва дали одинъ ударъ, какъ онъ закричалъ, что сказалъ неправду. Его стащили и привели въ сотенную избу.

Скрежеща зубами и трепеща всѣмъ тѣломъ, жидъ, прерывая рѣчь всхлипываніями, сказалъ:

— Я напрасно показалъ на Хоругвиненка. Я сдѣлалъ такъ изъ злобы за то, что Хоругвиненко донесъ на меня.

Снимите цѣпь съ Хоругвиненка, проговорилъ сотникъ и, обратившись снова къ жиду, говорилъ:

— Кто былъ съ тобою, когда ты мучилъ Сохна?

— Мой своякъ Яковъ, проговорилъ Давидко.

— Тотъ, что у меня служитъ? спросилъ сотникъ.

— Тотъ самый, отвѣчалъ Давидко.—Болѣе никого не было.

— Мы васъ не станемъ болѣе допрашивать и мучить. Убійство найдено, одинъ убійца сознался. Препроводимъ его вмѣстѣ съ его

товарищемъ и Хоргвиненкомъ въ Черниговъ. Пусть тамъ полковыя власти ихъ судятъ. А ты, писарь, напиши отъ меня донесеніе,— сказалъ сотникъ.

Писарь написалъ донесеніе черниговскому полковнику Евфиму Лизогубу: въ этомъ донесеніи было выражено, что „сотни городницкой одинъ жидъ, по имени Давидко, прибравши въ товарищи другого жида, свояка своего Якова, ночью, въ навечеріе праздника Рождества Христова, одного христіанина Миколу Сохна изъ шинковнаго дома запровадили на особое мѣсто и тамъ онаго безбожно замучили, и рѣзали его, и кровь точили. И хотя жидъ Давидко обвинилъ въ участіи съ нимъ еще одного христіанина, но на первой пыткѣ его оправилъ". Вмѣстѣ съ рапортомъ посылалось подробное описаніе признаковъ убійства, найденныхъ на трупѣ Сохна.

Тѣло убитаго было отдано родителямъ на погребеніе, которое и совершилось обычнымъ порядкомъ.

Въ городѣ Черниговѣ на ратушѣ, по приказу черниговскаго полковника Евфима Лизогуба, засѣдали: полковой судья Затиркевичъ, въ качествѣ его товарищей или подсудковъ Ялинскій и Свободецкій, черниговскій войтъ Іосифъ Евлевичъ, бурмистръ годовой Ѳедоръ Якимовичъ, двое сотниковъ приглашенныхъ къ суду—Стефановичъ и Молявка, двое райцевъ черниговскихъ и мѣйскій писарь Емельянъ Якимовичъ. Судья провозгласилъ, что будетъ разбираться „дѣло по донесенію сотника городненскаго Дубовика о мученіи Сохны, жителя городненскаго, отъ жидовъ учиненномъ".

— Говори, подсудимый, да только всю правду говори, сказалъ судья введенному на судъ Давидку корчмарю, иначе знай, что если правды не скажешь добровольно, то поведутъ тебя на тортуры.

Жидъ Давидко объявилъ, что въ селѣ „Жуковцахъ, въ корчмѣ сотника дѣвицкаго Вендюха, у жида орандаря Шмуйла, собирались жиды на свой жидовскій праздникъ Трубки, и пришелъ къ нимъ христіанинъ Микола Сохно и сталъ ругать и поносить всѣхъ жидовъ, и жиды, которыхъ тамъ было болѣе сорока человѣкъ, и они всѣ озлобились и по отъѣздѣ того христіанина Сохна, жителя городненскаго, приговорили его убить за то, что онъ жидовъ и ихъ жидовскую вѣру поносилъ. И онъ Давидко съ своякомъ своимъ Яковомъ, живучи въ Городнѣ, подялись на то дѣло".

— Неправда, сказалъ судья. Ты не сказалъ настоящей причины. Вамъ, жидамъ, потребно было крови христіанской. Вы обыкли красть христіанскихъ дѣтей и мучить ихъ, кровь изъ нихъ выточивать для употребленія въ свои жидовскіе мацы. Въ вашемъ проклятомъ законѣ такъ постановлено, только вы сохраняете это отъ насъ втайнѣ и никто изъ васъ не долженъ того открывать, если-бъ даже его стали рѣзать и жечь. Намъ-же теперь именно о томъ власно идетъ, чтобъ васъ въ томъ обличить, да не то, что тебя или другую такую какъ ты шельму, а все ваше жидовство, дабы допытаться до вашей тайной науки и ее всему міру объявить и искоренить навсегда, хоть-бы и со всею вашею богопротивною злодѣйскою жидовскою породою. Теперь вотъ ты вѣдомый преступникъ, и въ преступствѣ своемъ сознаешься, а причины преступства своего добровольно ни за что не откроешь. Такъ мы намѣрены тебя заставить повѣдать намъ всю правду. Мы тебя такъ припаримъ, что ты у насъ заговоришь и скажешь намъ такъ, какъ мы захотимъ. Говори, собачій сынъ, ты замучилъ христіанина затѣмъ, чтобъ изъ него крови христіанской наточить. Сознавайся!

Жидъ трясся всѣмъ тѣломъ, не удержался на ногахъ и повалившись ничкомъ, вопилъ въ отчаяніи: „пропалъ я! пропалъ я! милостивые паны! я виноватъ, казните меня, вершите меня, только не мучьте меня!“

— Говори, проклятый! закричалъ судья; говори то, о чемъ тебя спрашиваютъ. Добромъ говори, коли не хочешь отвѣдать нашей припарки.

— Ай вей миръ! вей миръ! вопилъ жидъ. Я ничего такого не знаю. Далибугъ не знаю! чтобы мнѣ сейчасъ провалиться сквозь землю, если я знаю что нибудь объ этой крови, что вы спрашиваете.

— Водите его въ баню, заревѣлъ судья; положить ему на спину и на животъ припарку, такъ заговоритъ иное.

Козаки потащили жида, который продолжалъ кричать и падалъ на землю... Пыточная здѣсь, какъ и въ сотенномъ домѣ въ Городнѣ, была рядомъ съ судовою избою, гдѣ производился судъ. Съ преступникомъ пошли туда Ялинскій и Свободецкій. Сняли съ Давидка одежду и стали водить по спинѣ раскаленнымъ желѣзомъ. Его пронзительные крики разносились въ судейской комнатѣ и слышны

были на дворѣ. Между тѣмъ въ судейской комнатѣ происходило такое совѣщаніе.

Войтъ сказалъ:

— Городненскій обыватель Хорогвиненко объявлялъ, что покойный Сохно, встрѣтившись съ нимъ въ день своей плача достойной смерти, говорилъ, что этотъ жидъ приходилъ къ нему Сохну и заявлялъ желаніе креститься. Мнѣ кажется, теперь-бы этому жиду сказать, что если онъ окрестится и откроетъ всю ихъ жидовскую тайну, то ему будетъ помилованіе: онъ трусъ, на все согласится, и изложитъ подробно на письмѣ о всемъ, что по ихъ закону дѣлается.

— Безполезно — сказалъ судья; жиды изведутъ его, какъ измѣнника имъ, и будутъ твердить, что онъ отъ трусости крестился и клевещетъ, чтобъ намъ угодить.

Въ эту минуту вошли бывшіе при пыткѣ и объявили, что преступникъ согласенъ показать, какъ велятъ.

Ввели истерзаннаго, обожженнаго жида. Онъ отъ боли не могъ пошевелиться. Его поддерживали.

Судья ласковымъ голосомъ сказалъ ему:

Присядь, Давидъ, и переведи духъ, а потомъ повѣдай намъ все, что знаешь. Говори смѣло. Не бойся!

Жидъ попросилъ воды, ему подали. Онъ выпилъ, и хотѣлъ было подняться, но закричалъ отъ боли и упалъ на скамью.

— Сиди, сиди! сказалъ судья. Не бойся! Говори сидя, только прошу тебя честью, говори правду, иначе уже не на насъ пеняй, а на самого себя.

Жидъ прерывистымъ голосомъ говорилъ такое показаніе:

— Какъ собрались жиды въ селѣ Жуковцахъ въ корчмѣ сотника Дѣвицкаго, у корчмаря Шмуля, на свой праздникъ Трубки, и было насъ тамъ человѣкъ сорокъ, и стали всѣ просить меня достать крови христіанской на праздникъ жидовскій пейсахъ, на которое дѣло поднялся я съ своякомъ своимъ Яковомъ. И какъ воротились мы съ Яковомъ въ Городню и черезъ нѣсколько недѣль, въ навечеріе христіанскаго рождественскаго праздника, пришелъ ко мнѣ въ корчму Хорогвиненко съ Сохномъ и купилъ вина, а какъ пошли домой, я догналъ Сохна, взялъ его и повелъ на гумно, и тотчасъ своякъ мой Яковъ, бывшій на то время у меня въ поварнѣ, при-

шелъ, и мы съ нимъ Сохна связали и у сохи за руки и за шею повѣсили на перекладинѣ и привязавъ къ сохѣ, языкъ у него мотузкомъ вытянули и отрѣзали, потомъ уши понарѣзовали и въ платокъ завертѣли, а на позѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мякишъ, жилу вытянули для крови, и я ту кровь платкомъ обтеръ, а его умучивъ, съ перекладу снявъ и на овинъ тѣло встянувъ, съ своякомъ своимъ Яковомъ въ солому схоронилъ, которое двумя днями оттуда вывезъ ночью передъ свѣтомъ за гумно христіанина Лаврентія Хоротвиненка. А что перво на него Хоротвиненка я говорилъ, будто онъ мнѣ къ тому мученію былъ доточенъ, противъ того нынѣ его совершенно свобождаю, онъ не зналъ о томъ, а я для того Хоротвиненка былъ опорочилъ, что онъ въ корчмѣ былъ, когда Сохно приходилъ. И съ тѣхъ составовъ куски ушей посрѣзанныхъ я сѣдневскому жиду Шмулю отослалъ, а тупичевскому жиду Юдцѣ отвезъ языкъ и въ Сѣдневѣ на торгу подлѣ воза съ нимъ снявся далъ.

— А платокъ съ кровью куда дѣлъ? спрашивали судьи.

Жидъ отвѣчалъ, что отослалъ въ Жуковцы жиду Шмулю для раздачи жидамъ по кусочкамъ.

Допросили жида Якова. Онъ сказалъ:

— Заѣхалъ было я въ Жуковку, гдѣ многіе жиды на свой праздникъ собрались, и какъ туды и своякъ мой Давидко изъ Городни пріѣхалъ, и учалъ меня наговаривать, чтобъ я на житье въ Городню ѣхалъ, обѣщая мнѣ мѣсто тамъ возлѣ себя въ Городнѣ сыскать. А какъ перешелъ я въ Городню на житье, нашелъ мнѣ своякъ Давидъ мѣсто у господина Дубовика. А что Давидъ своякъ на меня говорилъ, будто я былъ доточенъ до мученія христіанина, и о томъ онъ лжетъ и клевещетъ на меня напрасно.

Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ гетмана Мазепы царю говорится, что послѣ этого показанія жида Якова велѣно было „съ суда голову и бороду обрить“, а потомъ позвавши его въ судовую избу, допрашивали ласково безъ пытки. Вѣроятно, ему обрили голову и бороду съ намѣреніемъ дѣлать какую нибудь пытку, но потомъ замѣтивши, что и безъ пытки можно допроситься отъ него правды, пріостановились.

Жидъ Яковъ еще нѣкоторое время путался и запирался, наконецъ сказалъ:

— Что Давидъ въ своихъ рѣчахъ говорилъ, и то мученіе такъ велось. Я-же съ поварни какъ пришелъ, засталъ уже Сохна не-

живого. При мнѣ Давидъ у Сохна отрѣзалъ часть языка и у одной ноги, кожу разрѣзавъ, вытянулъ жилу. А христіанинъ Хорогвиненко съ нами въ томъ дѣлѣ не былъ.

Обоихъ преступниковъ отвели въ тюрьму скованными. По оговору Давида потребовали сѣдневскаго жида Шмуля и тупичевскаго Юдку. Но то были не изъ того трусливаго десятка, какъ жидъ Давидко. Они во всемъ заперлись; ихъ подвергли жестокимъ пыткамъ; два раза палачъ водилъ имъ по спинамъ раскаленнымъ желѣзомъ, но отъ этихъ жидовъ не могли добиться никакого сознанія.

Хотя въ тѣ времена не существовало ни электрическихъ телеграфовъ, ни телефоновъ, но вѣсть о томъ, что жиды замучили въ Городнѣ христіанина съ цѣлію добыть изъ него христіанской крови, распространилась съ непонятною быстротою. Даже подробности суда надъ двумя обвиненными стали повсемѣстно извѣстны.

Не происходило нигдѣ стачекъ и заговоровъ, а въ селахъ черниговскаго полка поднялся народъ, какъ одинъ человѣкъ. Толпы бросались на жидовскіе дворы и оранды. Началось всеобщее жидотрепаніе. Несчастный Шмуль въ Жуковцахъ поплатился жизнію со всѣмъ своимъ семействомъ. Его самаго убили дубьемъ, какъ бѣшеную собаку, по выраженію его убійцъ. Жену его и дѣтей заперли въ избѣ и зажгли избу со всѣхъ сторонъ, подобно тому побили до смерти нѣсколькихъ другихъ жидовъ въ ихъ орандахъ: эта жестокая судьба постигала тѣхъ, которыхъ народъ, зная ихъ ненависть къ христіанству, считалъ способными принимать участіе въ убійствѣ христіанина и вытачиваніи изъ него крови. Гдѣ только была іудейская синагога—народъ превращалъ ее въ груду развалинъ, извлекалъ свитки Торы и сожигалъ, предавая прежде всяческимъ поруганіямъ іудейскую святыню. Въ большей части орандъ поступили, однако, съ жидами милостивѣе: ихъ ограбили до ниточки, забрали у нихъ деньги и отдавали на церковь, истребляли ихъ движимое имущество, выпустили изъ бочекъ ихъ вино и черпали съ земли кто успѣлъ зачерпнуть и напиться, порвали и пометали въ огонь жидовскіе наряды, порубали въ домахъ мебель и утварь, перебили посуду, въ добавокъ самихъ поколотили и пустили чуть не нагишомъ на всѣ четыре стороны. Изгнанники безъ оглядки бѣжали, стараясь добраться до Днѣпра и перебраться въ польскія владѣнія. Но многимъ это не удалось и они погибли отъ голода и стужи, въ особенности такая участь постигла бѣдныхъ израильскихъ дѣтей, но о нихъ никто не жалѣлъ: у всякого въ воображеніи были живы образы тѣхъ христіанскихъ дѣтей, которыхъ жиды, по общей увѣренности.

страшно мучили, вытачивая изъ нихъ кровь. Гетманъ, узнавши о волненіи, издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ народу оставить самоуправство, обѣщая правомъ преслѣдовать и карать тѣхъ, которые окажутся виновными. Но не столько этотъ универсалъ, сколько утомленіе, скоро наступившее послѣ первыхъ порывовъ, остановило народное волненіе, хотя не угасило его вовсе и оно при первомъ случаѣ готово было возобновиться. На этотъ разъ жидотрепаніе ограничилось черниговскимъ полкомъ и только отчасти захватывало поселенія кіевскаго и нѣжинскаго.

Въ числѣ жертвъ народной расправы были и главные дѣятели этой трагедіи, съ которыхъ она и началась. Гетманъ, получивъ отъ черниговскаго полковника донесеніе о судѣ надъ двумя жидами, обвиненными въ убійствѣ христіанина, приказалъ препроводить ихъ къ нему въ Батуринъ, намѣревая „держать ихъ въ крѣпкомъ связаньѣ", чтобъ какъ нибудь добраться до полнаго открытія злодѣйской жидовской тайны. Но чуть только изъ Чернигова отправлены были арестанты, за конвоемъ козаковъ, городненскіе обыватели, узнавши объ этомъ, напали на дорогѣ на козаковъ, разогнали ихъ и, схвативши обоихъ преступниковъ, растерзали ихъ въ клочки въ буквальномъ смыслѣ слова. Гетманъ, получивши объ этомъ извѣстіе, произнесъ въ кругу приближенныхъ: „темна вода во облацѣхъ! Темное дѣло было, темнымъ и остается эта христіанская кровь у жидовъ! А мнѣ сдается, чуть-ли не правое было первое показаніе жида, что убили они студента за то, что ругалъ ихъ жидовскую вѣру и можетъ быть еще грозилъ. А потомъ какъ въ Черниговѣ на судѣ его приперли, домогаясь, чтобъ сознавался, что ради доставленія христіанской крови совершилъ убійство, онъ и сталъ имъ говорить, что тѣмъ угодно было. Если-бъ жиды были живы, я-бы можетъ вывелъ дѣло на чистую воду, а теперь—кто ихъ разберетъ!"—Гетманъ сообщилъ обо всемъ царю, и Петръ, какъ говорятъ, по этому поводу сказалъ: мудро поступали наши прародители, что не допускали въ подвластный имъ край этихъ жидовъ. Отъ нихъ только смута, понеже они нашу вѣру и нашъ народъ ненавидятъ, а нашъ народъ ненавидитъ родъ жидовскій и его вѣру. Притомъ и въ коммерціи и въ промыслахъ они нашимъ людямъ дѣлали-бы помѣху. Вреда отъ нихъ не мало, а полезности никакой нѣтъ! Лучше, когда ихъ у насъ нѣтъ; желательно, чтобъ и впередъ не было!

Іюль 1882 года. **Н. Костомаровъ.**

ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).

(*Продолженіе*) *).

XX.

Подъ старца была занята довольно обширная, но весьма убогая хибара,—впрочемъ въ самомъ излюбленномъ раскольничьемъ вкусѣ. Это была низенькая, полудеревянная, полумазанная, совершенно отдѣльная хибара. Она стояла гдѣ-то на задворкѣ и была ни откуда невидима. Точно она здѣсь нарочно построена въ такомъ сокрытіи, чтобы править въ ней нелегальныя богомольства.

Чтобы добраться до этого, буквально сказать, молитвеннаго хлѣва, надо было пройти одинъ дворъ, потомъ другой, потомъ завернуть еще во дворикъ, потомъ пролѣзть въ закоулочекъ и оттуда пройти черезъ дверь съ блочкомъ въ дровяную закуточку. Въ этой закуточкѣ былъ сквозной ходъ еще на особый маленькій дворишко, весь закрытый пупомъ поднявшеюся высокою навозною кучею, за которою по сторонамъ ничего не видно. Куча была такъ высока, что закрывала торчавшую изъ ея средины высокую шелковицу почти по самыя вѣтви.

Хатина имѣла три окна и всѣ они врядъ выходили на упомянутую навозную кучу, или, лучше сказать, навозный холмъ. При хатѣ имѣлись досчатыя сѣни, надъ дверями которыхъ новые наемщики тотчасъ-же по водвореніи водрузили небольшой мѣдный литой крестъ изъ тѣхъ, что называютъ „корсунчиками“.

Съ другой стороны на кучу выходило еще одно маленькое окно. Это принадлежало другому, тоже секретному помѣщенію, въ

*) См. февр. кн. «Кіевской Старины», за 1883 г., стр. 235—268.

которое входили со втораго двора. Тутъ жили двѣ или три „старицы“, къ которымъ ходили молиться раскольники иного согласія—„тропарники“, т. е. пѣвшіе тропарь: „Спаси, Господи, люди твоя“. Я въ тогдашнее время плохо понималъ о расколѣ и не интересовался имъ, но какъ теперь соображаю, то это должно быть были поморцы, которые издавна уже „къ тропарю склонились“.

Молитвенная хата, занятая подъ старца Малафея, до настоящаго найма имѣла другія назначенія: она была когда-то банею, потомъ птичною, „индѣечной разводкою“, т. е. въ ней сиживали на гнѣздахъ индѣйки насѣдки, а теперь, наконецъ, въ ней поселился святой мужъ и учредилась „моленна“, въ знакъ чего надъ притолками ея досчатыхъ сѣней и утвержденъ былъ мѣдный „корсунчикъ“.

Въ противоположность большинству всѣхъ помѣщеній шіяновскаго подворья эта хата была необыкновенно теплая.

XXI.

Старца Малахію каменьщики привезли поздпимъ вечеромъ на парныхъ деревенскихъ саняхъ и прямо привели его во храмину и заключили тамъ на безъисходное житье.

Убранства хатѣ никакого не полагалось, а что было необходимо, то сами-же прихожане устроили безъ всякой посторонней помощи.

Мы ее однажды осматривали черезъ окно, при посредствѣ отрока Гіезія, въ тѣ часы, когда Малафей Пимычъ, утомясь въ жаркій день, „держалъ опочивъ“ въ сѣничкахъ. По одной стѣнѣ горенки тянулись въ два тябла старинныя иконы, передъ которыми стоялъ аналой съ поклонною „рогозинкою“, въ углѣ простой деревянный столъ и предъ нимъ скамья, а въ другомъ углѣ двѣ скамьи, поставленныя рядомъ. Въ одномъ концѣ этихъ скамеекъ былъ положенъ толстый березовый обрубокъ, покрытый обрывками старой крестьянской свиты.

Это была постель старца, который почивалъ по правиламъ добляго жйтія, „не имѣя возглавицы мягкія“.

Для отрока Гіезія совсѣмъ не полагалось никакой ни утвари, ни омеблировки. Онъ велъ житіе не только иноческое, но прямо

спартанское: пилъ онъ изъ берестяного сверточка, а спалъ лѣто и зиму на печкѣ.

Старецъ „понялъ", т. е. полагалъ „началъ" чтенію и пѣнію, исповѣдалъ и крестилъ у своихъ раскольниковъ, а Гіезій состоялъ при немъ частію въ качествѣ дьячка, т. е. „аминилъ" и читалъ, а частію въ родѣ слуги и послушника. Послушаніе его было самое тяжкое, но онъ несъ его безропотно и съ терпѣніемъ неимовѣрнымъ. Старецъ его никуда почти не выпускалъ, „кромѣ торговой нужды", то есть хожденія за покупками; томилъ его самымъ суровымъ постомъ и при томъ еще часто „началилъ". За малыя прегрѣшенія „началенье" производилось ременною лѣствицею, а за болѣе крупныя грѣхи—концомъ веревки, на которой бѣдный Гіезій самъ-же таскалъ для старца воду изъ колодца. Если-же вина была „особливая", тогда веревка еще нарочно смачивалась и оттого удары ею наносимые спинѣ отрока были больнѣе.

Старца Малахію мы никогда вблизи не видали, кромѣ того единственнаго случая, о которомъ наступитъ разсказъ. Извѣстно было только одно общее очертаніе его облика, схваченное при одномъ рѣдкомъ случаѣ, когда онъ появился какой-то нужды ради передъ окномъ. Онъ былъ роста огромнаго, сѣдъ и бѣлобородъ и даже съ прозеленью: очи имѣлъ понурыя и почти совсѣмъ невидныя за густыми, длинными и тяжело нависшими бровями. Лѣтъ старцу, по наружности судя, было близко къ восьмидесяти; онъ былъ сильно сутулъ и даже согбенъ, но плотенъ и несомнѣнно еще очень силенъ. Волосы на его головѣ были острижены не въ русскій кружокъ, а какими-то клоками; можетъ быть „постризало" на нихъ уже и „не восходило", а они сами не росли отъ старости. Одѣтъ онъ былъ всегда въ черный мухояръ и черезъ плечи его на грудь висѣла длинная связка какихъ-то шаровъ, похожихъ на толстые баранки. Связка эта спускалась до самаго пупа и на пупѣ приходился крестъ, вершка въ три величиною. Это были чотки.

Голосъ старца былъ яко кимвалъ бряцаяй, хотя мы сподоблены были слышать въ его произношеніи только одно слово: „царень". Это случалось, когда старецъ кликалъ изъ двери Гіезія, выходившаго иногда посидѣть на гноищѣ у корня рябины.

Болѣе старецъ былъ не видимъ и не слышанъ, и судить о немъ было чрезвычайно трудно; но Кесарь Степановичъ и его характеризовалъ краткимъ опредѣленіемъ:

— Дуракъ присноблаженный.

XXII.

Гіезія мы знали несравненно ближе, потому что этотъ, по молодости своей, самъ къ намъ бился, и не смотря на то, что „дѣдушка" содержалъ его въ безмѣрной строгости и часто „началилъ" то лѣстовицей, то мокрой веревкой, отрокъ все таки находилъ возможность убѣгать къ намъ, и велъ себя въ нашемъ растлѣнномъ кругѣ не совсѣмъ одобрительно. За то, какъ ниже увидитъ читатель, съ нимъ однажды и воспослѣдовало такое бѣдствіе, какое навѣрное ни съ кѣмъ другимъ не случалось: онъ былъ окормленъ *человѣчьимъ мясомъ*... Или, точнѣе сказать, онъ имѣлъ несчастіе думать, будто надъ нимъ было совершено такое коварство „учоными", въ которыхъ онъ видѣлъ прирожденныхъ враговъ душевнаго спасенія.

Впередъ объ этомъ ужасномъ случаѣ будетъ разсказано обстоятельно.

Отроку, какъ я выше сказалъ, было двадцать два года. „Отрокъ", по примѣненію къ нему, не выражало поры его возраста, а это было его званіе, или лучше сказать его санъ духовный. Онъ былъ широкорожаго великорусскаго обличья, мордатъ и губастъ, съ русыми волосами и голубыми глазами, имѣвшими странное, пытливое и въ то-же время совершенно глупое выраженіе. Румянецъ бился на его лицѣ, гдѣ только могъ, но нигдѣ просторно не распространялся и отъ того молодое, едва опушавшееся мягкою бородкою, лицо отрока имѣло видъ и здоровый и въ то-же время нездоровый. Бываютъ такія собаки, которыя „въ щенкахъ заморены". Видно, что породиста, да отъ заморы во всю свою природу не достигаетъ.

По уму и многимъ свойствамъ своего характера, Гіезій былъ найсовершеннѣйшимъ выразителемъ того русскаго типа, который мѣтко и сильно рисуетъ въ своей превосходнѣйшей книгѣ профес. Ключевскій, т. е. „заматорѣлость въ преданіяхъ и никакой идеи". Сдѣлать что нибудь иначе, какъ это заведено и какъ дѣлается,

Гіезію никогда не приходило въ голову: это помогало ему и въ его отроческомъ служеніи, въ которое онъ, по его собственнымъ словамъ, „вданъ былъ родительницею до рожденія по оброку".

Это разъяснялось такъ, что у его матери была несносная болѣзнь, которую она, со словъ какихъ-то врачей, называла „азіятикъ"; болѣзнь эта происходила отъ какихъ-то происковъ злаго духа. Бѣдная женщина долго мучилась и долго лѣчилась, но „азіятикъ" не проходилъ. Тогда она дала обѣтъ балыкинской Божіей Матери (въ Орлѣ), что если только „азіятикъ" пройдетъ и послѣ исцѣленія родится дитя мужеска пола, то „вдастъ его въ услуженіе святому мужу, въ мѣру возраста Христова", т. е. до тридцати трехъ лѣтъ.

Послѣ такого обѣта больная, заступленіемъ балыкинской Божіей Матери, выздоровѣла и имѣла вторую радость—родила Гіезія, который съ восьми лѣтъ и началъ исполнять материнъ обѣтъ, проходя „отроческое послушаніе". А до 33 лѣтъ ему еще было далеко.

Старецъ на долю отрока Гіезія выпалъ, можетъ быть и весьма святой и благочестивый, но очень суровый и, по словамъ Гіезія, „столько объ него мокрыхъ веревокъ обначалилъ, что можно-бы по нимъ уже десяти человѣкамъ до неба взыйдти".

Но ученіе правиламъ благочестія Гіезію давалось плохо и не памятливо. Не смотря на свое рожденіе по священному обѣту, онъ, по собственному сознанію, былъ „отъ природы блудливъ". То онъ сны нехорошіе видѣлъ, то кошкамъ хвосты щемилъ, то мирщилъ съ никоніанами, или „со иновѣрными спорился". А бѣсъ, всегда неравнодушный ко спасенію людей, стремительно восходящихъ на небо, безпрестанно подставлялъ Гіезію искушенія и тѣмъ опять подводилъ его подъ мокрую веревку.

На шіяновскомъ дворѣ, который былъ удаленъ отъ всякаго шума, Гіезій прежде всего впалъ въ распри съ тѣми поморами, окно которыхъ выходило на ихъ совмѣстную навозную кучу, раздѣлявшую „ихъ согласія".

Какъ поморы бывало начнутъ пѣть и молиться, Гіезій залѣзаетъ на рябину и дразнитъ ихъ оттуда, крича:

— Тропарй—мытарй.

А тѣ не выдержатъ и отвѣчаютъ:

— Немоляки—раскоряки.

Такъ обѣ вѣры были взаимно порицаемы, а послѣдствіемъ этого выходили стычки и „кампеметаніе“, заканчивавшіяся иногда разбитіемъ оконъ съ обѣихъ сторонъ. Въ заключеніе-же всей этой духовной распри Гіезій, какъ непосредственный виновникъ столкновеній, былъ „началенъ“ веревкою и иногда ходилъ дня по три, согнувшись.

Затѣмъ, разумѣется, и Богъ и старецъ его прощали, но онъ скоро впадалъ еще въ большія искушенія. Одно изъ таковыхъ ему едва не стоило потери разсудка и даже самой жизни.

XXIII.

При полномъ типическомъ отсутствіи идей, у Гіезія была пытливость и при томъ самая странная. Онъ любилъ задавать такіе неожиданные вопросы, которые въ общемъ напоминали вопросы дѣтей.

Прибѣжитъ бывало подъ окно и спрашиваетъ.

— Отчего у льва грива растетъ?

Ему отвѣчаютъ:

— Пошелъ ты прочь—почему я знаю, отчего у льва грива растетъ?

— А какъ-же, говорятъ, въ чемъ составляется наука свѣтская?

Его прогонятъ, а онъ при случаѣ опять пристаетъ съ чѣмъ нибудь подобнымъ, и это безъ всякой задней мысли или иронія,— а такъ какой-то рефлексъ его толкнетъ, онъ и спрашиваетъ:

— Отчего рябина супротивъ крыжовника горче?

Но больше всего его занимали вещи таинственныя, для которыхъ онъ искалъ разъясненія въ природѣ. Напримѣръ ему хотѣлось знать: „какое бываетъ сердце у грѣшника“, и вотъ это-то любопытство его чутъ не погубило.

Такъ какъ въ домѣ жило нѣсколько медицинскихъ студентовъ, между которыми бывали ребята веселые и шаловливые, то одинъ изъ нихъ пообѣщалъ разъ Гіезію „показать сердце грѣшника“.

Для этого требовалось придти въ анатомическій театръ, который тогда былъ во временномъ помѣщеніи, на нынѣшней Владимірской улицѣ, въ домѣ Беретти.

Гіезій долго не рѣшался на такой рискованый шагъ, но страстное желаніе посмотрѣть сердце грѣшника его преодолѣло, онъ пришелъ разъ къ студентамъ и говоритъ:

— Есть теперь у васъ мертвый грѣшникъ?

— Есть, говорятъ, да еще самый залихватскій.

— А что онъ сдѣлалъ?

— Отца продалъ, мать заложилъ и въ томъ руку приложилъ, а потомъ галку съѣлъ и зарѣзался.

Гіезій заинтересовался.

— Меня завтра дѣдушка къ Батухину въ лавку за оливой къ лампадамъ пошлетъ, а я къ вамъ въ анатомію прибѣгу, покажите мнѣ сердце грѣшниче.

— Приходи, отвѣчаютъ,—покажемъ.

Онъ сдержалъ свое слово и явился, весь дрожа отъ любопытства, но въ страхѣ несказанномъ.

Ему дали выпить мензулку препаровочного спирта для храбрости, подъ видомъ „осмѣлительныхъ капель", сказавъ при томъ, что безъ этого нельзя видѣть сердце.

Онъ выпилъ и осатанѣлъ, сердце онъ нашелъ совсѣмъ неудовлетворительнымъ и вовсе не похожимъ на то, какъ его себѣ представлялъ, судя по извѣстному лубочному листу: „сердце грѣшника—жилище сатаны". Чтобы увидѣть сатану въ сердцѣ, его уговорили выпить еще вторую мензулку, и онъ выпилъ и потомъ что-то ѣлъ. А когда съѣлъ, то студенты ему сказали:

— Знаешь-ли, что ты съѣлъ?

Онъ отвѣчалъ: „не знаю".

— А это ты, братецъ, съѣлъ котлету изъ человѣческаго мяса.

Гіезій поблѣднѣлъ, зашатался и тутъ-же упалъ.

Его насилу привели въ себя и ободрили, увѣряя, что котлета сжарена изъ мяса человѣка зарѣзавшагося, но отъ этого съ Гіезіемъ сдѣлался второй обморокъ и потомъ рвоты, такъ что его насилу привели въ себя, и на этотъ разъ уже стали разувѣрять, что это было сказано въ шутку и что онъ ѣлъ мясо говяжье; но никакія слова на него уже не дѣйствовали. Онъ бѣгомъ побѣжалъ на Печерскъ къ своему старцу и самъ просилъ „сильно его поначалить", какъ слѣдуетъ отъ страшнаго претрѣшенія.

Старецъ исполнилъ просьбу отрока.

И дорого это обошлось здоровью бѣднаго парня: дней десять послѣ этого произшествія мы его вовсе не видали, а потомъ, когда онъ показался съ ведромъ за плечами, то имѣлъ видъ человѣка перенесшаго страшныя муки. Онъ былъ худъ, блѣденъ и самъ на себя не похожъ, а вдобавокъ долго ни за что ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить и не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ.

Послѣ, по особому къ одному изъ насъ довѣрію, онъ открылъ, что дѣдушка его „вдвойнѣ началилъ", т. е. призвалъ къ сему дѣланію еще другаго случившагося тутъ благовѣрнаго христіанина, и оба они имѣли въ рукахъ концы веревки „свитые во двое и держали „ихъ оборучь". И началили Гіезія въ углѣ въ сѣняхъ, уложивъ „мордою въ войлокъ, даже до той совершенной степени, что у него отъ визгу ротъ трубкой закостенѣлъ, и онъ всей памяти лишился".

Но на дѣдушку отрокъ все таки ни мало не ропталъ, ибо сознавалъ, что „битъ былъ во славу Божію", и надѣялся черезъ это болѣе „съ мірскими не суетить и исправиться".

XXIV.

Кажется, это и въ самомъ дѣлѣ произвело въ немъ такой сильный переломъ, къ какому только была способна его живая и увлекающаяся натура. Онъ рѣже показывался и вообще уже не заводилъ ни разговоровъ съ нами, ни прекареній съ благоневѣрными поморами, которые „на тропарѣ повисли".

Къ тому-же обстоятельства поизмѣнились и поразмели нашу компанію въ разныя стороны, и старецъ съ отрокомъ на время вышли изъ вида.

Между тѣмъ мостъ былъ оконченъ и къ открытію его въ Кіевъ ожидали государя Николая Павловича. Наконецъ и государь прибылъ и на другой день было назначено открытіе моста.

Теперь ничего такъ не торжествуютъ, какъ тогда торжествовали. Вечеръ наканунѣ былъ оживленный и веселый: всѣ ходили, гуляли, толковали, но были люди, которые проводили эти часы и иначе.

На темномъ задворкѣ шіяновскихъ закутокъ и поморы и филипоны молились, одни съ тропаремъ, другіе безъ тропаря. Тѣ и

другіе ждали необычайной для себя радости, которая ихъ благочестію была „возвѣщена духомъ“.

Около полуночи мнѣ довелось проводить одну дѣвицу, которая жила далеко за шіяповскимъ домомъ, а на возвратномъ пути у калитки я увидѣлъ темную фигуру, въ которой узналъ Гіезія.

— Что это, говорю, вы въ такую позднюю пору на улицѣ?

— Такъ, отвѣчаетъ, все равно, нонче надо не спать.

— Отчего надо не спать?

Гіезій промолчалъ.

— А какъ это васъ дѣдушка такъ поздно отпустилъ на улицу?

— Дѣдушка самъ выслалъ. Мы вѣдь до самаго сего часа молитвовали,—почитай сію минуту только заамиинли. Дѣдушка говоритъ: „новыдь посмотри“.

— Чего-же смотрѣть?

— Како, говоритъ, „суетятъ никоніаны и чего для себя ожидаютъ“.

— Да что такое, спрашиваю, случилось и чего особеннаго ожидаете?

Гіезій опять замялся, а я снова повторилъ мой вопросъ.

— Дѣдушка, говоритъ, много ждутъ. Имъ, дѣдушкѣ, вѣдь видѣніе было.

— Какое видѣніе?

— Съ завтрешняго числа одна вѣра будетъ.

— Ну-у!

— Увидите сами,—до завтра это въ тайнѣ, а завтра всѣмъ царь объявитъ. И упротивные (т. е. поморы) тоже ждутъ.

— То-же объединенія вѣры?

— Да-съ; должно быть того-же самаго. У насъ съ ними нынче, когда наши на сѣдальняхъ на дворикъ вышли, межъ окно опять легкая война произошла.

— Изъ за чего?

— Опять о тропарѣ заспорили. Наши имъ правильно говорили: „подождать-бы вамъ тропарь-то голосить въ особину; завтра разомъ всѣ вообче запоемъ; столномъ воздымемъ до самаго до неба“. А тѣ несогласны и отвѣчаютъ: „мы давно на тропарѣ основались и съ своего не снидемъ“. Слово по слову и было плеваться стали.

— Я полюбопытствовалъ, какъ именно это было.

— Очень просто, говоритъ Гіезій: наши имъ въ окно кукиши казать стали, а тѣ оттуда плюнули, и наши не уступили,—имъ то самое, па оборотъ. Хотѣли войну сдѣлать, да полковникъ закричалъ. А теперь дѣдушка одинъ остался и страсть какъ внѣ себя ходитъ. Онъ вѣдь завтра выходъ сдѣлаетъ.

— Какъ-же-съ,—дѣдушка вѣдь завтра на улицу пойдетъ, на государя смотрѣть. Скоро сорокъ лѣтъ, говорятъ, будетъ, какъ онъ по улицамъ не ходилъ, а завтра пойдетъ. Ему ужъ наши и шляпу принесли, въ шляпѣ идти будетъ. Я поведу.

— Вотъ какъ! воскликнулъ я и простился съ Гіезіемъ, совсѣмъ не понявъ тѣхъ многозначительнѣйшихъ намековъ, которые заключались въ его малосвязномъ, но таинственномъ разсказѣ.

XXV.

День открытія „новаго моста", который нынче называютъ уже и „старымъ", былъ ясный, погожій и превосходный по впечатлѣніямъ.

Всѣ мы тогда чувствовали себя необыкновенно веселыми и счастливыми, Богъ вѣсть, отчего и почему. Никому и въ голову не приходило сомнѣваться въ силѣ и могуществѣ родины, историческій горизонтъ которой казался чистъ и ясенъ, какъ покрывавшее насъ безоблачное небо съ ярко горящимъ солнцемъ. Всѣ какъ-то смахивали тогда на воробьевъ послѣдняго тургеневскаго разсказа: прыгали, чиликали, наскакивали, и ни кому въ голову не приходило посмотрѣть, не рѣетъ-ли гдѣ по верху ястребъ, а только бойчились и чирикали:

— Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Воевать тогда ужасно хотѣлось, и военные люди были въ большой модѣ и пользовались этимъ не всегда великодушно. Но главное—тогда мы были очень молоды и каждый изъ насъ провожалъ кого нибудь изъ существъ, заставлявшихъ скорѣе биться его сердце. Волокитство и ухаживанья тогда входили въ „росписаніе часовъ дня" благопристойнаго кіевлянина, чему и можетъ служить найлучшимъ выраженіемъ „дневникъ Виктора Аскоченскаго", напечатанный въ 1882 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ". И самъ авторъ этого „дневника", тогда еще молодцоватый и задорный, былъ среди насъ и даже, можетъ быть, служилъ для многихъ образ-

цомъ въ тонкой наукѣ волокитства, которую онъ практиковалъ впрочемъ преимущественно „по купечеству". У женщинъ настоящаго свѣтскаго воспитанія онъ никогда успѣха не имѣлъ и даже не получалъ къ нимъ доступа. Аскоченскій одѣвался щеголемъ, но безъ вкуса, и не имѣлъ ни мягкости, ни воспитанности въ разговорѣ и въ манерахъ.

По словамъ одного изъ его кіевскихъ современниковъ А. О. Яновича, онъ всегда напоминалъ „переодѣвшагося архіерея". Въ сіяющій день открытія моста Аскоченскій ходилъ въ пантолонахъ рококо и въ свѣтлой шляпѣ на своей крутой головѣ, а на каждой изъ его двухъ рукъ висѣло по одной подольской барышнѣ. Онъ велъ дѣвицъ и металъ встрѣчнымъ знакомымъ свои тупыя семинарскія остроты. Въ этотъ-же день онъ, останавливаясь надъ кручею, декламировалъ:

... Вотъ—онъ Днѣпръ
Тотъ самый Днѣпръ, гдѣ вся Русь крестилась
И, по милости судебъ, гдѣ она омылась.

За этими стихами слѣдовало его командирское слово:

На молитву-же, друзья:
Кіевъ передъ вами!

Послѣ все это вошло въ какое-то большое его призывное стихотвореніе, по обыкновенію, съ тяжелою версификаціею и съ массою неглагольныхъ риомъ. Его муза, подъ пару ему самому, была своеправна и очень неуклюжа.

Объ немъ хочется сказать еще два слова: „*дневникъ*" этого довольно любопытнаго человѣка напечатанъ, но, по моему, онъ не только не выяснилъ, но даже точно закуталъ эту личность. По моему, дневникъ этотъ, который я прочелъ *весь* въ подлинникѣ, имѣетъ характеръ сочиненности. Тамъ даже есть *пятна слезъ*, оросившія страницы, гдѣ говорится о подольскихъ купеческихъ барышняхъ. Или есть такія замѣтки: „я пьянъ и не могу держать пера въ рукахъ", а между тѣмъ это написано совершенно трезвою и твердою рукою...

Вообще надо жалѣть, что никто изъ знавшихъ Аскоченскаго кіевлянъ не напишетъ хорошей безпристрастной замѣтки о тре-

волненной жизни и трудахъ этого человѣка съ замѣчательными способностями, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ едва-ли не самое худшее употребленіе, какое только могъ-бы ему выбрать его злѣйшій врагъ. Праху его миръ и покой, но его жизненныя невзгоды и карьерная игра характерны и поучительны. Кромѣ Виктора Ипатьича тогда въ Кіевѣ водились еще и другіе поэты, въ плосской части доживалъ свой маститый вѣкъ Подолинскій, а по городу ходили одна молодая дѣвица и одинъ молодой кавалеръ. Дѣвица, подражая польской импровизаторшѣ Деотымѣ, написала много маленькихъ и очень плохихъ стихотвореній, которые были ею изданы въ одной книжечкѣ подъ заглавіемъ: „Чувства патріотки". Складъ изданія находился въ „аптекѣ для души", т. е. въ подольской библіотекѣ Павла Петровича Должикова. Стихотворенія совсѣмъ не шли и Должиковъ иногда очень грубо издѣвался надъ этою книгою, предлагая всѣмъ „вмѣсто хлѣба и водки—чувства патріотки". Въ день открытія моста стихотворенія эти раздавались безденежно. На чей счетъ было такое угощеніе—не знаю. Подолинскій, кажется, еще жилъ, но не написалъ ничего, да про него тогда и позабыли, а Альфредъ фонъ-Юнгъ что-то пустилъ съ своего Олимпа, но что именно такое—не помню. Невозможно тоже не вспомнить объ этомъ добрѣйшемъ парнѣ, совершенно безграмотномъ и лишенномъ малѣйшей тѣни дарованія, но имѣвшемъ неодолимую и весьма разорительную страсть къ литературѣ. И онъ, мнѣ кажется, достоинъ благодарнаго воспоминанія отъ кіевлянъ, если не какъ поэтъ, то какъ самоотверженнѣйшій піонеръ—періодическаго издательства въ Кіевѣ. До Юнга въ Кіевѣ не было газеты, и предпринять ее тогда значило навѣрное разориться. Юнга это не остановило: онъ завелъ газету и вмѣсто благодарности встрѣчалъ отовсюду страшныя насмѣшки. По правдѣ сказать, „Телеграфъ" юнговскаго изданія, представлялъ собою не мало смѣшнаго, но все таки онъ есть *дѣдушка* кіевскихъ газетъ. Денегъ у Юнга на изданіе долго не было и чтобы начать газету, онъ прежде пошелъ (во время крымской войны) „командывать волами", т. е. погонщикомъ. Тутъ онъ сдѣлалъ какія-то сбереженія и потомъ все это самоотверженно повергъ и сожегъ на олтарѣ литературы. Это былъ настоящій литературный маньякъ, котораго не могло остановить ничто, онъ все издавалъ, пока совсѣмъ не на что стало издавать. Литературная неспособность его была образцовая,

но кромѣ того его и преслѣдовала какая-то злая судьба. Такъ напримѣръ съ „Телеграфомъ“ на первыхъ порахъ случались такіе анекдоты, которымъ пожалуй трудно и повѣрить; напримѣръ газету эту цензоръ Лазовъ считалъ полезнымъ запретить „за невозможныя опечатки“. Поправки-же Юнгу иногда стоили дороже самыхъ ошибокъ: разъ напримѣръ у него появилась поправка, въ которой значилось дословно слѣдующее: „во вчерашнемъ № на столбцѣ такомъ-то у насъ напечатано „*пуговица*“, читай: *Богородица*“. Юнгъ былъ въ ужасѣ больше отъ того, что цензоръ ему выговаривалъ: „зачѣмъ-де поправлялся!“

— Какъ-же не поправиться? вопрошалъ Юнгъ, и въ самомъ дѣлѣ надо было поправиться.

Но едва это сошло съ рукъ, какъ Юнгъ опять ходилъ по городу въ еще большемъ горѣ: онъ останавливалъ знакомыхъ и, вынимая изъ жилетнаго кармана маленькую бумажку, говорилъ:

— Посмотрите, пожалуста,—хорошъ цензоръ! Что онъ со мною дѣлаетъ!—онъ мнѣ не разрѣшаетъ поправить вчерашнюю ошибку.

Поправка гласила слѣдующее: „вчера у насъ напечатано: кіевляне преимущественно всѣ *онанисты*,—читай *оптимисты*“.

— Каково положеніе! восклицалъ Юнгъ.

Черезъ нѣкоторое время Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ однако, кажется, разрѣшилъ эту въ самомъ дѣлѣ необходимую поправку. Но былъ и такой случай цензорскаго произвола, когда поправка не была дозволена. Случилось разъ, что въ статьѣ было сказано: „неудивительно, что при такомъ воспитаніи выростаютъ *недоблуды*“. Лазовъ удивился, что это за слово? Ему объяснили, что хотѣли сказать „лизоблюды“; но когда вечеромъ принесли сводку номера, то тамъ стояло: „по ошибкѣ напечатано: *недоблуды*,—должно читать *переблуды*“. Цензоръ пришелъ въ отчаяніе и совсѣмъ вычеркнулъ поправку, опасаясь, что-бы не напечатали чего еще худшаго.

Пора однако возвратиться отъ литераторовъ къ старцу Малахіи, который украсилъ этотъ торжественный день своимъ появленіемъ въ поднесенной ему необыкновенной шляпѣ.

XXVI.

Густыя толпы людей покрывали все огромное пространство городскаго берега, откуда былъ видѣнъ мостъ, соединившій Кіевъ

съ черниговскою стороною Днѣпра. Только болѣе страстные до зрѣлищъ или особенно патронируемые кѣмъ нибудь изъ властныхъ нашли возможность протѣсниться „за войска", расположенныя внизу у въѣзда на мостъ и наконецъ шпалерами вдоль самаго моста. Но такихъ счастливцевъ было не много, сравнительно съ огромными массами, покрывшими надбережные холмы, начиная отъ выдубицкаго монастыря и Аскольдовой могилы до террасъ прилегающихъ къ монастырю Михайловскому. Кажется, безъ ошибки можно сказать, что въ этотъ день вышло изъ домовъ все кіевское населеніе, чѣмъ и объясняли множество благоуспѣшно сдѣланныхъ въ этотъ день кражъ. И не смотря на всю длину этой страшно растянутой береговой линіи, трудно было найти удобное мѣсто. Были люди, которые пришли сюда спозаранка съ провизіей въ карманахъ и крѣпко заняли всѣ найлучшія позиціи. Оттого зрителямъ, которые пришли позже, нужно было перемѣнять множество мѣстъ, пока удавалось стать такъ, что было видно.

Были люди, которые взлѣзли на деревья, были и такіе смѣльчаки, которые прилѣпились къ песчанымъ выступцамъ обрывовъ, и иногда скатывались внизъ вмѣстѣ съ своимъ утлымъ подножьемъ. Случайности въ подобномъ родѣ вызывали веселый хохотъ и шутливыя замѣчанія. Было довольно неудовольствій по поводу обиднаго обращенія господъ военныхъ съ цивическимъ элементомъ, но все это до судовъ не доходило, военные люди тогда свободно угнетали „аршинниковъ, хамовъ и штафирокъ". Духовенство тоже претерпѣвало отъ этого заурядъ съ мірянами и тоже не жаловалось. Это было въ порядкѣ вещей. Военные, повторяю, чувствовали себя тогда въ большомъ авантажѣ и, по современному выраженію, „сильно форсили". Они имѣли странный успѣхъ въ кіевскомъ обществѣ, и часто позволяли себѣ много совершенно неприличнаго. Особенно одно время (именно то, котораго я касаюсь) среди офицеровъ ожесточенно свирѣпствовало поголовное притворство въ остроуміи. Они осчастливили своимъ знакомствомъ и купеческіе дома и здѣсь вели себя такъ развязно, что передъ ними спасовалъ даже самъ Аскоченскій.

Изъ военныхъ шутокъ при открытіи моста я помню двѣ: у самой ограды бывшаго зданія минеральныхъ водъ появился какой-то нѣмецъ верхомъ на рыжей лошади, которая безпрестанно ма-

хала хвостомъ. Его просили отъѣхать, но онъ не соглашался и отвѣчалъ: „не понимаю“. Тогда какой-то рослый офицеръ сдернулъ его за ногу на землю, а лошадь его убѣжала. Нѣмецъ былъ въ отчаяніи и побѣжалъ за конемъ, а публика смѣялась и кричала вслѣдъ:

— Что, братъ, понялъ, какъ по военному!

Офицеръ прослушалъ это нѣсколько разъ и потомъ крикнулъ:

— Перестать, дураки!

Они и перестали.

Должно быть не любилъ лести.

Это впрочемъ была болѣе отвага, чѣмъ остроуміе; настоящее-же остроуміе случалось въ мѣстѣ болѣе скрытомъ и тихомъ, именно за оградою монастыря Малаго Николая.

На непирокой, но сорной и сильно вытоптанной площадкѣ здѣсь мѣстилось всякое печерское разночинство и нѣсколько человѣкъ монашествующей братіи.

Были маститые иноки съ внушительными сѣдинами и легкомысленные слимаки съ ихъ дѣвственными гривами вразметъ на какую угодно сторону.

Одинъ изъ иноковъ, повидимому, изъ почетныхъ, сидѣлъ въ креслѣ, обитомъ присаленною черною кожею и похожемъ по фасону своему не на обыкновенное кресло, а на госпитальное судно.

Къ этому иноку подходили простолюдины: онъ всѣхъ ихъ благословлялъ и каждаго спрашивалъ буквально одно и то-же:

— Чьи вы и изъ какой губерніи?

Получивъ отвѣтъ, инокъ поднималъ руку и говорилъ: „Богу въ пріемъ“, а потомъ, какъ-бы чувствуя нѣкую силу изъ себя изшедшую, зѣвалъ, жмурилъ глаза и преклонялъ главу. Замѣтно было, что вообще оживленіе его какъ будто совсѣмъ не захватывало и ему, можетъ быть, лучше было-бы идти спать.

На него долго любовалися и пересмѣивались два молодые офицеры, а потомъ они оба вдругъ снялись съ мѣста, подошли къ иноку и довольно низко ему поклонились.

Онъ поднялъ голову и сейчасъ-же спросилъ ихъ:

— Чьи вы и какой губерніи?

— Изъ Чревоматерняго, отвѣчали офицеры.

— Богу въ пріемъ, произнесъ инокъ и преподавъ благословеніе, снова зажмурился. Но офицеры его не хотѣли такъ скоро оставить.

— Позвольте, батюшка, побезпокоить васъ однимъ вопросомъ,—заговорили они.

— А что такое? какой будетъ вашъ вопросъ?

— Намъ очень хотѣлось-бы отыскать здѣсь одного нашего земляка іеромонаха.

— А какой онъ такой и какъ его звать?

— Отецъ Строфокамилъ.

— Строфокамилъ? не знаю. У насъ кажется такого нѣтъ. А впрочемъ спросите братію.

Нѣсколько человѣкъ подвинулись къ офицерамъ, которые, не теряя ни малѣйшей тѣни серьезности, повторили свой вопросъ братіи, но никто изъ иноковъ тоже не зналъ „отца Строфокамила“. Одинъ только сообразилъ, что онъ вѣрно грекъ, и посовѣтывалъ разыскивать его въ греческомъ монастырѣ на Подолѣ.

Кадетскіе корпуса тогда въ изобиліи пекли и выпускали въ свѣтъ такихъ и симъ подобнымъ остроумцовъ, изъ которыхъ потомъ однако выходили „севастопольскіе герои“ и не менѣе знаменитые и воспрославленные „крымскіе воры“, и „полковые морельщики“.

До чего заносчиво тогда, передъ крымскою войною, было офицерство и какія они себѣ позволяли иногда выходки, достойно вспомнить. Вскорѣ этому вѣроятно уже не будутъ вѣрить.

Разъ пріѣхалъ напримѣръ въ Кіевъ офицеръ Р. (впослѣдствіи весьма извѣстный человѣкъ) и вдругъ сдѣлалъ себѣ блестящую репутацію тѣмъ, что „умѣлъ говорить дерзости“. Это многихъ очень интересовало и офицера на расхватъ зазывали на всѣ балики и вечеринки. Онъ ошалѣлъ отъ успѣховъ и дошелъ до наглости невѣроятной. Одинъ разъ въ домѣ нѣкоего г. Г—ва онъ самымъ безцеремоннымъ образомъ обругалъ цѣлое сборище. Г. собралъ къ себѣ на вечеринку друзей и пригласилъ Р. Готъ осчастливилъ, пріѣхалъ, но поздно и не входя въ гостиную, остановился въ дверяхъ, оглянулъ всѣхъ въ лорнетъ, произнесъ: „какая, однако, сволочь!“ и уѣхалъ... никѣмъ не побитый! Послѣднимъ финаломъ его пошлыхъ наглостей было то, что однажды въ Кинь-грусти, стоя въ парѣ въ горѣлкахъ съ извѣстною въ свое время г-жею П., онъ не тронулся съ мѣста, когда его дама побѣжала; ту это смутило и она спросила его: „почему-же вы не бѣжите?“ Р. отвѣчалъ: „потому, что я не привыкъ падать, какъ вы“. Тогда его выпро-

водили, но только по особому вниманію Бибикова къ этой дамѣ. Другой бѣдовый воитель былъ артиллеристъ К—аль. Этотъ больше всего поражалъ тѣмъ, что являлся на балы пьяный, хотя, впрочемъ, онъ и трезвый стоилъ пьянаго. До чего онъ могъ довести свою безцеремонность, свидѣтельствуетъ слѣдующій случай: разъ, танцуя въ домѣ Я. И. П—па, К—аль полетѣлъ вмѣстѣ съ своею дамою подъ столъ. Его оттуда достали и начали оправлять. Хозяинъ былъ смущенъ и, кажется, замѣтилъ офицеру, что онъ уже слишкомъ веселъ, но тотъ не сконфузился.—„Да, отвѣчалъ К—ль, я веселъ. Это моя природа. Впрочемъ, здѣсь мнѣ особенно весело“,— и сію-же минуту, не ожидая возраженія, онъ добавилъ:

— Скажите, пожалуста, мнѣ говорили, будто тутъ есть какой-то г. Б.—онъ, будто, ужасный дуракъ, но отлично, каналья, кормитъ. Вотъ я очень хотѣлъ-бы сдѣлать ему честь у него поужинать.

Хозяинъ смѣшался, потому что Б. стоялъ тутъ-же возлѣ, но самъ Б. сейчасъ-же пригласилъ этого шалуна на свои вечера, и это служило къ ихъ оживленію.—Третій припоминается мнѣ офицеръ разформированнаго нынче жандармскаго полка, К—ій, котораго одна, очень юная и милая, подольская барышня имѣла неосторожность полюбить, а полюбя поцѣловала и при какомъ-то случаѣ подарила ему свой бѣлокурый локонъ. Офицеръ сохранилъ эту галантерейщину и не отказывался отъ поцѣлуевъ, но съ предложеніемъ женитьбы медлилъ. Родители-же дѣвушки находили это несоотвѣтственнымъ, и дѣвушка была помолвлена за другаго. Ни барышня, ни женихъ ни въ чемъ не были виноваты, но г. К—ій пришелъ къ нимъ въ домъ на именинное собраніе и съ грубымъ ругательствомъ бросилъ *невѣстѣ въ лицо* ея локонъ, а жениха ударилъ. Многимъ и этотъ надѣлавшій шуму поступокъ казался своего рода развеселымъ, но довольно позволительнымъ фарсомъ, и когда покойный чиновникъ генералъ-губернатора Друкартъ, производя объ этомъ слѣдствіе, не поблажалъ К—му, то Друкарта осуждали за „грубость“ къ интересному герою.

Впрочемъ подобное ожесточенное свирѣпство милитеровъ тогда было повсемѣстно въ Россіи, а не въ одномъ Кіевѣ. Въ Орлѣ бывшій елисаветградскій гусарскій полкъ развѣшивалъ на окнахъ вмѣсто шторъ похабныя картины; въ Пензѣ, въ городскомъ скверѣ, взрослымъ барышнямъ завязывали надъ головами низы платьевъ, а

въ самомъ Петербургѣ рвали съ низу до верха шинели несчастныхъ „штафирокъ“. Успокоила этихъ сорванцовъ одна изнанка крымской войны. Но оставимъ ихъ будущему историку культуры русскаго общества и поспѣшимъ къ тѣмъ, непосредственность которыхъ гораздо интереснѣе.

Въ ту-же минуту, какъ изъ глазъ моихъ скрылись офицеры, распрашивавшіе монаховъ объ отцѣ Строфокамилѣ, я замѣтилъ невдалекѣ одного моего товарища, который такъ-же, какъ я, зналъ Берлинскаго, Малахію и Гіезія.

Пріятель меня спрашиваетъ:

— Видѣлъ-ли ты морское чучело?

— Какое? говорю.

— А старца Малахая (онъ имѣлъ привычку звать его Малахаемъ).

— А гдѣ онъ?

— Да вотъ сейчасъ, говоритъ, недалеко здѣсь налѣво, за инженерскимъ домомъ на кирпичахъ стоитъ. Иди, смотри его, восхитителенъ!

— Неужели, говорю, въ самомъ дѣлѣ хорошъ?

— Описать нельзя, и самъ хорошъ, и притомъ обставленъ удивительно! Вокругъ него всѣ столпы древняго благочестія „вообче“ и нашъ губошлепый Гіезька, весь, подлецъ, деревяннымъ масломъ промасленъ... А на самаго Малахая, увидишь, какую шляпу наложили.

— А что въ ней такого замѣчательнаго?

— Антикъ,—другой такой нѣтъ. Говорятъ, изъ Москвы, изъ грановитой палаты выписали на подержаніе,—еще самъ царь Горохъ носилъ.

Я не заставлялъ себя болѣе убѣждать и поспѣшилъ розыскивать старца.

XXVII.

Надо вспомнить, что между монастыремъ Малаго Николая и крѣпостною башнею, подъ которой нынѣ проходятъ никольскія ворота, былъ только одинъ старый, но преудобный домъ съ дворомъ, окруженнымъ тополями. Въ этомъ домѣ съ нѣкоторыхъ поръ жили кто-то изъ начальствующихъ инженеровъ. За это его, кажется, и не разломали. Стоило обойти усадьбу этого очень просторно рас-

положившагося дома, и сейчасъ-же надо было упереться въ отгороженный временнымъ заборчикомъ задворочекъ, который пріютился между башнею и садомъ инженернаго дома. На этомъ задворочкѣ были свалены разные строительные остатки—доски, бревна, нѣсколько кулей съ известкой и нѣсколько кладокъ бѣлаго кіевскаго кирпича. Тутъ-же стояла и маленькая, тоже временная, хатка, въ которой жилъ сторожъ. У воротъ этого загражденія была и надпись, объявлявшая, что „постороннимъ лицамъ сюда входить строго воспрещается". Въ день открытія моста запрещеніе слабо дѣйствовало и дало сторожу возможность открыть сюда входъ за деньги. Сторожъ, рыжій унтеръ, съ серьгою въ ухѣ и вишневымъ пятномъ на щекѣ, стоялъ у этой двери и самъ приглашалъ благонадежныхъ лицъ изъ публики вступить въ запрещенное мѣсто. По его словамъ, оттуда было „все видно", а плату за входъ онъ бралъ умѣренную, по „злотувкѣ", т. е. по 15 коп. съ персоны.

Взнеся входную цѣну и переступивъ за досчатую фортку, я увидалъ передъ собою такой „пейзажъ природы", который нельзя было принять иначе, какъ за символическое видѣніе.

Мусоръ всѣхъ сортовъ и названій, обломки всего, что можетъ значиться въ смѣтѣ матеріаловъ, нужныхъ для возведенія зданія съ подземнаго бута до кровли: доски, бревна, известковыя носилки и тачки, согнутые и проржавленные листы стараго кровельнаго желѣза, цѣлый ворохъ обломковъ водосточныхъ трубъ, а посреди всего этого хлама, надъ самымъ берегомъ шесть или семь штабелей запаснаго кирпича. Сложены они были столбиками не равной высоты, одни—пониже, другіе немного повыше, и наконецъ на самомъ высокомъ зрѣлося человѣчище прекрупное, вельми древнее и дебелое. Это стоялъ Малахія. Одѣянъ онъ былъ благочестивымъ предковскимъ обычаемъ, въ синей, широкой, суконной чуйкѣ, спитой совѣмъ, какъ старинный охабень, и отороченной по рукавамъ, по вороту и по правой полѣ какимъ-то дряннымъ подлѣзлымъ мѣхомъ. Одеждѣ отвѣчала и обувь: на ногахъ у старца были сапоги рыжіе съ мягкою козловою холявою, а въ рукахъ долгій крашеный костыль; но что у него было на головѣ посажено, тому дѣйствительно и описанія не сдѣлаешь. Это была шляпа, но кто ее дѣлалъ и откуда она могла быть въ нашъ вѣкъ добыта, того никакой многобывалый человѣкъ опредѣлить-бы не могъ. Историческая полнота

свѣдѣній требуетъ однако сказать, что штука эта была добыта почитателями старца Малахіи въ Кіевѣ, а до того содержалась въ тайникахъ магазина Козловскаго, гдѣ и обрѣтена была случайно приказчикомъ его Скрипченкомъ при перевозѣ рѣдкостей моды съ Печерска на Крещатикъ.

Шляпа представляла собою превысокій плюшевый цилиндръ, съ самымъ смѣлымъ перехватомъ на серединѣ и съ широкими, совершенно ровными полями, безъ малѣйшаго загиба ни на бокахъ, ни сзади, ни спереди. Сидѣла она на головѣ словно рожонъ, точно какъ будто она не хотѣла имѣть ни съ чѣмъ ничего общаго.

Величественная фигура Малафея Пимыча утвердилась здѣсь вѣроятно раньше всѣхъ, потому что позиція его была всѣхъ выгоднѣе: занимая самую высокую кладку кирпича, старецъ могъ видѣть дальше всѣхъ и самъ былъ всѣмъ видѣнъ.

Рядомъ съ Пимычемъ на кладкѣ, которая была немножко пониже, помѣщался Гіезій. Онъ былъ въ бутылочномъ азямчикѣ съ тремя христіанскими сборами на кострецахъ и въ суконномъ шлычкѣ безъ козырька. Онъ безпрестанно перемѣнялъ ноги и въ его покосившейся на одно плечо фигурѣ чуялась несносная скука, лѣнь и томительное желаніе шевельнуть затекшими ногами и брызнуть въ ходъ.

Вокругъ нихъ было еще немало людей, пропущенныхъ крѣпостнымъ заказникомъ, но эти, по своей безцвѣтности, не останавливали на себѣ особеннаго вниманія.

XXVIII.

Часто вращавшійся по сторонамъ Гіезій замѣтилъ мое желаніе поближе полюбоваться его дѣдушкой и показалъ глазами, что можетъ потѣсниться и дать мнѣ мѣсто возлѣ себя.

У питабеля стоялъ опрокинутый известковый ящикъ, по которому я могъ подняться на такую высоту, что Гіезій подалъ мнѣ свою руку и поставилъ меня съ собою рядомъ.

Малафей Пимычъ не обратилъ на наше размѣщеніе никакого вниманія: онъ былъ похожъ на матераго волка, который на утрѣ вышелъ походить по насту; сѣрые глаза его горѣли дикимъ, фанатическимъ огнемъ, но самъ онъ не шевелился. Онъ устремилъ взоры на мостъ, который отсюда видѣнъ былъ, какъ на ладони, и

не смаргивалъ оттуда ни на мгновеніе. Но я забылъ и мостъ и Днѣпръ, „гдѣ *вся Русь* крестилась“, и даже всю церемонію, которая должна сейчасъ начаться: всѣмъ моимъ чувствомъ овладѣлъ одинъ Пимычъ. Не смотря на свой чудной уборъ, онъ былъ не только поразительно и вдохновительно красивъ, но, если только простительно немного святотатственное слово, онъ былъ въ своемъ родѣ божественъ и при томъ характерно божественъ. Это не Юпитеръ и не Лаокоонъ, не Улиссъ и не Вейнелайненъ, вообще не герой какой-бы то ни было саги, а это стоялъ олицетворенный *символъ древляго благочестія*.

Если я долженъ его съ кѣмъ-нибудь сравнить, что всегда имѣетъ своего рода удобство для читателя, то я предпочелъ-бы всему другому указать на извѣстную картину, изображающую урокъ стрѣльбы изъ орудія, даваемый Петру Лефортомъ. Отрокъ Петръ, горя восторгомъ, наводитъ пушечный прицѣлъ... Вся его огневая фигура выражаетъ страстное уносящее стремленіе. Лефортъ въ своемъ огромномъ парикѣ тихо любуется царственнымъ ученикомъ. Нѣсколько молодыхъ русскихъ лицъ смотрятъ съ сочувствіемъ, но вмѣстѣ и съ недоумѣніемъ. На нихъ однако видно, что они желаютъ царю „попасть въ цѣль“. Но тутъ есть фигура, которая въ своемъ родѣ не менѣе образна, типична и характерна. Это сѣдой старикъ въ старорусскомъ охабнѣ съ высокимъ воротомъ и въ высокой собольей шапкѣ. Онъ одинъ изъ всѣхъ не на ногахъ, а *сидитъ* и сидитъ крѣпко; въ правой рукѣ онъ держитъ костыль, а лѣвою оперся въ ногу и смотритъ на упражненія царя вкось, черезъ свой локоть. Въ его глазахъ нѣтъ ненависти къ Петру, но чѣмъ удачнѣе дѣлаетъ юноша то, за что взялся, тѣмъ рѣшительнѣе символическій старецъ не встанетъ съ мѣста. За то, если Петръ не попадетъ и отвернется отъ Лефорта, тогда... старичокъ встанетъ, скажетъ: „плюнь на нихъ, батюшка: они всѣ дураки“, и, опираясь на свой старый костыль, уведетъ его, „своего прирожоннаго“ *домой*—мыться въ банѣ и молиться московскимъ угодникамъ, „одолѣвшимъ и новгородскихъ и владимірскихъ“.

Этотъ старикъ, по мысли художника, представляетъ собою на картинѣ *старую Русь*, и Малафей Пимычъ теперь на живой картинѣ кіевскаго торжества изображалъ тоже самое. Моментъ, когда передъ нами является Пимычъ, въ его сознаніи имѣлъ тоже исто-

рическое значеніе. Старикъ, Богъ вѣсть почему, ждалъ въ этотъ день какого-то великаго событія, которое сдѣлаетъ поворотъ во всемъ.

Такія торжественныя настроенія, безъ удобопонятныхъ причинъ, нерѣдко являются у аскетовъ, подобныхъ Пимычу, когда они, сидя въ спертой задухѣ своихъ промзглыхъ закутъ, начинаютъ считать себя центромъ вниманія Творца вселенной.

XXIX.

Могучая мысль, вызвавшая Малахію, побудила его явиться суетному міру во всеоружіи всей его изувѣрной святости и глупости. Сообразно обстоятельствамъ, онъ такъ пріубрался, что отъ него даже на всемъ просторѣ открытаго нагорнаго воздуха струился запахъ ладана и кипариса, а когда вѣтерокъ раскрывалъ его законный охабень съ звѣриной опушью, то внизу видѣнъ былъ новый мухояровый „рабскій азямчикъ“ и во всю грудь черезъ шею висѣвшая нить крупныхъ деревянныхъ шаровъ. Связка, по обыкновенію, кончалась у пупа большимъ восьмиконечнымъ крестомъ изъ красноватаго рога.

Стоялъ онъ, какъ сказано, точно изваяніе—совершенно неподвижно и такъ-же неподвиженъ былъ его взглядъ, устремленный на мостъ, только желтобѣлые усы его изрѣдка шевелились; очевидно, отъ истомы и жажды онъ овлажалъ свои засохшія уста.

— Съ шестаго часа тутъ стоимъ, шепнулъ мнѣ Гіезій.

— Зачѣмъ такъ рано?

— Дѣдушка еще раньше хотѣлъ, никакъ стерпѣти не могли до утра. Все говорилъ, опоздаемъ, пропустимъ—царь раньше выѣдетъ на мостъ, потому этакое дѣло надо на тщо сдѣлать.

— Да какое такое дѣло? О чемъ вы это толкуете?

Гіезій промолчалъ и покосилъ въ сторону дѣдушки глазами: дескать, нельзя говорить.

Вмѣсто отвѣта онъ, воздохнувъ, молвилъ:

— Булычку-бы надо сбѣгать купить.

— Зачѣмъ-же дѣло стало? сбѣгайте.

— Разсердится. Три дня уже такъ говѣйно живемъ. Самъ-то даже и капли всѣ дни не принималъ. Тоже вѣдь и государю это не

легко будетъ. За то какъ нонѣ при всѣхъ едиными устнами тропарь за царя запоемъ, тогда и ѣсть будемъ.

— Отчего-же нынѣ едиными „устнами“ запоете?

Гіезій скосилъ глаза на старца и, закрывъ ладонью ротъ, сталъ шептать мнѣ на ухо:

— Государь черезъ мостъ пѣшо̀ пойдетъ...

— Ну!

— Только вѣдь до середины рѣки идти будетъ прямо.

— Ну, и что-же такое? Что-же дальше?

— А тутъ, гдѣ крещебная струя отъ Владиміра князя пошла, онъ тутъ станетъ.

— Такъ что-же изъ этого?

— Тутъ онъ свое исповѣданіе объявитъ.

— Какое исповѣданіе? Развѣ неизвѣстно его исповѣданіе?

— Да, то извѣстное-то извѣстно, а намъ онъ покажетъ истинное.

Я и теперь еще ничего въявь не понялъ, но чувствовалъ уже, что въ нихъ дѣдушкою внушены какія-то чрезвычайныя надежды, которымъ очевидно никакъ невозможно сбыться. И все это сейчасъ-же, или даже сію минуту придетъ къ концу, потому что въ это самое мгновеніе открытіе началось.

XXX.

По мосту между шпалерами пѣхоты тронулась артиллерія. Пушки, отчищенныя со всякою тщательностію, которою отличалось тогдашнее время, ярко блестѣли на солнцѣ и производили большой эффектъ; потомъ двигалось еще что-то (теперь хорошенько не помню), и наконецъ вдругъ выдался просторный интервалъ, и въ немъ на свободномъ просвѣтѣ показалась довольно большая и блестящая группа. Здѣсь все были лица, украшенныя мундирами и лентами, и впереди всѣхъ ихъ шелъ самъ государь Николай Павловичъ. По его спеціально военной походкѣ его можно было узнать очень издали: голова прямо, грудь впередъ, шагъ маршевой, крупный и съ наддачею, лѣвая рука пригнута и держитъ пальцемъ за пуговицей мундира, а правая или указываетъ что нибудь повелительнымъ жестомъ, или тихо, мѣрнымъ движеніемъ обозначаетъ тактъ, соотвѣтственно шагу ноги.

И теперь государь шелъ этою-же самою своею отчетистою военною походкою, мѣрно, но такъ скоро подаваясь впередъ, что многіе изъ слѣдовавшихъ за нимъ въ свитѣ едва поспѣвали за нимъ въ притруску. Когда старенькій генералъ съ опереніемъ на головѣ бѣжитъ, и опереніе это прыгаетъ, выходитъ забавно: точно какъ будто его кто встряхиваетъ и изъ него что-то сыпется.

Шествіе направлялось отъ городскаго гористаго берега кіевскаго къ пологому черниговскому, гдѣ тогда тотчасъ-же у окончанія моста были „виньелевскія постройки“: дома, службы и проч. Гораздо далѣе была слободка, а потомъ извѣстный „броварской лѣсъ“, который тогда еще не былъ вырубленъ.

Въ свитѣ государя издали можно было узнать только старика Виньеля и одного его, необыкновенно красиваго, сына, и то потому, что оба они были въ своихъ яркихъ англійскихъ мундирахъ.

Разумѣется, взоры всѣхъ устремились на эту группу: всѣ слѣдили за государемъ, какъ онъ перейдетъ мостъ и куда потомъ направится. Думали: „не зайдетъ-ли къ англичанамъ *спасибо* сказать“, но вышло не такъ, какъ думали и гадали всѣ, а такъ, какъ открыто было благочестивому старцу Малахіи.

Да, какъ разъ на самой серединѣ моста государь вдругъ остановился, и это моментально отозвалось въ нашемъ пунктѣ разнообразными, но сильными отраженіями: во первыхъ, Гіезій, совсѣмъ позабывъ себя, громко воскликнулъ: „сбывается!“ а, во вторыхъ— всѣхъ насъ всколебало чѣмъ-то въ родѣ землетрясенія; такъ сильно встряхнуло кирпичи, на которыхъ мы стояли, что мы по неволѣ схватились другъ за друга. По малодушію своему я захотѣлъ найти этому объясненіе и увидалъ, что это палъ на колѣни старецъ Малафей Пимычъ...

Съ этой поры я уже не зналъ, куда глядѣть, гдѣ ловить болѣе замѣчательное—тамъ-ли на обширномъ мосту, или тутъ у насъ на сорномъ задворкѣ. Взоръ и вниманіе по неволѣ рвались туда и сюда.

Между тѣмъ государь, остановясь „противъ крещебной струи“, которую старецъ проводилъ по самой серединѣ Днѣпра, повернулся на минуту лицомъ къ городу, а потомъ взялъ правое плечо впередъ и пошелъ съ средины моста къ перилламъ верхней стороны. Тутъ у насъ опять произошло свое дѣйство; Малахія крикнулъ:

— Гляди!

А Гіезій подхватилъ:

— Видимъ, дѣдушка, видимъ!

Государь пошелъ съ середины влѣво, то есть къ той сторонѣ, откуда идетъ Днѣпръ и гдѣ волны его встрѣчаютъ упоръ ледорѣзовъ, т. е. со стороны Подола. Вѣроятно, онъ захотѣлъ здѣсь взглянуть на то, какъ выведены эти ледорѣзы и въ какомъ отношеніи находятся они къ главному теченію воды.

Государя, въ этомъ отклоненіи отъ прямаго хода къ периламъ моста, сопровождалъ Виньель и еще кто-то, одинъ или два человѣка, изъ свиты. Теперь я этого въ точности вспомнить не могу и о сю пору изумляюсь, какъ я еще могъ тогда наблюдать, что происходило и тутъ и тамъ. Впрочемъ, съ того мгновенія, какъ государь остановился на серединѣ моста „противъ крещебной струи“— тамъ я видѣлъ очень мало. Помню только одинъ моментъ, какъ публика, стоявшая за войсками у перилъ, увидя подходившаго государя, смѣшалась и жалась вмѣсто того, чтобы разступиться и открыть видъ на воду. Государь подошелъ и самъ собственною рукою раздвинулъ двухъ человѣкъ какъ бы приклеившихся къ периламъ.

Эти два человѣка по случаю были мнѣ знакомы, и съ этого событія они на нѣкоторое время получили особый интересъ для многихъ, такъ какъ пролетѣла вѣсть, что государь ихъ не только тронулъ рукою, но и что-то сказалъ имъ. Объ этомъ будетъ ниже. Съ того мгновенія, какъ государь отстранилъ двухъ оторопѣвшихъ дворянъ и сталъ лицомъ къ открытой рѣкѣ, вниманіе мое уже не разрывалось на двое, а все было охвачено Пимычемъ.

Первое, что отвлекло меня отъ торжественной сцены на мосту— было паденіе внизъ какого-то чернаго предмета. Точно черный фаустовъ пудель будто вырвался изъ подъ кирпичей, на которыхъ мы стояли, и быстро запрыгалъ огромными скачками къ низу.

Если это былъ звѣрь, то онъ очевидно кого-то преслѣдовалъ или отъ кого-то удиралъ. Разобрать этого я не могъ, какъ черный предметъ скатился внизъ и совершенно неожиданно нырнулъ и исчезъ гдѣ-то подъ берегомъ. Но отрокъ Гіезій, былъ глазастѣе меня и воскликнулъ:

— Ай, пропала теперь дѣдушкина шляпа!

Я посмотрѣлъ на Пимыча и увидѣлъ, что онъ стоитъ на колѣняхъ и съ непокрытою головою. Онъ буквально былъ внѣ себя: „огонь горѣлъ въ его очахъ и шерсть на немъ щетиной зрилась“. Правая рука его съ крѣпко стиснутымъ двуперстнымъ крестомъ была прямо поднята вверхъ надъ головою, и онъ кричалъ (да, не говорилъ, а во всю мочь, громко *кричалъ*):

— Такъ, батюшка, такъ! Вотъ этакъ-вотъ, родненькій, вотъ какъ! Сложи, какъ надо, два пальчика! Дай всей землѣ одно небесное исповѣданіе.

И въ это время, какъ онъ кричалъ, горячія слезы обильными ручьями лились по его покрытымъ сѣдымъ мохомъ щекамъ и прятались въ бороду... Волненіе старца было такъ сильно, что онъ не выстоялъ на ногахъ, голосъ его оборвался, онъ зашатался и рухнулъ на лицо свое и замеръ... Можно-бы подумать, что онъ даже умеръ, но тому мѣшала его правая рука, которую онъ все таки выправилъ, поднялъ къ верху и все махалъ ею государю двуперстнымъ сложеніемъ... Опасался, бѣднякъ, чтобы государь не ошибся, какое надо дать „небесное исповѣданіе“.

Я не могу передать, какъ это выходило трогательно!.. Во всю мою жизнь послѣ этого я не видалъ серьезнаго и сильнаго духомъ человѣка въ положеніи болѣе трагическомъ, восторженномъ и въ то-же время жалкомъ.

Я былъ до глубины души потрясенъ душевнымъ напряженіемъ этого алкателя единыя вѣры, и не могъ себѣ представить, какъ онъ изъ этого выйдетъ. Одно спасеніе, думалось: государь отъ насъ такъ далеко, что нѣтъ возможности увидать двумя или тремя перстами онъ перекрестится, и стало быть дѣдушку Пимыча можно будетъ обмануть, можно будетъ пустить ему „ложь во спасеніе“. Но я мелко и недостойно понималъ о высокомъ старцѣ: онъ такъ окинулъ прозорливымъ окомъ ума своего всю вселенную, что не могло быть никого, кто-бы могъ обмануть его на этотъ счетъ.

И вотъ наступилъ наконецъ мигъ, рѣшительный, жесточайшій мигъ.

Шествіе на мосту вѣроятно кончилось, вокругъ насъ почувствовалось какое-то нервное движеніе, люди какъ-бы хотѣли перемѣнять мѣста и наконецъ запумѣли: значитъ, кончено. Стали расходиться.

Гіезій позвалъ два раза: дѣдушка! дѣдушка!

У Пимыча шевельнулась спина и онъ сталъ приподниматься. Гіезій подхватилъ его подъ руки.

XXXI.

Старецъ поднимался медленно и тяжело, какъ поднимается осенью коченѣющій шмель съ тѣмъ, чтобы перетянуть немножко и околѣть.

Гіезій изнемогалъ, вспирая старика вверхъ за оба локтя.

Я захотѣлъ ему помочь, и мы взялись одинъ за одну руку, а другой за другую и поставили старца на колеблющіяся ноги.

Онъ дрожалъ и имѣлъ видъ человѣка смертельно раненаго въ самое сердце. Ротъ у него былъ широко открытъ, глаза въ остолбенепіи и съ тусклымъ остекленіемъ.

Столь недавній живой фанатическій блескъ ихъ исчезъ безъ слѣда.

Гіезій если не понялъ, то почувствовалъ положеніе старца и съ робкимъ участіемъ сказалъ:

— Пойдемъ домой, дѣдушка!

Малахія не отвѣчалъ. Медленно, тяжелымъ сердитымъ взглядомъ повелъ онъ по небу, вздохнулъ, словно послѣ сна, и остановилъ взоръ на Гіезіѣ.

Тотъ еще съ большимъ участіемъ произнесъ:

— Довольно, дѣдушка; нечего ждать, пойдемъ; государь уже перекрестился.

Но при этомъ словѣ старика всего словно прожгло, и онъ вдругъ отвердѣлъ и закричалъ:

— Врешь, анаѳема! Врешь, не крестился государь двумя персты. Вижу я, еще не въ постыженіи отступники никоніане. И за то, что ты солгалъ, Господь будетъ бить тебя по устамъ.

Съ этимъ онъ замахнулся и наотмашъ такъ сильно ударилъ Гіезія по лицу, что уста отрока въ то-же мгновеніе оросились кровью.

Кто-то вздумалъ было за него заступиться и заговорилъ: „какъ это можно?“—но Гіезій попросилъ участливаго человѣка ихъ оставить.

— Мы свои, сказалъ онъ,—это мой дѣдушка, и началъ бережно сводить перестоявшагося старца съ кирпича подъ руки.

XXXII.

Малахіи было видѣніе, мечта, фантазія, назовите какъ хотите, что государь станетъ среди моста „лицомъ противъ крещебной струи“ и передъ всѣми людьми перекрестится древлимъ двуперстіемъ.

А тогда, разумѣется, настанетъ для Малахіи и иже съ нимъ торжество, а митрополитомъ и епископомъ и всему чину церковному со всѣми нечестивыми никоніанами—посрамленіе до черноты лицъ ихъ. А тѣ, кои не покорятся, ихъ „Господь рукою вѣрныхъ своихъ будетъ бить по устамъ“, и всѣ они окровянятся, какъ Гіезій. „Старая вѣра побьетъ новую“. Вотъ чего желалъ и о чемъ, можетъ быть, всю жизнь свою молился доброчестный старецъ.

Но не сбылося по его вѣрѣ и упованію и погибли въ мигъ всѣ его радости. Старецъ былъ посрамленъ.

Я помню и никогда не забуду, какъ онъ шелъ. Это была грустная картина: тяжело и медленно передвигалъ онъ какъ будто не свои остарѣлыя ноги по мягкой пыли Никольской улицы. Руки его были опущены и растопырены; смотрѣлъ онъ безпомощно и даже повиновался Гіезію, который одною рукою обтиралъ кровь на своемъ лицѣ, а другою подвигалъ старца ладонью въ спину и, плача о немъ, умолялъ:

— Иди-же мой, дѣдушка, Христа ради, иди... Ты безъ шляпы... на тебя всѣ смѣяться будутъ.

Старецъ понялъ это слово и прохрипѣлъ:

— Пусть смѣются.

Это было послѣдній разъ, что я видѣлъ Малахію, но за то онъ удостоилъ меня вспомнить. На другой день по отъѣздѣ государя изъ Кіева старецъ присылалъ ко мнѣ своего отрока съ просьбою сходить „къ боярамъ“ и узнать: „что царь двумъ господіямъ на мосту молвилъ, коихъ своими руками развелъ“.

— Дѣдушка, говорилъ Гіезій, сомнѣваются на счетъ того: кія словеса рекъ государь. Нѣтъ-ли чего отъ насъ утаеннаго?

Я могъ послать старцу отвѣтъ самый полный, безъ всякаго утаенія. Два господина, остолбенѣвшіе у перилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ захотѣлъ взглянуть на Днѣпръ императоръ Николай Павловичъ, къ счастью были мнѣ извѣстны. Это были звенигородскіе помѣщики, братья Протопоповы. Они мнѣ даже приходились въ отдаленномъ

свойствѣ по теткѣ Натальѣ Ивановнѣ Алферьевой, которая была замужемъ за Михаиломъ Протопоповымъ. А потому мы въ тотъ-же день узнали, что такое сказалъ имъ государь. Онъ отстранилъ ихъ рукою и проговорилъ только три слова:

— Пошли прочь отсюда!

Въ кружкѣ знакомыхъ это составляло такой интересъ, что вечеромъ въ этотъ-же день въ квартирѣ Протопоповыхъ на Бульварѣ перебывало множество знакомыхъ, и всѣ приступали къ виновнику событія съ распросами:

— Правда-ли, что съ вами государь разговаривалъ?

— Да-съ, разговаривалъ, отвѣчалъ Протопоповъ.

— А о чемъ разговоръ былъ?

Протопоповъ съ удивительною терпѣливостію и точностію начиналъ излагать все по-порядку: гдѣ они стояли, и какъ государь къ нимъ подошелъ, „раздвинулъ“ ихъ и сказалъ: „пошли прочь отсюда“.

— Ну, и вы отошли?

— Какъ-же, нельзя-же,—сію-же минуту отошли.

Всѣ находили, что братья поступили именно такъ, какъ слѣдовало, и съ этимъ, кажется, всякій долженъ согласиться. Ни къ старой и новой вѣрѣ это нимало не относилось и что-бы не дать повода къ какимъ-нибудь толкованіямъ, я просто сказалъ Гіезію, что государь съ „господіями“ ничего не говорилъ.

Гіезій вздохнулъ и молвилъ: плохо наше дѣло.

— Чѣмъ и отчего плохо?—полюбопытствовалъ я.

— Да, дѣдушкѣ ужъ очень хочется тропарь пѣть, а невозможно!...

Среди безчисленныхъ нападокъ и клеветъ, которымъ я долговременно подвергался въ литературѣ за мою неспособность и нехотѣніе рабствовать отвратительному и пошлому деспотизму направленій, меня сурово укоряли также за то, что я не раздѣлялъ пустыхъ и вредныхъ мнѣній Аф. Прокофьев. Щапова, который о ту пору прослылъ въ Петербургѣ умникомъ и вращаясь среди неповинныхъ въ знаніяхъ литераторовъ, вѣщалъ о *политическихъ* задачахъ, которыя скрытно содержитъ будто нашъ русскій расколъ. Щаповъ стоялъ за это горой и увѣрилъ въ томъ даже Герцена, который потомъ уже не умѣлъ разобрать ни Ив. Ив. Шебаева, ни архіерея Пафнутія. Я тогда напечаталъ письмо о „людяхъ древ-

няго благочестія", гдѣ старался снять съ несчастныхъ старовѣровъ вредный и глупый поклепъ ихъ въ революціонерствѣ. Меня пошли казнить. Писали, что меня растлило въ этомъ отношеніи вредное вліяніе Павла Ив. Мельникова (Печерскаго), а петербургскому профессору Ив. Ѳ. Нильскому даже печатно поставили въ непростительную вину, что этотъ почтенный ученый гдѣ-то ссылался на мои наблюденія надъ нравами раскола и давалъ имъ вѣру, какъ будто даже не замѣчая того, что хотѣли навязать расколу представители „крайней лѣвой фракціи". Г-нъ Нильскій давалъ писателямъ „лѣвой фракціи" отповѣдь, гдѣ говорилъ что-то въ пользу моихъ наблюденій. Въ самомъ-же дѣлѣ, хороши они или дурны, но они есть *наблюденія* того, что существовало и было, а не выдумка, не тенденціозное фантазерство фракціонистовъ, которымъ чуть не удалось оклеветать добрыхъ и спокойныхъ людей. Твердое и неизмѣнное убѣжденіе, что русскій расколъ не имѣетъ противуправительственныхъ „политическихъ" идей, получено мною не изъ книгъ и даже не отъ Павла Ив. Мельникова (знанія котораго я конечно высоко цѣню), а я пришелъ къ этому убѣжденію прямо путемъ личныхъ наблюденій, которымъ вѣрю болѣе, чѣмъ забавнымъ для меня натяжкамъ Щапова и всякимъ инымъ ухищреніямъ тенденціозныхъ теоретиковъ. То, что я разсказалъ здѣсь о старцѣ Малахіи, было для меня едва-ли не первымъ урокомъ въ изученіи природы не дѣланнаго, а живаго раскольника. Я не могу, да и не обязанъ забыть, какъ этому суровому „немоляку за имя царево" хотѣлось „попѣть тропаря", и вся остановка была только за тѣмъ, что-бы государь „двумя персты" перекрестился. А тогда-бы они позапечатлѣли *не* раскольниковъ, какъ старецъ запечатлѣлъ Гіезьку, и горячѣе всѣхъ, пожалуй, приложили-бы руки къ „крайней лѣвой фракціи".

Вотъ и вся ихъ политика. А между тѣмъ было время, когда требовалось имѣть отвагу, что-бы рѣшиться дать пріютъ въ домѣ такому опасному сектанту, какъ старецъ Малахія... И это смѣшное и слѣпое время было не очень давно, а уже такъ хорошо позабыто, что „крайняя правая фракція" пружится, что-бы Волга-матушка вспять побѣжала, а они-бы могли начать лгать сначала. Раки, которые „перешепчутся", приходятъ въ „пустотѣлъ", а люди, которые хотятъ пятиться, какъ раки, придутъ къ пустомыслію.

XXXIII.

Отрока Гіезія я видѣлъ еще одинъ разъ въ жизни. Это было много лѣтъ спустя въ Курскѣ, вскорѣ послѣ постройки кіевской желѣзной дороги.

Я ѣхалъ въ Кіевъ повидаться съ родными. Поѣзда ходили тогда еще не совсѣмъ аккуратно, и въ Курскѣ приходилась остановка довольно долгая. Я когда-то ѣзжалъ изъ Орла въ Курскъ, и теперь мнѣ хотѣлось посмотрѣть на этотъ городъ, гдѣ сидятъ „мои-то-те куряне, вѣдомые кмети", которые до того доцивилизовались, что потеряли цѣлую рощу.

Я прошелъ черезъ вокзалъ, чтобы съ задняго крыльца посмотрѣть на соборъ и на прочее, что можно разглядѣть отсюда.

Дѣло было утромъ, погода прекрасная. Курскъ въ такомъ раннемъ освѣщеніи очень весело смотритъ съ своихъ горокъ, изъ за своей сонной Тускари. Онъ напоминаетъ собою Кіевъ, разумѣется, въ миніатюрѣ и en laid. Но только теперь, въ ту минуту, когда я хотѣлъ любоваться, весь видъ или, лучше сказать, все поле зрѣнія застилалось какими-то, во множествѣ летающими и безъ толку мечущимися въ воздухѣ безголовыми птичками... Престранное видѣніе въ іезекіилевскомъ жанрѣ: на одной какой-то точкѣ бьютъ фонтаномъ и носятся какими-то незаконченными, трепетными взмахами въ воздухѣ однѣ крылья; они описываютъ какіе-то незаконченные круги и зигзаги, и вдругъ падаютъ, упадутъ, встрепенутся, и опять взлетятъ снова, и опять посерединѣ подъема ослабѣютъ и снова упадутъ въ пыль...

Это что-то какъ будто апокалипсическое.

Въ довершеніе сходства характера — тутъ были и „[illegible]"; онѣ подбираютъ обезглавленныхъ пташекъ и суютъ ихъ себѣ куда-то въ пѣдра или, по просту говоря, за пазухи. Тамъ тепло.

Заинтересовало меня: что это такое!

Вотъ съ одной, пропесшейся надъ моею головою безголовой пташки что-то капнуло... Тяжелое... точно она на меня зерно гороху уронила, и при томъ попало это мнѣ прямо на руку...

Это была кровь и при томъ совершенно свѣжая, даже теплая.

Что за исторія?

Оглядываюсь—на противуположной сторонѣ площадки, такъ же какъ и я, глазѣютъ на безголовыхъ летуновъ человѣкъ шесть городскихъ извощиковъ и нѣсколько ребятишекъ...

Вотъ одна безголовая пташка со всего розмаха шлепнулась о желѣзную крышу какой-то надворной постройки.

Летѣла—казалась птичка, а упала—словно стаяла.

Осталось только самое маленькое пятнышко, которое надо было съ усиліемъ не потерять изъ глазъ,—до того стало оно ничтожно.

За то теперь можно было разсмотрѣть, что это такое.

Я опустилъ руку въ дорожную сумку, гдѣ у меня былъ маленькій бинокль, и только что сталъ наводить его на крышу, какъ кто-то сѣрымъ рукавомъ закрылъ мнѣ „поле зрѣнія".

У меня въ Курскѣ не могло быть знакомыхъ, которые-бы имѣли право допустить такую короткую фамиліарность, но прежде чѣмъ я успѣлъ отнять отъ глазъ бинокль, сѣрая завѣса уже снялась и я увидалъ ворону, которая уносила въ клювѣ обезглавленную пташку.

Послышался хохотъ, свистъ; въ ворону съ добычею, безвредно для нея, полетѣли щепы и палки, и потомъ опять пошелъ фонтаномъ взлетъ обезглавленныхъ пташекъ.

Я захотѣлъ видѣть источникъ этого необычайнаго явленія и оно объяснилось: тутъ-же за угломъ стояла низкая крестьянская телѣга, [redacted]женная замореннною крестьянскою лошадкою. Лошадь ѣла сѣнцо, которое было привязано къ запрягу ея оглобли; а на тел[redacted]ѣ стоялъ большой лубочный коробъ, по верху котораго затя[redacted]нитяная сѣтка. Надъ коробомъ, окорячивъ его ногами, упер[redacted]въ телѣжныя грядки, сидѣлъ рослый поваръ въ бѣлыхъ панталонахъ, въ бѣлой курткѣ и въ бѣломъ колпакѣ, а передъ нимъ на землѣ стоялъ, среднихъ лѣтъ, торговый крестьянинъ и держалъ въ рукахъ большое рѣшето, въ которое поваръ что-то сбрасывалъ, точно какъ будто орѣшки.

Прежде опустить руку въ коробъ, потомъ вынетъ ее точно чѣмъ-то обросшую, встряхнетъ ею и сей-же моментъ всюду по воздуху полетятъ безголовыя птички, а онъ сбросить въ рѣшето горсточку орѣшковъ. И все такъ далѣе.

Спросилъ, что это дѣлаютъ? и получилъ короткое объясненіе:

— Перепелокъ рвутъ.

— Какъ, говорю, странно?

— Отчего странно? отвѣчаетъ продавецъ,—это у насъ завсегда такъ. Они теперь жирные; какъ заберешь ихъ въ руку, между пальчиками по головешкѣ, и встряхнешь, у нихъ сейчасъ всѣ шейки милымъ дѣломъ и оборвутся. Полетаетъ безъ головки—изъ нее кровочка скапитъ, и скусъ тоньше. А по головешкамъ, кои въ рѣшетѣ сбросаны, считать очень способно. Сколько головешекъ, за столько штукъ и плата.

— Ахъ, вы, думаю, „вѣдомые кмети"! Съ этакимъ-ли способнымъ народомъ не убрать безъ слѣдовъ монастырскую рощу!

Но мнѣ интереснѣе всего былъ самъ продавецъ, ибо—коротко сказать—это былъ никто иной, какъ оный, давній отрокъ Гіезій. Онъ оородатѣлъ и постарѣлъ, но видъ имѣлъ очень болѣзненный.

XXXIV.

Какъ только я назвалъ себя, Гіезій узналъ меня сразу и подалъ свою увалепную птичьимъ пухомъ руку. А между тѣмъ и перепелиная казнь была кончена; поваръ соскочилъ на землю и пошелъ къ бочкѣ съ водою мыть руки, а мы съ старымъ знакомцемъ отправились пить чай. Сѣли уютненько, рѣшето съ птичьими головками подъ столъ спрятали и разговорились.

Гіезій сообщилъ мнѣ, что онъ давно отбылъ годы [illegible]ованнаго отрочества и уже женатъ на второй женѣ, имѣетъ дѣтей, а живетъ промысломъ—торгуетъ то косами и серпами, то пенькою и пшеномъ, иногда-же, между дѣломъ, и живностію.

Спрашиваю: счастливо-ли живете?

— Ничего-бы, отвѣчаетъ, если-бы не ракъ.

— Какой ракъ?

— А какъ-же, говоритъ, вѣдь у меня ракъ въ желудкѣ; я скоро умру.

— Да почему вы знаете, что у васъ ракъ?

— Много докторовъ видѣли, всѣ одно сказали: ракъ. Да я и самъ вижу. Никакой пищи принять не могу, отъ всего тошнитъ.

— Чѣмъ-же вы лѣчитесь?

— Прежде лѣчился, а нынѣ бросилъ, одинъ морковный сокъ на тощакъ пью. Все равно, пользы никакой быть не можетъ.

— Отчего вы такъ печально думаете?

— Помилуйте, развѣ я дитя, что не понимаю. Тридцать вѣдь, сударь, лѣтъ и три года этакое тиранство я соблюдалъ при дѣдушкѣ Малахіи! Вѣдь это вспомянуть страшно становится. Онъ говѣлъ въ лѣтѣхъ своихъ заматорѣлыхъ, а я одно и такое-же мученіе съ нимъ претерпѣвалъ въ цвѣтущей моей младости.

— И потомъ онъ васъ тоже билъ.

— Да, разумѣется, „началилъ“, да это ничего, безъ того и невозможно. А вотъ голодъ—это ужасно. Бывало въ госпожинъ постъ и оскребки изъ деревянной чашки всѣ со щепой переѣшь и, что въ землѣ случаемъ ногами втоптано, вездѣ выкорыряешь да проглотишь, а теперь вотъ черезъ это старовѣрское злое безуміе и умирай безъ времени, а дѣтей пусти по міру.

— Вы, говорю, постъ называете безуміемъ?

— Да-съ. А что такое? Впрочемъ, не осудите, съ досады иной разъ, какъ о ребятишкахъ вздумаешь, очень что-нибудь скажешь. Дѣтей жалко.

— А какъ теперь ваши религіозныя убѣжденія?

Онъ махнулъ рукою.

— Тропарь по старому не поете?

Гіезій улыбнулся и отвѣчалъ: „что вспомнили!—пѣлъ да уже и позабылъ“.

— Какъ позабыли?

— Ну, Господи мой, вѣдь я-же вамъ говорю, какая у меня страшная боль въ животѣ. Ракъ! И теперь даже не токмо, что среду и пятокъ, а даже и великій постъ не могу никакой говѣйности соблюдать, потому меня отъ всего постнаго сейчасъ вытошнитъ. Сплошь теперь, какъ молоканъ, мясное и зачищаю, точно баринъ. При вѣрной церкви уже это нельзя, я и примазался...

— Къ единовѣрческой?

— Нѣтъ, чего! Тамъ тоже еще есть жизни правила, я къ простой, къ греко-россійской.

— Значитъ, даже тремя перстами креститесь.

— Все равно. Да и какое уже мое крещеніе. Почитай и о молитвѣ забылъ. Только-бы пожить для ребятъ хочется. Для того и пристадъ къ церковной вѣрѣ, что слабже.

— А прочіе ваши собратія?

— Они тогда, какъ въ Кіевѣ дѣдушку схоронили, сейчасъ съ сосѣдями тропарь пѣть замотался, да такъ на тропарѣ и повисли. Нравится имъ это, да оно и отчего-же?— заключилъ онъ:—если у кого силы живота постоянныя, то вѣдь можно какъ угодно вѣрить; но съ такимъ желудкомъ, какъ мой, какая ужъ тутъ вѣра! Боль одна!

Съ тѣмъ мы и разстались.

Обѣтованный отрокъ, не читая энциклопедистовъ и другихъ проклятыхъ писателей, самъ приблизился къ теоріи Дидро и поставилъ вѣру въ зависимость отъ физіологіи.

Епископъ Амвросій Ключаревъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ Москвѣ, напрасно порѣшилъ, что намъ грѣшнымъ „лучше-бы не родиться“. Тотъ, кто призвалъ насъ къ жизни, конечно, лучше почтеннаго архипастыря зналъ, кому лучше родиться, а кому не родиться, а отъ вѣры-то удаляемъ народъ не мы, писатели, которыхъ простой народъ еще не знаетъ и не читаетъ, а тѣ, кто „возлагаетъ на человѣки бремена тяжкія и неудобоносимыя“. Но мы покорно вѣримъ, что въ большомъ хозяйствѣ Владыки вселенной даже и этотъ ассортиментъ людей пока еще на что-то нуженъ.

Н. Лѣсковъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СЕМЕНЪ ГАРКУША.

(1772—1784 г.).

Зовуть мене розбійникомъ, кажуть—розбиваю;
Я-жъ никого не вбивъ, бо й самъ душу маю.
Возьму гроши зъ богатого, убогому даю,
А такъ гроши поділивши, самъ гріха не маю.
(С. Максимовъ. „Сибирь и Каторга", ч. I, стр. 416)

Вторая половина прошлаго столѣтія—самое тяжелое время въ жизни крестьянства лѣвобережной Украйны. Проведеніе линіи форпостовъ на границѣ теперешней полтавской губерніи и екатеринославскихъ степей, постепенное стѣсненіе запорожцевъ и наконецъ совершенное уничтоженіе существованія послѣднихъ,—все это обстоятельства, значительно повліявшія на ухудшеніе положенія крестьянъ черниговской и полтавской губерній. Запорожье уже не могло своимъ вліяніемъ поддерживать протестующіе элементы родственной ему гетманщины, а линія форпостовъ значительно препятствовала осуществленію единственнаго возможнаго тогда протеста—побѣга съ мѣста жительства къ берегамъ Чернаго моря,—на Донъ, или-же на Кубань.

Всѣмъ этимъ пользовалась все выдѣлявшаяся изъ среды козачества войсковая старшина, нароставшее украинское дворянство, и съ успѣхомъ работала надъ достиженіемъ своихъ цѣлей: ограбленія, а затѣмъ и закрѣпощенія своихъ собратій, простыхъ козаковъ, не обладавшихъ такой житейской мудростью и беззастѣнчивостью въ выборѣ средствъ къ наживѣ, какими отличалась старшина.

Въ это время слышатся частыя жалобы со стороны крестьянъ и простаго козачества на притѣсненія старшины; жалуются на того

или другаго сотника, обвиняютъ его въ захватѣ общественныхъ земель, или-же въ отнятіи у козака его участка и затѣмъ присвоеніи прежняго владѣльца себѣ въ крестьянство. Но жалобы эти поступали на разсмотрѣніе высшей мѣстной администраціи, хотя назначенной контролировать дѣйствія козацкой старшины, но отличавшейся взяточничествомъ, и вслѣдствіе этого жаловавшіеся бѣдняки никогда не были удовлетворяемы.

Съ другой стороны старшина жалуется на постоянные разбои и грабежи, производимые простымъ людомъ. Послѣдняго рода жалобы къ концу семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія особенно усиливаются; въ это время входитъ въ среду протестующихъ элементовъ бывшій запорожецъ-купецъ Семенъ Гаркуша, подъ руководствомъ котораго грабительства учащаются и отличаются замѣчательнымъ успѣхомъ. Его значительная энергія, большая разборчивость въ выборѣ предмета нападенія, именно самаго непопулярнаго пана, помощь угнетеннымъ — все это привлекаетъ къ нему расположеніе крестьянства, чѣмъ значительно облегчается успѣхъ его предпріятій. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, во время значительнаго перелома въ жизни непривиллегированныхъ классовъ Украины, грабежи его наводятъ ужасъ на пановъ, имя его дѣлается пугаломъ для капризныхъ барчатъ, и если грабежи его съ компаніей не переходятъ въ открытое заявленіе протеста противъ окончательно устанавливавшагося тогда общественнаго строя и экономическаго гнета, то только благодаря чисто географическимъ условіямъ мѣстности, не позволявшимъ правильно организоваться всѣмъ недовольнымъ.

Семенъ Гаркуша [1]), сынъ крестьянина пана Старинскаго, Ивана Николаенка, родился около 1739 года въ небольшомъ полѣсскомъ селеніи Березани, теперешнемъ Березовѣ, мозырскаго уѣзда. До девяти лѣтъ онъ жилъ при родителяхъ, посѣщалъ между прочимъ приходскую школу, находившуюся въ томъ-же селѣ, но недолго: съ масляной недѣли началъ, а въ петровъ постъ прекратилъ. Вѣроятно, тогдашняя школьная наука и система обученія пришлись

[1]) Дѣло о разбойникахъ Семенѣ Гаркушѣ, Романѣ Босенку и Петрѣ Тарасенку-Дроботу, ихъ передержателяхъ и участникахъ, 1783 г., хранится въ библіотекѣ кіевской временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ.

не по сердцу молодому школяру, и онъ такъ скоро безъ согласія отца прекратилъ ученье въ ней. Этому весьма много помогли проходившіе тогда черезъ Березань купцы - запорожцы, которые своими разсказами о житьѣ на Запорожьи и другими приманками увлекли за собой Семена. Девяти лѣтъ отъ роду оставляетъ онъ отца, мать, родное село, оставляетъ и школу съ ея непривѣтливымъ дьячкомъ учителемъ съ тѣмъ, чтобы уйти на житье въ далекій, ему невѣдомый, но какъ-то фантастически-привлекательно рисующійся въ его воображеніи край.

Случаи сманиванія и даже увода силой чужихъ дѣтей довольно часты въ жизни запорожцевъ. Иной холостой козакъ сидитъ въ лугу зимовникомъ, занимается хозяйствомъ, наживаетъ значительное состояніе, и всего у него вдоволь, а все таки живется ему какъ-то тяжело, чувствуется, какъ будто ему еще чего-то не достаетъ, такъ трудно ему разстаться съ унаслѣдованной вѣками привычкой; не разъ задаетъ онъ себѣ вопросъ: „хто-жъ поживе після мене все мое добро? для кого се я роблю?“ И вотъ онъ рѣшается найти себѣ наслѣдника; если онъ имѣетъ родственниковъ, то у нихъ выпрашиваетъ себѣ въ сыновья мальчика, а по большей части уводитъ лаской или силой чужаго. Приводитъ къ себѣ въ зимовникъ, селитъ въ немъ, если еврейское дитя, то предварительно креститъ, усыновляетъ и воспитываетъ, какъ своего роднаго. Такъ поступилъ и Яковъ Легкоступъ, сманившій Гаркушу.

— „Доглядай, сынку, хозяйства; умру, все тобі-жъ зостанеться, не кому иншому“, не разъ говорилъ старый Легкоступъ Семену; а Семенъ и безъ того не нарадуется своему новому житью: лѣтомъ онъ пасетъ лошадей, сопровождаетъ отца на охотѣ; настанетъ осень, снаряжаетъ съ отцомъ возы въ Крымъ, набираетъ тамъ соли и везетъ продавать на Украйну. Правда, случается иной разъ и поголодать въ дорогѣ, и промокнуть на дождѣ, но все это не такъ тяжело чувствуется, какъ чувствовалось, когда пасъ панскихъ лошадей.

Такъ текла жизнь Семена въ теченіи восьми лѣтъ. Между тѣмъ старый Легкоступъ еще болѣе постарѣлъ, сталъ чувствовать, что не долго уже ему оставаться на этомъ свѣтѣ; поэтому передалъ все свое хозяйство Семену, распорядился похоронами, да вскорѣ и умеръ. Остался Гаркуша полнымъ хозяиномъ всего имущества

Легкоступа: у него теперь — табунъ лошадей, стадо рогатаго скота, отара овецъ; но продолжать хозяйничать, какъ хозяйничалъ Легкоступъ, онъ не думаетъ: ему хочется пожить въ Сѣчи, а главное—вести хозяйство въ такихъ размѣрахъ, какъ прежде, теперь нельзя. Тогда на сѣверѣ запорожскихъ степей селились выходцы изъ Австріи, сербы, и годъ за годомъ подвигались къ югу, оттѣсняя запорожцевъ все болѣе и болѣе во внутрь ихъ степей. Приходилось живущимъ тамъ запорожцамъ или сокращать свое хозяйство за недостаткомъ нужнаго количества пастбищъ, или совсѣмъ оставлять его. Многіе избирали послѣднее; это-же выбралъ и Гаркуша; онъ продалъ отцовскихъ лошадей, воловъ, овецъ, выручилъ за нихъ до полуторы тысячи рублей и съ вырученными деньгами явился въ Сѣчь, гдѣ былъ принятъ и записанъ въ число козаковъ шкуринскаго куреня. Тутъ братчики, всегда цѣнившіе человѣка по его личнымъ достоинствамъ или недостаткамъ, а не по заслугамъ отца его, окрестили новичка по своему обычаю, давъ ему прозвище Гаркуши, „по причинѣ гаркавости его въ произношеніи рѣчей“: Гаркуша сильно картавилъ. Это прозвище носилъ онъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, подъ нимъ извѣстенъ онъ и потомству.

Жизнь на Запорожьи, какъ разсказываютъ, проходила или за чаркой, или въ походахъ на турокъ да татаръ, по пословицѣ: „козакъ або пье, або турка бье, а все не гуляе“. Не такъ повелъ свою жизнь Гаркуша; онъ, на принесенныя съ собой въ Сѣчь деньги, купилъ шесть нарокопныхъ возовъ и ходилъ вмѣстѣ съ другими запорожцами въ Перекопъ, на Прогной, набиралъ здѣсь соли, а на Запорожьи рыбы и возилъ продавать въ Нѣжинъ, Конотопъ, Глуховъ и другіе украинскіе города; а отсюда набиралъ хлѣба, веревокъ, килимовъ и другихъ товаровъ и возилъ ихъ сбывать на Запорожье. Такъ занимался онъ торговлей въ продолженіи четырнадцати лѣтъ; на пятнадцатомъ долженъ былъ на нѣкоторое время прекратить свои торговыя дѣла и заняться военными.

Тогда Россія вела войну съ Турціей, и запорожцы лѣтомъ 1770 года были посланы на лодкахъ подъ Очаковъ; въ этой флотиліи въ продолженіе всего лѣта находился и Гаркуша. Былъ онъ еще и другой разъ въ походѣ на турокъ,—это походъ подъ Хаджибей подъ начальствомъ войсковаго старшины Андрея Носача. Тутъ были они не долго: „три дня простояли мы подъ Гаджибеемъ,

разсказывалъ Гаркуша, были перестрѣлки съ турками, много турокъ побили и ранили; съ нашей стороны ранили только двухъ: меня да товарища моего. На четвертый день повернули назадъ въ Сѣчь, при чемъ дорогой отбили у татаръ нѣсколько табуновъ лошадей и подувапили ихъ въ степи".

Вернулся Гаркуша на Запорожье, залѣчилъ рану, да и занялся по прежнему торговлей; но въ этотъ разъ не надолго: скоро онъ лишился всего своего состоянія. Случилось это около Межигорья, въ тогдашнихъ польскихъ владѣніяхъ. Предъ этимъ онъ ѣздилъ въ Харьковъ, накупилъ тамъ килимовъ, сала, вернулся назадъ въ Запорожье; отсюда взялъ еще два воза рыбы и думалъ все это везти на продажу въ Мозырь. Нужно было пробраться черезъ польскую границу, которая тогда со стороны запорожскихъ степей тщательно оберегалась, и, такъ какъ побаивались повторенія уманской рѣзни, то пропускъ запорожцевъ въ польскія владѣнія былъ строжайше воспрещенъ; но Гаркуша съ двѣнадцатью другими козаками ухитрился перейти границу, минуя кордонную стражу; перешелъ и, отъѣхавъ на нѣсколько верстъ отъ кордону, остановился въ лѣсу на ночлегъ. Тутъ наѣхалъ на нихъ кордонный объѣздъ, и Гаркуша, зная, какая участь постигаетъ въ Польшѣ всякаго заподозрѣннаго въ гайдамачествѣ, счелъ за лучшее оставить весь свой товаръ на десяти повозкахъ и сорокъ лошадей при нихъ и уйти, чѣмъ защищаться съ малой надеждой на успѣхъ и въ послѣдствіи быть посажену на колъ или повѣшену на висѣлицѣ.

Ушелъ Гаркуша, но не въ Сѣчь: не хотѣлось ему теперь показываться между своими товарищами козаками, прежде знавшими его, какъ весьма состоятельнаго человѣка; пошелъ онъ въ Черниговщину, гдѣ думалъ подыскать себѣ бѣглаго солдата или крестьянина и вмѣстѣ съ нимъ раздобыть средства къ жизни такимъ-же образомъ, какимъ лишился бывшихъ у него, а затѣмъ зажить по прежнему. Остановился онъ въ ново-млинскихъ лѣсахъ, что подлѣ Борзны, и въ теченіи трехъ недѣль высматривалъ товарища, по временамъ оставляя лѣсъ, чтобы сходить въ Борзну или Новые-Млины и купить тамъ хлѣба на деньги, унесенныя имъ въ карманѣ во время побѣга отъ польской стражи. Скоро всѣ деньги издержалъ, а товарища все нѣтъ. Тутъ случайно встрѣтился онъ съ прежнимъ хорошимъ знакомымъ, значковымъ товарищемъ Ефимомъ Бѣлявскимъ, который и пригласилъ его къ себѣ на житье.

Было утро праздничнаго дня; въ Борзнѣ собирался базаръ, и уже много проѣхало и прошло козаковъ и крестьянъ, поспѣшая въ городъ на торгъ. Вышелъ Гаркуша, чтобы послѣдній разъ сходить въ городъ и купить тамъ хлѣба на оставшіяся еще въ карманѣ двѣ копѣйки. Неопредѣленность положенія, недостатокъ въ пищѣ замѣтно изнурили его; онъ плелся по дорогѣ, опустивъ голову внизъ и едва передвигая нога за ногою. Шелъ онъ и раздумывалъ, что дальше будетъ, когда издержитъ эти двѣ копѣйки. Въ это время сзади его показалась повозка, запряженная въ три лошади, на ней человѣкъ, подлѣ него мальчикъ. Это ѣхалъ Ефимъ Бѣлявскій, нѣжинскій козакъ, не такъ еще давно первый дука въ Нѣжинѣ, теперь почти такой-же бѣднякъ, какъ и Гаркуша. Да, было время, когда Бѣлявскій былъ богатъ, велъ значительную торговлю хлѣбомъ, всякое лѣто высылалъ нѣсколько десятковъ воловыхъ возовъ въ Крымъ съ пшеницей; тогда и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ нему съ солью, а у него набиралъ хлѣба; тогда они и свели знакомство между собою. Но къ богатству захотѣлось Бѣлявскому и вліянія; тутъ нужно было посчитаться силами съ нѣжинскимъ сотникомъ, и Бѣлявскій остался въ проигрышѣ; сотникъ пообѣщалъ оставить его безъ рубахи и сдержалъ свое слово: въ недавно бывшую войну съ турками потребовалъ отъ Бѣлявскаго нѣсколько разъ не въ очередь подводъ; волы въ дорогѣ пали, фуражъ пропалъ, сотникъ обвинилъ его въ растратѣ, и пришлось Бѣлявскому продать домъ, лавки въ Нѣжинѣ и выбраться на хуторъ, лишь-бы задобрить старшину и избавиться отъ суда. Вчера отвезъ онъ въ Глуховъ послѣднія сто рублей, сегодня, возвращаясь домой, раздумывалъ, кончится-ли этимъ дѣло, или нужно будетъ липиться и хутора. И такъ ему хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить, пожаловаться на свою недолю, поругать старшину. Поровнявшись съ Гаркушей, онъ нѣсколько пріостановилъ лошадей, пустилъ ихъ шагомъ и вступилъ въ разговоръ съ путникомъ.

— Здоровъ, козаче, а куды такъ Богъ несе?

— Та йду въ Борзну, на базаръ—отвѣтилъ Гаркуша, не подымая глазъ на спрашивавшаго; но кто разъ слыхалъ голосъ Гаркуши, тому трудно было не узнать его; узналъ и Бѣлявскій.

— Се ты, Семене? Звідкіля и якъ се ты тутъ? Сідай-же сюды до мене, та роскажи!

Присѣлъ Гаркуша на повозку и началъ разсказывать, какъ попалъ онъ въ Черниговщину; разсказалъ и Бѣлявскій о своемъ горѣ, и въ концѣ оба сошлись въ планахъ дальнѣйшей жизни. И вотъ они, подыскавъ еще двухъ товарищей, нѣсколько разъ, переправясь черезъ Днѣпръ, грабятъ тамошнихъ пановъ. На одномъ изъ грабежей ихъ поймали, выдали русскому правительству, а это осудило на поселеніе въ застраивавшемся тогда Таганрогѣ. Здѣсь Гаркуша прожилъ годъ, а на другой ушелъ, сманивъ съ собой и солдата, который караулилъ его.

Въ это время у Гаркуша является желаніе устроиться такъ, чтобы его никто не тревожилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ можно было-бы искупить свои прегрѣшенія: онъ пробуетъ въ нѣсколькихъ монастыряхъ опредѣлиться послушникомъ, но вездѣ получаетъ отказъ, такъ какъ не можетъ представить паспорта. Эта неудача и невозможность устроиться иначе снова наталкиваютъ его на прежнее занятіе. Товарищей подыскивать теперь онъ умѣетъ, да это и не такъ трудно: то было время, когда по Полтавщинѣ и Черниговщинѣ скиталось много разнаго люда, готоваго всякую минуту на протестъ противъ установлявшагося тогда экономическаго порядка; были то или крестьяне, ушедшіе отъ невыносимыхъ притѣсненій своихъ помѣщиковъ, или козаки, обезземеленные и обиженные всесильной войсковой старшиной, или люди литовской породы, вынужденные частыми голодовками покинуть свой родной край и искать въ другомъ мѣстѣ лучшаго.

Въ этотъ періодъ мѣстомъ жительства Гаркуша избираетъ хуторъ козака Палюхи, что подлѣ селенія Терновъ, лебединскаго уѣзда; здѣсь онъ свелъ знакомство съ терновскимъ жителемъ Романомъ Босенкомъ, который почти во всю жизнь не разставался со своимъ атаманомъ. Босенко лишился отца, когда ему было только два года отъ роду, и до восемнадцати лѣтъ проживалъ при матери. На девятнадцатомъ ушелъ на заработки на донскіе рыбные заводы и работалъ здѣсь въ теченіе шести лѣтъ, стараясь скопить копѣйку и обзавестись своимъ хозяйствомъ. Сберегъ онъ кое-какъ двадцать рублей, купилъ на нихъ лошадь и повозку, положилъ заработанную рыбу и вернулся въ Терны къ матери. Не ласково встрѣтилъ его помѣщикъ послѣ шестилѣтней самовольной отлучки, и Романъ, прослышавъ, что поблизу проживаетъ Гаркуша, пристадъ къ нему.

Изъ Палюхинаго хутора ѣздили они на гребежъ въ селеніе Крыгу [1]); тамъ жила мѣщанка Дѣвичка, у которой разсчитывали найти большія богатства, но ошиблись: Дѣвичка обыкновенно закапывала деньги въ землю, а на верху держала только самое необходимое для мелкихъ расходовъ, и какъ ни старались выпытать, гдѣ хранятся ея деньги, Дѣвичка все-таки не сказала. Взяли только тѣхъ двадцать съ лишнимъ рублей, что не были закопаны въ землю, да нѣсколько сувоевъ полотна, нѣсколько дорогихъ платковъ, съ тѣмъ и ушли домой.

Болѣе удачна была поѣздка въ Новгородъ-Сѣверскъ къ тамошнему бургомистру Ивану Зимаку или Зименку; у него нашли до пяти-сотъ рублей, нѣсколько „цѣновыхъ тарелокъ“ и серебряныхъ рюмокъ. Вернулись на хуторъ, подѣлились добычей и прожили здѣсь до мая мѣсяца. Въ маѣ пріѣхали къ Палюхѣ Василь Подолянка, Микита Дурный, Якимъ Шугайло, Кирило Стягайло и Степанъ Барабашъ—бывшіе запорожцы, все товарищи Гаркуши, и стали приглашать его съ компаніей на грабежъ въ польскія владѣнія, въ Каневъ. Гаркуша согласился, и черезъ два дня вся компанія двинулась въ путь. Подойдя къ Днѣпру подлѣ Кіева, они остановились въ лозахъ и стояли здѣсь до пяти дней, пока не удалось въ одну ночь уворовать дубъ и перетащить его въ лозы. Въ слѣдующую ночь всѣ они съ лошадьми и повозками переправились на ту сторону Днѣпра и, оставляя въ сторонѣ села, деревни и кордонную стражу, полемъ да лѣсами подошли къ Каневу и остановились въ ближайшемъ лѣсу.

Отсюда Гаркуша съ двумя запорожцами пошелъ осматривать расположеніе тѣхъ дворовъ, на которые расчитывали сдѣлать нападеніе; послѣ осмотра онъ рѣшилъ, что имѣющихся силъ достаточно и, переждавъ въ лѣсу до наступленія ночи, повелъ своихъ двѣнадцать товарищей глухими улицами въ дворъ каневскаго жида Лейбы Боруховича. Тутъ нашли до десяти человѣкъ, всѣхъ ихъ перевязали и бросили въ погребъ, а Лейбу водили по комнатамъ, требуя отъ него денегъ. Не выдержалъ Лейба, указалъ, гдѣ хранятся его семь тысячъ, да золотая и серебряная посуда, и Гаркуша, очистивъ поскорѣе сундуки, снесъ все къ повозкамъ въ лѣсъ,

[1]) Народное названіе Бѣлополья, зашт. к, сумскаго уѣзда.

и въ ту-же ночь пошелъ обратно въ Каневъ къ другому мѣстному богачу, польскому пану Левойтовичу. Долго Левойтовичъ не хотѣлъ выдавать денегъ, но удары „барбарой“ заставили и его отсчитать три тысячи червонцевъ и вынести всю дорогую посуду. Тогда пана связали и заперли въ погребъ, а сами пошли въ лѣсъ къ повозкамъ и, отъѣхавъ верстъ пятнадцать отъ Канева, подѣлились добычей, послѣ чего запорожцы отдѣлились и пошли своей дорогой, а Гаркуша съ компаніей воротился къ Палюхѣ.

Это былъ послѣдній грабежъ Гаркушинъ послѣ побѣга изъ Таганрога; черезъ нѣсколько дней, когда онъ вмѣстѣ съ Босенкомъ зашелъ въ Ромны, чтобы купить харчей, онъ былъ опознанъ сидѣвшимъ въ роменскомъ острогѣ козакомъ Осадчимъ и, по его указанію, схваченъ и преданъ суду. Судъ осудилъ его съ Босенкомъ на ссылку въ вѣчную каторгу. По дорогѣ въ Казань, куда въ то время ссылали каторжниковъ, въ Москвѣ дали Гаркушѣ двадцать пять ударовъ кнутомъ, вырвали ноздри и поставили три указныхъ знака: на лбу и обѣихъ щекахъ.

Живетъ Гаркуша въ Казани, работаетъ исправно, все начальство довольно имъ; а между тѣмъ никакъ не можетъ позабыть жизни на Украйнѣ; иной разъ вспомнится ему его зимовникъ, Запорожье; тогда и безъ того тяжелое положеніе дѣлается еще болѣе тяжелымъ. Прожилъ онъ такъ годъ, на другой не выдержалъ, ушелъ; не остановилъ его и страхъ передъ кобылой, заплечнымъ мастеромъ и его кнутомъ.

Какъ-то ему позволено было пойти на базаръ для испрошенія милостыни; тутъ онъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, купилъ долото и тайнымъ образомъ пронесъ его въ казармы. Наступила ночь, всѣ уснули, а Гаркуша съ Босенкомъ, Зміенкомъ, да тремя „русской породы колодниками“ принялись разбирать стѣну; быстро пошла работа, скоро достаточная дыра была готова, и шесть арестантовъ еще за долго до разсвѣта стали разбивать въ лѣсу на свободѣ кандалы. Гаркушѣ это было не въ первые, и онъ быстро разбивалъ цѣпи на своихъ товарищахъ, приставляя долото къ спайкѣ кольца, а тѣ, наученные Гаркушею, разбили и ему.

Два дня шли они лѣсами безъ всякой пищи; на третій набрели на избенку, въ которой жилъ чувашъ; онъ далъ имъ полухлѣба, но такое количество могло только возбудить ихъ аппетитъ,

но не утолить его; и сколько они ни просили чуваша дать имъ еще хоть два хлѣба, тотъ не умилостивлялся никакими просьбами; тогда компанія рѣшила силой взять пять хлѣбовъ, ружье, пороху, дроби и идти дальше. Черезъ два дня они подошли къ большой рѣкѣ; на песчаномъ берегу ея въ челнокахъ сидѣло нѣсколько рыбаковъ черемисовъ. Это была Волга, черезъ которую имъ необходимо было переправиться. Встрѣченные черемисы оказались весьма гостепріимнымъ народомъ, подѣлились съ бѣглецами пищей, какая была у нихъ и перевезли на ту сторону. Теперь они были на обыкновенной дорогѣ бѣглыхъ арестантовъ, и заботиться о пищѣ уже не приходилось: жители селеній, лежавшихъ по этой дорогѣ, чтобы избавиться отъ нападеній бѣглыхъ арестантовъ, выставляли на ночь въ баняхъ или другихъ стоящихъ на отшибѣ строеніяхъ хлѣбъ, молоко и другую пищу; арестанты заходили, поѣдали выставленное и шли дальше, не трогая хозяевъ. Въ Казани наши бѣглецы слыхали объ этомъ самымъ собою установившемся договорѣ и пользовались имъ до самой Москвы. Не доходя до Москвы, русскіе отдѣлились и пошли въ свой край, а Гаркуша съ Босенкомъ на Украйну, потому что Зміенко также отдѣлился отъ нихъ.

Опять Гаркуша на Украйнѣ, опять своими смѣлыми грабежами наводитъ страхъ на пановъ и возбуждаетъ массу толковъ о своемъ характерствѣ въ простомъ народѣ. Разсказывали тогда, что его и пуля не беретъ; что будто-бы во время побѣга изъ тюрьмы въ него нѣсколько разъ стрѣляли, но пули, заговоренныя Гаркушей, летѣли мимо него или возвращались назадъ. Разсказывали, что у него „есть злодійське зіллья—розрывъ трава“, которая всякое желѣзо разрываетъ, и стоитъ его лишь приложить къ кандаламъ или замку, какъ они разорвутся и спадутъ. И много, много разсказывали тогда о его характерствѣ. Проживалъ онъ послѣ побѣга изъ Казани то подъ м. Смѣлымъ, на хуторѣ козака Кондрата Бардака, то въ самомъ Смѣломъ (мѣстечко роменскаго уѣзда) у смѣлянскаго сотника Тарана [1]). Здѣсь Гаркуша организовалъ нѣсколько партій

[1]) О Таранѣ производившіе слѣдствіе не упомянули ни въ показаніяхъ Гаркуши, ни въ показаніяхъ Босенка. Судиловскій указываетъ только на его участіе, да несомнѣнный свидѣтель факта—народная пѣсня; по ней выходитъ, что потерпѣлъ наказаніе Бардакъ, какъ простой козакъ, Таранъ-же, какъ войсковая старшина, остался безнаказаннымъ. Вотъ эта пѣсня:

и однихъ пускалъ на гребежи, съ другими дѣйствовалъ подъ своимъ личнымъ предводительствомъ. Завелъ артельную кассу, изъ которой выдавалъ деньги на покупку предметовъ, нужныхъ для общаго употребленія: саней, повозокъ, лошадей, на съѣстные припасы, на уплату за предостереженія и т. д.

Послѣ праздника Покрова пресвятой Богородицы 1782 года Гаркуша отправилъ одну партію въ семь человѣкъ на грабежъ въ екатеринославскія степи, а съ другой задумывалъ самъ пойти въ Воронежъ (мѣстечко глуховскаго уѣзда) къ тамошнему помѣщику, бунчуковому товарищу Матвѣю Холодовичу. Богатъ былъ Холодовичъ, всю жизнь копилъ онъ деньгу, собирая правымъ и неправымъ образомъ; накопилъ три сундука серебра да золота. Для кого-жъ обижалъ онъ крестьянъ и простыхъ козаковъ, чтобы положить лишній рубль въ свой карманъ: природа его обидѣла, уже онъ и постарѣлъ, а дѣтей не далъ Богъ; были, правда, внуки, сы-

---

Да хотівъ Бардакъ, да хотівъ Кіндратъ
Зъ Тарановъ зрівняться;
Дала-жъ ёму вража мати
Зъ Гаркушею зізнаться...
Що у Бардака, у Кіндрата
Весь двіръ на помості,
Наіхали до Бардака
Не весели гости.
—Здоровъ, Бардакъ, здоровъ Кіндратъ!
Якъ ты поживаешъ?
Зъ далекою краю гости маешъ,
Чимъ ты ихъ привитаешъ?
Ой чи медомъ, чи виномъ, чи горілкою?
Попрощайся, Бардакъ Кіндратъ,
Зъ дітками та зъ жінкою!
—Отъ вамъ, братця запорожці,
Грошей по коробці,
Та не ведіть вы мене, Бардака,
Въ Конотопъ въ колодці.
Ой въ неділю рано пораненьку,
Въ Конотопі усі дзвони дзвонятъ,
На рыночку зя Бардакомъ
Жінка, діти голосятъ...

С. Поповка, конотоп. у. Сообщ. П. А. Терентьевъ.

повья братовой дочери Массалитиновой, но къ нимъ онъ почему-то не благоволилъ; и вотъ Холодовичъ началъ строить, украшать церкви, заводить богадѣльни. Прослышали объ этомъ внуки и рѣшили напомнить дѣдушкѣ о своемъ существованіи; какъ-то осенью послали они въ подарокъ Холодовичу коня. Холодовичъ коня принялъ и съ своей стороны поблагодарилъ внуковъ свѣжей рыбой. Въ Филиповъ постъ Массалитиновы опять послали дѣдушкѣ коня. Холодовичъ разсердился:

— Що се вони менi шлють, да шлють коней, хиба у мене своихъ нема?—и велѣлъ своему господарю Гладкому отвесть втораго коня назадъ.

Поняли внуки, что наслѣдство уходитъ отъ нихъ, и рѣшили взять силой, если старый хрычъ не хочетъ дать по доброй волѣ.

— Коли такъ, то наведемъ мы на его Гаркушу, сказалъ старшій Массалитиновъ Гладкому (когда тотъ разсказывалъ, какъ разсердился Холодовичъ, получивъ второй подарокъ), вынулъ изъ кармана два рубля, подалъ господарю и спросилъ, гдѣ живетъ Гаркуша.

Гаркуша принялъ предложеніе Массалитиновыхъ: съѣздилъ съ товарищами нѣсколько разъ въ Воронежъ, чтобы высмотрѣть, какъ удобнѣе забраться во дворъ къ Холодовичу, познакомился съ господаремъ Холодовича, Петромъ Гладкимъ, и склонилъ его руководить предпріятіемъ.

Настали рождественскіе праздники; первые два дня Гаркуша прогулялъ въ Смѣломъ у Тарана, на третій пустился въ путь, взявъ съ собой тринадцать товарищей. Подъѣхавъ къ избѣ Гладкаго, онъ постучалъ въ окно и вызвалъ хозяина на дворъ.

— Сёгодні не можна: багато людей ночуе у дворі; ідьте за містечко и тамъ пробудьте до завтра, а на ту нічъ я оставлю въ дворі тілько тихъ, що завше ночують; ну, ихъ не багато, зъ ними легко справитесь.

Такъ и сдѣлали. На слѣдующую ночь пошли прямо во дворъ Холодовича. Въ винницѣ нашли нѣсколькихъ рабочихъ и самаго господаря; всѣхъ ихъ перевязали и рабочихъ бросили въ погребъ, а господаря водили за собою, показывая видъ, что бьютъ его и этимъ вынуждаютъ указывать, гдѣ кто ночуетъ. Въ кухнѣ спало трое мущинъ, да двѣ женщины; ихъ также связали и отправили къ первымъ въ погребъ, подлѣ котораго поставили на сторожѣ

Босенка съ пикой въ рукахъ. Предупредивъ такимъ образомъ все, что могло помѣшать имъ распоряжаться имуществомъ Холодовича, они всей компаніей пошли къ самому пану въ комнаты. Холодовичъ уже собирался улечься спать, и на „сонъ грядущій“ читалъ стоя какую-то книгу.

— Добрывечіръ, пане!

— Здравствуйте! отвѣчалъ Холодовичъ.

— Чи ради гостямъ?

— Та вже чи радъ, чи не радъ, а приймать мушу.

— Ото мы, пане, прочули, шо вы багато грошей назбірали; дітей вамъ не далъ Богъ, сами вже стари, скоро на той світъ підете, такъ съ собою не заберете-жъ ихъ; такъ отсе мы прийшли до васъ, чи не оддасте вы ихъ намъ?

— Отутъ всі мои гроши, отвѣтилъ Холодовичъ, указывая на стоявшіе на полу сундуки,—а то висить ключъ до нихъ, и указалъ на стѣну; сѣлъ на кровать, закрылъ лице руками и проговорилъ: „такъ-то на світі Божімъ водиться: не той поживае, хто наживае, а той, кому Богъ судить“...

— Такъ, такъ, дідусю!—замѣтилъ стоявшій позади всѣхъ парень съ надвинутой до носа шапкой; то былъ внукъ Холодовича, Иванъ Масалитиновъ, но старикъ не узналъ его.

Открыли сундуки; въ нихъ все мѣшки съ червонцами да карбованцами; было много и разной посуды, золотой, серебряной съ позолотою и просто серебряной. Набрали каждый по-столько, по-скольку снести могли, и для этого очистили два сундука, третьяго-же не тронули, оставили для Холодовича.

— Спасибі, пане, шо надбали. А чи нема у васъ чого поісти?

Холодовичъ указалъ на переднюю; тамъ въ шкафу стояли колбасы, хлѣбъ и водка. Взялъ Гаркуша нѣсколько колбасъ, три хлѣба, да „барыльце горілки“, прихватилъ съ собой свѣчу и все это отнесъ тѣмъ, что сидѣли въ погребѣ.

— Нате, іжте, пийте, та сидіть тихо, не кричить!—а самъ воротился въ комнаты, взялъ два мѣшечка съ червонцами и понесъ въ погребъ.

— Осе вамъ, щобъ малисьте за шо одправить праздники; та дякуйте панови, шо надбавъ стільки.

Не позабылъ наградить и гэсподаря.

— Отсе тобі, Петре! сказалъ Гаркуша, подавая Гладкому мѣшечекъ, въ которомъ значилось по надписи Холодовича четыреста рублей; тотъ былъ связанъ и попросилъ бросить въ стоявшій въ коморѣ кадовбъ съ просомъ и зарыть тамъ. Досталъ Босенко мѣшечекъ и, протоптавъ на снѣгу дорожку до воротъ, зарылъ его тамъ въ снѣгу.

— Візьмешь собі ихъ завтра, сказалъ онъ Гладкому.

Затѣмъ отвели и господаря къ прочимъ въ погребъ, заперли всѣ выходы изъ комнатъ, сѣли на поджидавшія ихъ у воротъ сани и ускакали на хуторъ къ Бардаку. У Бардака стали дѣлиться награбленнымъ; оказалось, что на каждаго изъ четырнадцати участниковъ приходится по тысячѣ семисотъ рублей, да Тарану съ Бардакомъ по такой-же части; отсчитали и въ общую кассу до трехъ тысячъ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли угощали попеременно то Бардакъ, то Таранъ дорогихъ гостей. На третьей Гаркуша съ Босенкомъ сталъ приготовляться къ поѣздкѣ на самарскія степи. Нужно было перепрятать деньги, и Гаркуша, какъ разсказывалъ на допросѣ поступившій около этого времени въ его компанію Иванъ Звѣревъ-Судиловскій, „схоронилъ въ двухъ сторонахъ двора Таранового: въ первой на городищѣ, подъ хатою, въ покутнемъ углѣ живущаго вблизу съ Тарановымъ дворомъ мужика, по прозванію Короля, серебряныхъ денегъ чугунный котельчикъ, величиною какъ-бы съ водопосное ведро, и въ другой, въ конюшнѣ Тарана, подъ помостомъ, съ входу въ нее на правую руку, подъ угломъ, въ четырехъ полотняныхъ мѣшкахъ, въ двухъ серебряные, а въ другихъ двухъ золотые имперіалы, да червонцы. Въ лежащемъ недалеко мѣстечка Смѣлаго окопѣ козака Гусака Гаркуша тогда-жъ спряталъ съ Петромъ Гусаченкомъ въ яловичей нечиненной шкурѣ разныхъ денегъ: мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ какъ-бы мѣрокъ четыре казенныхъ. Да въ третьемъ мѣстѣ, въ лѣсу, около монастыря Петро-Павловскаго, состоящемъ надъ рѣкою Клевенью, вблизи гумна монастырскаго, по лѣвую сторону въ яру, въ примѣтѣ: недалеко двухъ большихъ дубовъ, отъ поля тѣмъ яромъ состоящихъ, изъ которыхъ на одномъ и борть имѣется, зарылъ Гаркуша въ полотняныхъ мѣшкахъ до двухъ тысячъ рублей мѣдной монеты“.

Передъ праздникомъ трехъ святителей гости распрощались съ Бардакомъ и поѣхали ромодановскимъ трактомъ черезъ Константиновъ,

мимо с. Бобрика. Ѣхали они къ Самарѣ, гдѣ въ зимовнику одного бывшаго запорожца проживалъ тогда бѣжавшій изъ ссылки Филиппъ Каневецъ. Еще въ Таганрогѣ слыхалъ Гаркуша о немъ, какъ о весьма искусномъ дѣлателѣ фальшивыхъ паспортовъ; теперь онъ думалъ раздобыть у Каневца для себя видъ и по дорогѣ развѣдать, гдѣ удобнѣе устроиться на своемъ хозяйствѣ.

Первую ночь провели въ Бодаквѣ у Ивана Козачка; здѣсь послѣ ужина Гаркуша, снявъ съ ногъ хозяина постолы, порѣзалъ ихъ на мелкіе куски и выбросилъ, затѣмъ вынулъ изъ кармана нѣсколько рублей и подалъ хозяину.

— На, да поший собі чоботы, а въ постолахъ не ходи!

На другой день подъѣхали къ шинку генерала Шамшева, что подлѣ слободы Бригадировки (хорольскаго уѣзда). Въ шинкѣ объявили себя роменскими чумаками и что ѣдутъ они на кобеляцкія степи, гдѣ зимуютъ ихъ волы.

За чаркой, когда разговорились съ шинкаремъ, объявили ему, что ищутъ мѣста, гдѣ-бы поселиться; шинкарь сказалъ, что его господинъ заводитъ въ разныхъ мѣстахъ слободы и въ близь-лежащую Бригадировку уже четыре года вызываетъ переселенцевъ, и совѣтовалъ имъ поѣхать и осмотрѣть мѣстность. Поѣхали, осмотрѣли; Босенку понравилось мѣсто, и условія, предлагаемыя помѣщикомъ, онъ нашелъ выгодными, поэтому, купивъ у одного крестьянина избу съ огородомъ за сорокъ рублей, началъ торопить Гаркушу съ поѣздкой въ Самару за паспортомъ. Пріѣхали къ Самарѣ, нашли козака, у котораго проживалъ Каневецъ, но паспортовъ не получили: фабрикатора не было дома. Тутъ случайно встрѣтились съ другимъ дѣлателемъ фальшивыхъ видовъ, старымъ знакомымъ Гаркуши, Воровченкомъ.

Фабриковать паспорта было постояннымъ занятіемъ Воровченка; за двадцать копѣекъ всякій могъ, въ любое время, получить у него видъ на жительство; для такихъ случаевъ онъ постоянно носилъ при себѣ бумагу, перо, чернильницу, сургучъ и печать, купленную имъ когда-то въ Азовѣ, на рынкѣ, за два рубля.

Далъ онъ имъ паспортъ, одинъ на двоихъ; Гаркушѣ сказалъ называться азовскимъ купцемъ Иваномъ Ивановымъ, а Босенку—его работникомъ Петромъ.

— Но теперь уже не безпешно іздить зъ моими пашпортами; начальство довідалось про нихъ, и дуже додивлюется до всіхъ азовцівъ,—добавилъ онъ и пообѣщалъ свезти ихъ къ своему знакомому Пикинеру, который могъ снабжать всякаго рода видами, такъ какъ умѣлъ вырѣзать какую угодно печать на камнѣ, стоило лишь хоть разъ взглянуть ему на нее.

Познакомились съ Пикинеромъ, Гаркуша и Босенко разсказали ему, кто они таковы и зачѣмъ пріѣхали. Удовлетворилъ ихъ просьбу Пикинеръ, да и самъ вмѣстѣ съ Воровченкомъ присталъ въ компанію къ Гаркушѣ. Послѣ этого Босенко, имѣя въ рукахъ паспортъ на имя кременчугскаго мѣщанина Романа Коломійца, отдѣлился отъ Гаркуши и поселился въ Бригадировкѣ, а Гаркуша съ двумя новыми товарищами воротился въ Смѣлое къ Тарану.

Къ этому времени возвратились и тѣ, что ходили на грабежъ въ екатеринославскія степи. Не съ пустыми руками возвратились они.

— Коло Таганрогу зустріли мы валку чумаківъ,—разсказывали они,—везли вони рыбу; обступили мы ихъ, потребували грошей; вони зняли зъ возівъ пять мішківъ мідяківъ и віддали намъ. Звідсіль мы перебрались за Дніпро и підъ Херсономъ зустріли калмиківъ, гнали вони стадо коней, въ котрімъ було штукъ зо сто; половили мы стадниківъ и перевязали, а коней заняли и роспродали въ разныхъ містахъ, и отсе гроши, що взяли за нихъ!

Не похвалилъ ихъ Гаркуша за такую неразборчивость.

— Не варто трогать того, хто може стать намъ инколи въ пригоді, сказалъ онъ, слушая разсказъ объ ограбленіи чумаковъ; взялъ деньги, отсчиталъ четвертую часть въ общую кассу, а остальное подѣлилъ поровну между участниками.

Въ это время Гаркуша замышлялъ повести компанію на новый грабежъ въ Конотопъ.

Въ Конотопѣ въ то время славилась своими богатствами Степанида Парпуриха, бывшая теперь уже второй разъ въ замужествѣ за конотопскимъ городничимъ Петромъ Базилевичемъ.

Первый ея мужъ Осипъ Парпура когда-то былъ первымъ купцемъ въ Конотопѣ; обозы его съ хлѣбомъ, крупой ходили въ Азовъ, на Запорожье; въ ту пору и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ Парпурѣ съ рыбой, солью и мѣнялся съ нимъ на хлѣбъ; тогда они были пріятелями, и Парпура часто удерживалъ Гаркушу по нѣ-

сколько дней въ своемъ домѣ, угощая его, какъ своего друга. Это было девять лѣтъ тому назадъ, и многое измѣнилось съ того времени.

Парпура умеръ; жена его вышла замужъ за другаго, и Гаркуша уже не купецъ-запорожецъ, а каторжникъ, съ рваными ноздрями и клеймами на лицѣ. Одна Степанида не измѣнилась; какъ прежде она управляла Парпурой, такъ теперь помыкала конотопскимъ городничимъ Петромъ Базилевичемъ.

Городничій того времени отправлялъ полицейскую должность въ полковомъ городѣ и сотенномъ мѣстечкѣ, а также въ его вѣдѣніи находились колодники. При немъ всегда стояло на дежурствѣ нѣсколько асаульцевъ или стойчиковъ, козаковъ назначавшихся городничему для посылки по различнымъ казеннымъ надобностямъ.

Были постоянно такіе стойчики и при Базилевичѣ; было много и работниковъ въ дворѣ Парпурихи, и никто прежде не допустилъ-бы той мысли, что найдутся такіе смѣльчаки, что отважатся напасть и ограбить домъ конотопскаго охранителя общественнаго порядка и безопасности. Зналъ Гаркуша и о постоянныхъ стойчикахъ, и о большомъ числѣ прислуги, зналъ, какъ и управиться съ ними.

Мѣсяца за два до этого онъ отправилъ въ Конотопъ двухъ товарищей съ тѣмъ, чтобы они нанялись на работу къ Парпурихѣ и основательно развѣдали все, что дѣлается въ ея дворѣ; теперь они доставляли всѣ свѣдѣнія, нужныя для Гаркуши. За недѣлю до праздника Петра и Павла передавали они, что всѣ работники отправляются на хуторъ для уборки хлѣба, даже четырехъ асаульцевъ выслала туда Парпуриха.

Не теряя удобнаго случая, Гаркуша собралъ пятнадцать душъ, самъ шестнадцатый, и пустился съ ними въ путь. Подъѣхавъ къ Конотопу, они оставили лошадей при греблѣ Луганкѣ, а сами пѣшкомъ пошли по болоту къ Кандибиной греблѣ, близь которой находился дворъ Парпурихи. Ночь была темная; и какъ съ этой стороны никто изъ нихъ прежде не подходилъ къ городу, то они, боясь сбиться съ пути и попасть въ чужой огородъ, поворотили назадъ и рѣшили переждать въ ближайшемъ лѣсу до болѣе удобнаго времени. Въ слѣдующій разъ они подъѣхали къ Конотопу съ другой стороны и, оставивъ лошадей съ повозкой въ житахъ, пошли въ городъ, пробираясь подъ заборами, бросавшими тѣнь отъ захо-

дящей луны. Подойдя къ двору Парпурихи, они перелѣзли черезъ заборъ и пошли прежде всего къ кухнѣ; тамъ спало нѣсколько человѣкъ прислуги; ихъ перевязали и, оставивъ при нихъ сторожу, пошли въ конюшню; тутъ такъ-же связали четырехъ работниковъ и отвели на кухню. У покосевъ, на крыльцѣ, спало три козака, поставивъ у изголовья оружіе. Гаркуша съ Пикинеромъ тихонько подкрались и унесли ружья, сабли и пики; прочіе кинулись вязать козаковъ ихъ-же поясами. Тогда пошли въ комнаты. Въ первой спала дочь Парпурихи, падчерица городничаго, и при ней двѣ служанки; ихъ разбудили и не связанныхъ отвели въ кухню. Слѣдующая комната была спальня городничаго; онъ только что улегся, не успѣлъ еще и свѣчи потушить.

— Здоровъ, пане!

— Здраствуйте! отвѣчалъ городничій и началъ было вставать. Его связали его-же галстухомъ и положили на кровать.

— Лежи, пане, не до тебе маемъ дiло, а до пані; де-жъ се вона?

Городничій кивнулъ головой на слѣдующую комнату. Парпуриха ложилась рано и теперь спала первымъ крѣпкимъ сномъ; ее разбудили, позволили одѣться, затѣмъ повели въ комнату мужа и приступили съ допросомъ, гдѣ ея деньги, гдѣ хранятся ея сорокъ тысячъ. Парпуриха повела ихъ въ комору къ своимъ сундукамъ. Открыли: тамъ было много серебряной посуды: чарокъ, тарелокъ, кувшиновъ, нѣсколько мѣшковъ съ червонцами да рублями, мѣшечекъ жемчугу, перстень золотой съ дорогими камнями и много дорогихъ тканей; все это забралъ Гаркуша съ товарищами, да еще у самаго городничаго взяли саблю, кирею и изъ его собственнаго сундучка семь рублей серебромъ: только и нашли у него.

Покончивъ съ имуществомъ Парпурихи, принялись за самую хозяйку.

— Ты постовъ не шануешъ; навить и въ великій пістъ іси скоромно, обратился къ ней Ѳедоръ Пикинеръ, поднявъ нагайку надъ ея спиной.

— Такъ осе тобі, що-бъ по постамъ мяса не іла, продолжалъ онъ, хлеставя по спинѣ Парпуриху.

— Ты и чоловіка (мужа) зневажаешъ! замѣтилъ съ своей стороны Микита Пикинеръ.

— Осе тобі, вража бабо, шобъ не понижала свого чоловіка, а шановала ёго.

Взялъ и Гаркуша нагайку.

— А се одъ мене, шобъ не згнущалась надъ дівчатами, кісъ имъ не різала.

Сдѣлавъ такимъ образомъ наставленіе Парпурихѣ и строго приказавъ городничему не извѣщать никого объ нихъ до утра, гости заперли на замокъ двери, взяли изъ конюшни трехъ лошадей и пошли къ житамъ, гдѣ оставили повозку; но ни повозки, ни лошадей на томъ мѣстѣ уже не было.

— Се поганый знакъ: хтось насъ підстерігъ, замѣтилъ Гаркуша: треба намъ, хлопці, поспішать.

Идутъ дальше и встрѣчаютъ на дорогѣ чумаковъ съ водкой; подошли къ нимъ и стали просить свезти ихъ въ ближайшій хуторъ; тѣ не согласились, отговариваясь тѣмъ, что ихъ панъ завтра утромъ будетъ ѣхать въ слѣдъ за ними и если узнаетъ, то будетъ плохо, но угостили ихъ водкой. Гаркуша вынулъ „пригорщей съ три червонцевъ“ и подалъ ихъ чумакамъ.

— Нате вамъ трохи зъ добутку Гаркуши, та якъ хто буде доганять насъ, то зведить ёго на мильну дорогу.

Дальше въ лѣсу опять встрѣчаютъ обозъ съ водкой, везли се литвины. Гаркуша подошелъ къ нимъ, высыпалъ изъ кашшука червонцевъ и сталъ упрашивать свезти ихъ вещи къ ближайшему лѣсу, гдѣ они оставили своихъ лошадей. Литвины согласились; скатили съ одного воза бочку, положили на него награбленныя вещи и пустились въ путь.

Ночь была темная, тихая; все спало; улегся вѣтерокъ; казалось, утихъ даже и постоянно дрожащій осиновый листъ; умолкли и усталые гайдамаки...

Но вотъ донесся до нихъ одинъ ударъ колокола, за нимъ другой, третій, чаще и чаще, и вся окрестность огласилась колокольнымъ звономъ.

— Се такъ насъ провожаютъ, замѣтилъ какъ-то не весело Гаркуша и не ошибся.

Въ эту ночь не спали не только въ домѣ городничаго, не спалъ также и свояк его Лука Парпура. Днемъ онъ замѣтилъ, что кто-то ночью пасетъ лошадей въ его житахъ, и теперь,

дождавшись захода луны, вышелъ въ поле съ козакомъ и какъ разъ напалъ на лошадей, оставленныхъ Гаркушей. На возвратномъ пути, проѣзжая мимо дома Парпурихи, увидѣлъ въ окнахъ свѣтъ: „чи не заболівъ се хто, шо такъ рано засвітили“—подумалъ онъ и заѣхалъ въ дворъ. Тутъ онъ узнаетъ, что не задолго передъ его пріѣздомъ вышелъ изъ дома Гаркуша съ компаніей, и спѣшитъ къ отцу Петру, священнику Варваринской церкви, и, заявивъ ему о случившемся грабежѣ у городничаго въ эту ночь, проситъ донести объ этомъ кому слѣдуетъ, а самъ съ козакомъ пустился въ погоню.

Отецъ Петръ, перепуганный такимъ извѣстіемъ, приказалъ церковному сторожу ударить въ набатъ и побѣжалъ къ сотнику. Жители Конотопа, привыкшіе съ такимъ колокольнымъ звономъ соединять извѣстіе о пожарахъ, столь часто случавшихся въ городѣ, выбѣжали въ испугѣ на улицы, но пожара нигдѣ не было видно, и еще больше испугались, когда узнали, что вся эта тревога поднята изъ-за Гаркуши.

Сотникъ велѣлъ собрать пятьдесятъ козаковъ и подъ начальствомъ значковаго товарища Похлыста послалъ преслѣдовать Гаркушу; къ нимъ присоединился отецъ Петръ, а также нѣкоторые изъ жившихъ въ Конотопѣ цыганъ.

Въ это время Парпура нагналъ грабителей и потребовалъ выдачи всего награбленнаго. Въ отвѣтъ на такое требованіе Гаркуша съ товарищами пустился ловить его; Парпура поворотилъ назадъ, но, будучи сброшенъ испугавшейся лошадью, былъ пойманъ; его связали и, положивъ на повозку, повезли съ собой. Еще прибавилось тяжести для тощихъ лошадокъ литвина; до этого они шли почти шагомъ, съ Парпурой пошли еще медленнѣе, нужно было перемѣнить ихъ свѣжими, поэтому заѣхали на стоявшій невдалекѣ отъ ихъ пути хуторъ Лободы.

Въ дворѣ они встрѣтили хозяйку и потребовали у нея лошадей, на что та отвѣтила бранью. Это взорвало опьянѣвшаго Пикинера, и онъ уже навелъ на хозяйку ружье, намѣреваясь застрѣлить ее, но Гаркуша не допустилъ до этого: быстро подскочивъ, онъ выхватилъ ружье изъ рукъ Пикинера.

— Осе, дурный: баба языкомъ меле, а вінъ готовый и душу зъ світа звести! А шо, молодице, хозяинъ дома?—обратился онъ къ

хозяйкѣ, и узнавъ, что дома, но еще спитъ, пошелъ въ хату. Разбудили хозяина и потребовали лошадей, заявивъ ему напередъ, что они гайдамаки, были ночью на грабежѣ у Парпурихи, дорогой взяли „въ ясыръ“ Луку Парпуру и теперь поспѣшаютъ домой. Далъ имъ хозяинъ лошадей, просилъ только возвратить ему, для чего и послалъ съ ними паробка.

Не успѣли отъѣхать и трехъ верстъ отъ хутора Лободы, какъ сзади ихъ послышался конскій топотъ, который чѣмъ далѣе, тѣмъ явственнѣе и явственнѣе становился; то гналась конотопская козацкая команда. Нагнавъ Гаркушу съ товарищами, значковый товарищъ Похлыстъ приказалъ стрѣлять по нимъ. Козаки выстрѣлили, и Кравченко, раненный въ лѣвый бокъ, свалился съ лошади; всѣ прочіе, оставивъ добычу преслѣдовавшимъ, бросились въ лѣсъ.

Но уйти имъ не удалось; ихъ нагнали во второй разъ и всѣхъ переловили; спасся только Гаркуша: онъ скрылся на болотѣ, куда никто изъ козаковъ не рѣшился идти, и, переждавъ здѣсь до слѣдующаго вечера, ночью лѣсами пробрался на хуторъ къ Бардаку, разсказалъ ему, какая участь постигла товарищей, совѣтовалъ принять всякія предосторожности, потому что и къ нему могутъ явиться, затѣмъ, взявъ хранившіяся у Бардака полторы тысячи рублей, попрощался съ нимъ и пустился на екатеринославскія степи, разсчитывая купить тамъ овецъ и заняться хозяйствомъ.

За рѣчкой Самарой, въ зимовникѣ козака Чорного, купилъ онъ двѣстѣ съ лишнимъ овецъ и перегналъ ихъ къ знакомому козаку Крамеру, оставилъ у послѣдняго и овецъ, и до тысячи денегъ, а самъ поѣхалъ въ Кременчугъ, чтобы купить себѣ одежу и раздобыть паспортъ. Тутъ встрѣтился Гаркуша съ своимъ старымъ знакомымъ Щербатымъ, который, узнавъ, что онъ хлопочетъ о паспортѣ, обѣщался раздобыть таковой въ мѣстномъ магистратѣ; на другой день повелъ его въ магистратъ, объявилъ тамъ, что это его братъ, Иванъ Щербатый,—до сихъ поръ проживалъ у моря, на рыбныхъ ловляхъ, а теперь хочетъ записаться въ кременчугскіе мѣщане. Видно, тогда очень легко было въ Кременчугѣ приписаться въ мѣщане, потому что черезъ нѣсколько дней былъ уже у Гаркуши „печатный паспортъ во всѣ города срокомъ на годъ“.

Воротился Гаркуша къ Крамеру въ Очереватое, но ни овецъ, ни денегъ, ни самого Крамера не засталъ тамъ: во время его от-

лучки все его имущество вмѣстѣ съ Крамеромъ было арестовано по распоряженію начальства, какимъ-то образомъ напавшаго на слѣды Гаркуши. Опять остался онъ безо всего; опять судьба толкаетъ на прежнее занятіе.

Съ этого времени Гаркуша проживалъ въ Бригадировкѣ и отсюда также совершилъ нѣсколько грабежей. Бригадировка тогда только что заселялась. Генералъ Шамшевъ, которому позволено было завести на этомъ мѣстѣ слободу, уже пятый годъ какъ поставилъ столбъ, съ просверленными въ немъ двѣнадцатью дырочками, что означало двѣнадцать льготныхъ лѣтъ для поселенцевъ, и каждый годъ забивалъ колкомъ въ присутствіи слобожанъ одну изъ такихъ дырочекъ; теперь уже было вбито пять колковъ. Со всѣхъ сторонъ переселялись къ генералу Шамшеву козаки, мѣщане, крестьяне и всѣ, кого „недоля“ заставляла покидать свой домъ и „садокъ“. Поселилось здѣсь и нѣсколько знакомыхъ Гаркуши, между ними и Босенко; теперь онъ хозяинъ: у него нѣсколько паръ воловъ, нѣсколько лошадей, которые, какъ и самъ хозяинъ, не гуляютъ: лѣтомъ онъ ѣздитъ на Донъ, въ Азовъ, покупаетъ тамъ рыбу, соль и везетъ домой, а настанетъ осень, скупаетъ по окрестнымъ селамъ табакъ, овесъ и сбываетъ его на Самарѣ козакамъ.

Поразвѣдавъ обстоятельно, можно-ли поселиться въ Бригадировкѣ, Гаркуша купилъ себѣ хатку за пятнадцать рублей и поселился въ ней [1]).. Слава о Гаркушиныхъ подвигахъ, молва о томъ, что онъ отплачиваетъ панамъ за угнетеніе ими своихъ подданныхъ, распространились уже далеко, и многіе крестьяне искали случая встрѣтиться съ Гаркушей и навести его на своего пана. Черезъ нѣсколько времени въ Бригадировку пришли убѣжавшіе изъ мѣс-

---

[1]) Раньше, въ одно изъ посѣщеній Бригадировки, Гаркуша рѣшилъ устроить капличку надъ колодцемъ. Случилось это такъ: Гаркуша, однажды вечеромъ, повелъ поить лошадей, но нигдѣ не нашелъ воды,—Бригадировка построена на равнинѣ, и вода добывается изъ глубокихъ колодцевъ. Тогда Гаркуша воротился назадъ и на другой день заявилъ жителямъ Бригадировки о своемъ намѣреніи выкопать колодецъ и поставить надъ нимъ капличку, чтобы всякій зналъ, гдѣ можно достать воды; просилъ ихъ выхлопотать ему разрѣшеніе на это у помѣщика. Генералъ Шамшевъ согласился; тогда Гаркуша нанялъ пятнадцать человѣкъ за сто рублей для устройства колодца.

течка Лѣплявого отъ сотника Левицкаго, разсказывали, что послѣдній заставляетъ ихъ воровать воловъ, лошадей у сосѣднихъ помѣщиковъ, забираетъ ворованое у нихъ, продаетъ, а выручкой не дѣлится, и предлагали Гаркушѣ свои услуги въ качествѣ проводниковъ для грабежа своего сотника.

Фамилія Левицкихъ не такъ давно выбилась въ войсковую старшину и еще не успѣла разбогатѣть; поэтому Иванъ Левицкій, добившись сотничества въ мѣстечкѣ Лѣплявомъ, пускался на всѣ средства, лишь-бы разбогатѣть. О немъ одинъ изъ участниковъ Гаркуши Щербань, сидя въ тюрьмѣ, показывалъ, что „когда онъ ушелъ отъ своего владѣльца и пришелъ къ Левицкимъ, то послѣдніе приняли его безъ всякаго паспорта и поселили на своей землѣ; затѣмъ, выдавъ билетъ, послали его уворовать гдѣ либо лошадей и привести къ нимъ, объясняя при томъ, что они легко могутъ сбыть ворованное, за что обѣщали выдать ему половину выручки. Щербань пошелъ, но въ этотъ разъ ничего нигдѣ не удалось уворовать.

Въ другой разъ онъ совмѣстно со Стягайломъ, бѣжавшимъ изъ ссылки, ходилъ, также по порученію Левицкихъ, воровать лошадей и черезъ нѣсколько дней привелъ пару вороныхъ коней, и какъ Левицкіе думали взять этихъ лошадей безъ ничего, то Щербань не отдалъ ихъ, а рѣшился самъ продать. Тогда сотникъ съ подданнымъ своимъ, Хижнякомъ, ночью уворовали у него и перевели на лугъ подъ Лѣплявое; къ этимъ лошадямъ Хижнякъ уворовалъ еще гдѣ-то четыре, и вмѣстѣ съ сотникомъ водили ихъ въ Литву, чтобы тамъ продать. Воротившись домой, Хижнякъ потребовалъ отъ Левицкаго обѣщанной части, но послѣдній отказался выдать; тогда Хижнякъ сталъ грозить расправиться съ нимъ.

Опасаясь угрозъ, Левицкій задумалъ покончить съ Хижнякомъ и велѣлъ другому своему подданному Степаненку убить Хижняка. Тотъ исполнилъ приказаніе; затѣмъ, получивъ отъ Левицкаго паспортъ, ушелъ къ морю и тамъ поселился. У Стягайла, показывалъ тотъ-же Щербань, сотникъ Левицкій взялъ двѣ уворованныхъ лошади и продалъ ихъ. Стягайло потребовалъ себѣ части, но Левицкій не далъ и еще угрожалъ застрѣлить его; тогда Стягайло ушелъ къ Гаркушѣ. Много находилось такихъ, которые желали свести счеты съ Левицкимъ; они то и уговорили Гаркушу ограбить лѣплявскаго сотника.

Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ шинокъ Алексѣя Дранки, находившійся подлѣ с. Чернухъ. Сюда собралось семь человѣкъ и на четырехъ повозкахъ поѣхали по направленію къ Лѣплявому; подъ мѣстечкомъ, въ березняку оставили они лошадей и, вооружившись двумя пистолетами, ратищемъ да топоромъ, пошли къ двору сотника; въ дворѣ продѣлали тоже, что и вездѣ: всѣхъ, кого только нашли тамъ, перевязали и бросили въ погребъ.

Въ комнатахъ спалъ старикъ Левицкій, судья лѣплявскій, жена и дочь его; ихъ связали и пошли къ сыну, сотнику.

— Добрывечіръ, пане сотнику,—заговорилъ Щербань, войдя въ комнату, гдѣ спалъ Левицкій:—се мы прийшли до тебе за росчотомъ. Пізнаешъ насъ?

Левицкій схватился съ кровати и думалъ было защищаться; но, увидавъ передъ собой пять дюжихъ мужиковъ и между ними два знакомыхъ лица: Щербаня и Стягайла, опустился на кровать и предался въ руки грабителей; его связали и стали пытать, гдѣ хранятся его деньги. Разсказываютъ, что Левицкаго ставили на горячія уголья, стараясь узнать, гдѣ его деньги. Но сотникъ перенесъ всѣ мученья, не выдалъ своей казны, указалъ только на сундучекъ, тамъ было до полутораста рублей; деньги разобрали по карманамъ, взяли еще двѣ сабли, жупанъ, пару пистолетовъ, нѣсколько свертковъ холста. Потомъ разложили сотника и, припомнивъ ему смерть Хижняка, угрозы Стягайлѣ, высѣкли „немилосердымъ образомъ“. Не пожалѣли и старика судью.

— А ты якъ-бы бувъ правдивый судія, то сына твого давно вже тутъ не було-бъ,—обратился Гаркуша къ Василію Левицкому и собственноручно далъ ему до пятнадцати плетей.

Воротились домой въ Бригадировку, пожили здѣсь нѣкоторое время и, по чьему-то предложенію, отправились въ Бѣлоруссію. По дорогѣ, въ Мглинѣ Гаркуша, встрѣтивъ среди бѣла дня на улицѣ мглинскаго сотника, велѣлъ своимъ товарищамъ разложить его и высѣчь.

— Осе тобі за те, шо неправедно судишъ, прибавилъ онъ;—затѣмъ сѣлъ на коня и вмѣстѣ съ другими ускакалъ изъ города.

Опасаясь преслѣдованія, они поворотили назадъ и подъѣхали къ Ропску, имѣнію графа Разумовскаго; такъ какъ у нихъ не было съѣстныхъ припасовъ, то Гаркуша, оставивъ другихъ това-

рищей подъ мѣстечкомъ, поѣхалъ съ Щербатымъ въ Ропскъ, чтобы купить хлѣба. На базарѣ увидѣлъ Гаркушу одинъ изъ жителей ропскихъ, сидѣвшій когда-то вмѣстѣ съ Гаркушей въ глуховскомъ острогѣ, и донесъ о немъ управляющему имѣніемъ. Управляющій распорядился арестовать и отвести его въ волостную канцелярію. Окружили Гаркушу пять десятскихъ и повели въ волость; сзади ихъ шелъ управляющій.

На пути, подлѣ графскаго двора стоялъ Щербатый, держа въ рукахъ двухъ лошадей. Увидавъ его, Гаркуша объявилъ управляющему, что это его слуга, и просилъ позволенія подойти къ нему и сказать, чтобы ѣхалъ за мѣстечко, запрегъ лошадей въ оставленный ими тамъ возъ и ѣхалъ къ нему въ Ропскъ. Управляющій позволилъ. Но у Гаркуши другой умыселъ былъ: не успѣли десятскіе опомниться, какъ онъ сидѣлъ уже на лошади.

— Бувай здоровъ, пане! Не такому дурню, якъ ты, ловить мене, Гаркушу! закричалъ онъ управляющему, хлеснулъ нагайкой лошадь и помчался съ Щербатымъ изъ мѣстечка. Посылалъ-ли управляющій кого въ погоню за ними, или нѣтъ, но они уходили, нигдѣ не останавливаясь на долго, до самой Бригадировки.

Это происходило осенью, не задолго до праздника Арх. Михаила, какъ опредѣляетъ Гаркуша, а подъ заговѣны Филипповаго поста задумалъ онъ жениться. Уже два мѣсяца тому назадъ сошелся онъ очень близко съ дочерью одной бригадировской вдовы Меланьею Чвыркой, и теперь родственники послѣдней настаивали, чтобы онъ обвѣнчался съ ней. Гаркуша не противился и, съ позволенія прикащика генерала Шамшева, капрала Алексѣя Тумасова, вступилъ съ ней въ законный бракъ. Но не долго пожили они вмѣстѣ; черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы наѣхала въ Бригадировку козачья команда, гнавшаяся по слѣдамъ за ограбившими въ с. Клепарахъ домъ козака Демуры, и произвела обыскъ у всѣхъ бригадировскихъ жителей. Гаркуша скрылся, а жена со всѣмъ имуществомъ была взята въ Лубны, гдѣ и умерла въ острогѣ.

Пять дней бродилъ Гаркуша по полямъ, пока не добрался до шинка Алексѣя Дранки; у него засталъ Стягайла и Воровченка, также убѣжавшихъ изъ Бригадировки.

— А шо теперъ будемъ робить? Я втікъ и ничого не взявъ съ собою; не маю за шо и хліба купить, заговорилъ Гаркуша.

— Та и мы втекли безъ ничого. Ходімъ до Оникія въ Ењковку (село хорольск. у.), еднакъ вінъ давно вже закликавъ до полковниці Войнихи.

На другой день вечеромъ Оникій повезъ въ Хороль къ своей госпожѣ гостей. Въ дворѣ Войновой всѣ спали, только полусонный сторожъ, постукивая по временамъ въ клепало, заявлялъ о своемъ бодрствованіи. Къ нему незамѣтно подкрались и, зажавъ ротъ, связали и приказали молчать, угрожая въ противномъ случаѣ застрѣлить изъ пистолета, затѣмъ отбили замокъ у амбара, гдѣ хранилось все имущество полковницы Войновой. Взяли изъ сундуковъ до двухъ тысячъ рублей, шубу, нѣсколько кусковъ дорогихъ тканей и, зарывъ въ снѣгу нѣсколько десятковъ червонцевъ на глазахъ сторожа, чтобы онъ впослѣдствіи взялъ ихъ себѣ, пошли вмѣстѣ съ послѣднимъ къ санкамъ. Въ концѣ сада посадили сторожа и привязали его къ дереву, обложивъ со всѣхъ сторонъ сѣномъ, чтобы онъ не замерзъ, такъ какъ былъ декабрь и на дворѣ стояли большіе морозы.

Это былъ послѣдній грабежъ Гаркуши: столь частыя и отважныя нападенія на дома панові подняли на ноги администрацію. По всѣмъ дорогамъ въ черниговской и полтавской губерніи учреждена была стража, которой приказано было останавливать проѣзжающихъ и осматривать ихъ паспорты и вещи.

Не проходило той ярмарки, на которой не читали-бы публикаціи о Гаркушѣ и его товарищахъ. Если и прожилъ онъ на свободѣ около двухъ мѣсяцевъ послѣ ограбленія Войновой, то только благодаря сочувствію, которое питало къ нему угнетенное населеніе и постоянно предупреждало его о грозившей опасности. Послѣдніе два мѣсяца онъ метался изъ стороны въ сторону, уходя отъ преслѣдованія. Сначала думалъ было пробраться въ Бѣлоруссію, но на дорогѣ чуть не попался въ руки начальства, что измѣнило его намѣреніе.

Это было въ февралѣ 1784 года. Гаркуша съ Босенкомъ и Дроботомъ заѣхалъ къ одному изъ бѣловѣжскихъ крестьянъ и заказалъ ему изготовить для нихъ сухарей; пока изготовлялись сухари, они ходили въ ближайшій шинокъ и тамъ проводили время; сюда заѣхали солдаты, ведшіе лошадей въ Черниговъ. Гаркуша сейчасъ-же началъ прятать свой носъ въ рукавъ; это показалось

вахмистру страннымъ, и онъ потребовалъ у него паспортъ. Приходилось жутко, но Гаркуша нашелся, какъ выйти изъ такого положенія: онъ отвѣтилъ, что паспортъ его въ санкахъ и что онъ сейчасъ-же принесетъ его. Вахмистръ позволилъ пойти на дворъ и послалъ за нимъ нѣсколькихъ солдатъ. Подойдя къ санкамъ, Гаркуша и другіе товарищи вскочили на лошадей и пустились со двора; солдаты на своихъ лошадяхъ погнались за ними, но туманная погода вскорѣ скрыла уходившихъ, и солдаты воротились ни съ чѣмъ. Санки и все, что было на нихъ, кромѣ куньей шубы Войновой, представилъ вахмистръ въ судъ; шубу-жъ доставилъ своему капитану Деденову, и въ послѣдствіи очень много было истрачено бумаги на переписку съ капитаномъ: онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ столь дорогимъ подаркомъ своего вахмистра; наконецъ, уступая крайнимъ угрозамъ, возвратилъ, но все-таки снялъ золотыя сѣтчатыя обкладки на рукавахъ и воротникѣ.

Опять полетѣли въ земскіе суды, магистраты и къ городничимъ указы и извѣщенія, гдѣ въ послѣдній разъ напали на слѣдъ Гаркуши. Нужно было поскорѣе пробираться далѣе; онъ разсчитывалъ еще на знакомства въ Полтавщинѣ и думалъ при ихъ помощи пробраться въ Новороссію, а оттуда въ Молдавію. Но не удалось: въ Ромнахъ, по доносу одного калачника, его схватила полиція. Посадили Гаркушу въ тюрьму, заковали руки и ноги въ кандалы, а „крѣпкимъ цѣпомъ приковали за шею къ стѣнѣ такъ, что и двинуться на мѣстѣ онъ не можетъ“, доносилъ роменскій городничій Сегуновъ въ намѣстническое правленіе.

Въ теченіе одинадцати дней допрашивали Гаркушу, стараясь узнать всѣхъ участниковъ его грабежей; но напрасно: ни пытки, ни увѣщанія не помогли; онъ указывалъ только тѣхъ, которые были уже пойманы и сидѣли въ острогѣ. Начался судъ, улики ясны, и судьи положили такой приговоръ: вырѣзать до костей ноздри, поновить указные знаки на лбу и щекахъ и дать 280 ударовъ кнутомъ, по семидесяти въ четырехъ мѣстахъ преступленія, затѣмъ сослать въ вѣчную каторжную работу, въ г. Херсонъ.

Дальнѣйшая судьба Гаркуши изъ дѣла о немъ не видна. Извѣстно только, что онъ перенесъ наказаніе и доставленъ по этапу въ Херсонъ; тамъ, вѣроятно, и окончилъ онъ свою жизнь...

К. Кошовикъ.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)[*].

8) Полюбовное размежеваніе старозаимочныхъ дачъ.

Исторія ахтырской дачи показываетъ, что какъ эта типичная старозаимочная дача, съ давняго времени составлявшая цѣлую массу личнаго и наслѣдственнаго мелкаго поземельнаго владѣнія, такъ и вообще старозаимочное землевладѣніе б. Слобожанщины, съ конца прошлаго столѣтія, официально разсматривались уже не какъ особый аграрный порядокъ бывшей слободской козачьей жизни, а какъ результатъ какихъ-то злоупотребленій и обхода закона, и что въ судьбѣ старозаимочныхъ дачъ боролись два противуположныя направленія: сверху положительное стремленіе обращать эти дачи въ общинное владѣніе, а снизу пассивное сопротивленіе личнаго начала собственности, которое однако скоро нашло себѣ новаго энергичнаго противника въ безземельной части населенія старозаимочныхъ дачъ.

Во всѣхъ официальныхъ мѣропріятіяхъ конца прошлаго и почти всей первой половины текущаго столѣтія, въ примѣненіи къ крестьянскому землевладѣнію, мы видимъ съ одной стороны стремленіе власти обратить личное участковое владѣніе въ общинное, съ другой глухую оппозицію и зараждающіяся въ крестьянской массѣ странныя аграрныя воззрѣнія и толки, переходящія потомъ въ упорную вѣру

---

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 67—88.

въ имѣющій наступить нѣкогда общій передѣлъ земель, и всѣ они находятся въ тѣсной преемственной связи съ печальными недоразумѣніями въ бывшей практикѣ нашей администраціи. Простой и ясный по первоначальному происхожденію вопросъ не разрѣшается, но все болѣе осложняется и запутывается и вмѣсто личнаго наслѣдственнаго историческаго землевладѣнія выступаетъ и всею силою власти поддерживается государственный соціализмъ, самымъ дружескимъ образомъ уживающійся съ массой громадныхъ пожалованій обширныхъ населенныхъ имѣній, не исключая порой и цѣлыхъ городовъ. Основная его цѣль заключается въ томъ, дабы въ старозаимочныхъ дачахъ, по мѣткому выраженію харьковскаго вицегубернатора, каждый обыватель, а послѣ крестьянинъ, получилъ себѣ „довлѣемый участокъ", для неукоснительнаго выполненія своей земной миссіи—„быть исправнымъ къ платежу государственныхъ податей и общественныхъ повинностей". Цѣль эта могла быть достигнута двумя способами: или принятіемъ какихъ-либо особенно быстрыхъ и чрезвычайныхъ мѣръ межеванія, при чрезвычайно усиленномъ составѣ межевыхъ чиновъ и на основаніи спеціально соображенныхъ со всѣми мѣстными условіями инструкцій, или-же предоставленіемъ дѣла на произволъ грубаго насилія дѣйствительнаго или мнимаго большинства самыхъ крестьянъ того или другаго сельскаго общества. Это дѣйствительное или мнимое большинство могло уже само совершить простое насиліе надъ всякимъ мелкимъ личнымъ владѣніемъ, не стѣсняя себя, конечно, ни въ чемъ—ни исторіей, ни документами. Многія мелкія, разбросанныя данныя изъ смутной судьбы старозаимочныхъ земель харьковской губерніи приводятъ насъ къ мысли, что въ дѣлѣ снабженія каждаго изъ крестьянъ „довлѣемымъ участкомъ", или обращенія личнаго старозаимочнаго владѣнія въ общинное, имѣли мѣсто оба указанные способа. Правда, межевыя средства наши всегда были скудны; особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ для распредѣленія земель въ старозаимочныхъ дачахъ харьковской губерніи долгое время не предпринималось, а переходъ личнаго владѣнія въ общинное путемъ только однихъ канцелярскихъ предписаній начальства имѣлъ на своемъ пути тѣ почти неодолимыя преграды, которыя представляло внутреннее положеніе старозаимочныхъ дачъ. На примѣрѣ ахтырской дачи мы видѣли, какая чрезвычайная перепутанность земельныхъ владѣній лицъ различныхъ сословій, одного

и того-же класса и даже однихъ и тѣхъ-же лицъ. Между тѣмъ по господствовавшимъ административнымъ воззрѣніямъ, особенно со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, крестьянскія земли считались казенно-общественною землею и правовое положеніе крестьянскаго землевладѣнія было совершенно иное, чѣмъ положеніе почти такого-же мелкаго землевладѣнія лицъ другихъ сословій. Участки этихъ послѣднихъ все таки считались за ними, по крайней мѣрѣ *de jure*, на правѣ полной собственности; но на дѣлѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе не рѣдкой бездокументальности или неопредѣленности самыхъ этихъ участковъ, происходило частое взаимное нарушеніе границъ, дѣйствительное внутреннее положеніе дачи, можетъ быть, никогда не было извѣстно начальству, и владѣніе другихъ сословій не рѣдко раздѣляло судьбу крестьянскаго землевладѣнія: особенно земли злополучныхъ мѣщанъ и цеховыхъ подвергаемы были въ позднѣйшее время со стороны вѣдомства государственныхъ крестьянъ почти сплошной, такъ сказать, конфискаціи все въ пользу земельнаго фонда одного только крестьянскаго сословія, который въ свою очередь не оставался неприкосновеннымъ, но путемъ захвата со стороны лицъ другихъ сословій также уменьшался въ своихъ размѣрахъ, какъ увеличивался произвольными прирѣзками со стороны власти административной. Словомъ: въ фактическомъ землевладѣніи б. Слобожанщины водворился такой-же хаосъ, какъ и въ пониманіи правоваго положенія онаго. Это обстоятельство, въ связи съ невыгодами для всѣхъ сословій господствовавшей черезполосности землевладѣнія, и возникавшія частыя тяжбы и споры изъ-за нарушенія земельныхъ границъ привели наконецъ къ такъ называемому *полюбовному размежеванію*, которое, казалось, путемъ личныхъ разъясненій, соглашеній и уступокъ одно въ силахъ было упорядочить потрясенное различными мѣропріятіями землевладѣніе. На самомъ дѣлѣ оно внесло лишь новую путаницу въ мѣстный аграрный вопросъ, произвело новыя правонарушенія и представляетъ собою новый шагъ къ превращенію личнаго участково-наслѣдственнаго землевладѣнія въ общинное. Мы не коснемся исторіи и вообще подробностей этого размежеванія, но предложимъ лишь общую характеристику онаго, насколько то нужно для подтвержденія высказанной нами сейчасъ мысли.

Возникло оно въ 40-хъ годахъ, было примѣнено къ ахтырской дачѣ, практиковалось во многихъ другихъ уѣздахъ. Въ основѣ его лежало неправильно понятое подлежащей властію юридическое основаніе крестьянскаго землевладѣнія. Въ ахтырской дачѣ вся крестьянская земля была показана на планшетахъ одной общей массой сѣрой краски, какъ общинное владѣніе, и на огромномъ планѣ ахтырской дачи пестрѣли особыми пятнами только черезполосности лицъ другихъ, главнымъ образомъ, высшихъ сословій. Такимъ образомъ официально была установлена основная юридическая рознь землевладѣнія низшаго класса, собственно крестьянъ-землевладѣльцевъ, и остальныхъ сословій: личное, участково-наслѣдственное крестьянское землевладѣніе было совершенно игнорировано. Но что легко было начертить на межевомъ планѣ, то не легко было измѣнить на дѣлѣ, фактическое положеніе котораго противупоставляло неодолимыя преграды хитро придуманной теоріи. Сельско-хозяйственные интересы классовъ привиллегированныхъ и крестьянства были существенно различны между собой. Самое дѣло такъ называемаго *спеціальнаго полюбовнаго размежеванія* дачи было не только безразлично для крестьянскихъ интересовъ, но даже скорѣе было для нихъ вредно. Объ этомъ размежеваніи главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ всегда хлопотали землевладѣльцы высшихъ сословій и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые, скопивъ въ своихъ рукахъ нѣсколько десятковъ десятинъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ обширной дачи, имѣли естественный интересъ соединить всѣ эти мелкія черезполосности въ одинъ общій кусокъ, который далъ-бы имъ возможность хоть сколько нибудь установить самостоятельное хозяйство, а не принудительную почти сдачу земли крестьянамъ на условіяхъ такъ называемой *скіпщины*. Крестьянамъ-же это полюбовное размежеваніе уже потому не могло быть полезнымъ, что оно, во 1-хъ, лишало ихъ цѣлой массы земель, которыя изъ году въ годъ состояли въ ихъ пользованіи изъ-за скіпщины, такъ какъ съ уничтоженіемъ черезполосностей землевладѣльцы другихъ сословій сами могли завести свои хуторскія хозяйства, или-же отдавали-бы свои земли уже въ денежную аренду болѣе крупнымъ предпринимателямъ, и, во 2-хъ, образованіе самостоятельныхъ хозяйствъ лицами другихъ сословій неизбѣжно умалило-бы пространство крестьянскихъ выгоновъ, ибо

толока во всѣхъ трехъ „рукахъ“ уменьшилась-бы, можетъ быть, на нѣсколько тысячъ десятинъ земли. Наконецъ дѣло полюбовнаго размежеванія въ томъ видѣ, какъ оно было начато и ведено, никогда и не могло придти къ благополучному исходу безъ предварительнаго, хотя-бы насильственнаго, но фактическаго обращенія всего мелкаго участково-наслѣдственнаго крестьянскаго владѣнія въ общинное пользованіе всего общества. Сущность этого заколдованнаго круга, въ который попало полюбовное размежеваніе старозаимочныхъ дачъ, фактически сохранившихъ участково-наслѣдственное землевладѣніе, заключалась въ слѣдующемъ. Въ ахтырской, напримѣръ, дачѣ, сколько помнится, и теперь находится до 5,000 десятинъ черезполосностей другихъ сословій, главнымъ образомъ купцовъ, дворянъ и духовенства. Эти 5,000 десятинъ, находясь въ настоящее время, можетъ быть, въ нѣсколькихъ стахъ и даже тысячахъ участковъ, разбросанныхъ по всей дачѣ, по проэкту полюбовнаго размежеванія должны были слиться въ нѣсколько десятковъ участковъ, уже только по числу самихъ владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый обыкновенно выбиралъ найбольшій участокъ своихъ черезполосностей и къ нему старался прирѣзать такое количество смежной крестьянской земли, которое равнялось-бы остальнымъ его черезполоснымъ нивкамъ. Но на этой, проэктированной къ прирѣзкѣ, крестьянской землѣ жили нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ, которые владѣли отрѣзываемыми участками по праву наслѣдственному и въ нихъ имѣли единственный источникъ пропитанія. Спрашивается: кого-же именно изъ крестьянъ должна согнать съ наслѣдственныхъ мѣстъ эта прирѣзка и гдѣ согнанные крестьяне должны въ обмѣнъ за свои теряемые участки получить соотвѣтствующія части земли? Ничего этого не разъясняло дѣло о полюбовномъ размежеваніи и никакихъ для этого данныхъ не было ни въ планшетахъ, ни въ проэктѣ полюбовной сказки, такъ какъ самый проэктъ былъ построенъ на признаніи всего землевладѣнія крестьянъ общиннымъ, а земель ихъ казенно-общественными. Такимъ образомъ въ основѣ самаго проэкта лежала глубокая фальшь, непримиримое противорѣчіе, полная несостоятельность, и никогда задуманное размежеваніе не могло быть полюбовнымъ; но если-бы хотя принудительно довести оное до конца, то, съ одной стороны, явились-бы внушительныя массы насильственно обезземеленныхъ

крестьянъ, съ другой—отрѣзываемая въ общій фондъ крестьянскихъ земель масса черезполосностей другихъ сословій, хотя-бы и соотвѣтствовала общему количеству отходившихъ отъ крестьянъ земель, въ дѣйствительности-же какъ-бы выбрасывалась на дорогу, безъ малѣйшаго распорядка, кому изъ обезземеленныхъ крестьянъ, гдѣ и сколько можно получить себѣ земли изъ этихъ поступившихъ въ пользу ихъ сословія черезполосностей. Понятно, что такое полюбовное размежеваніе оставило-бы безъ куска хлѣба можетъ быть цѣлую четверть населенія ахтырскаго крестьянскаго общества и могло-бы, подъ вліяніемъ голода и нужды, вызвать самыя серьезныя замѣшательства... А между тѣмъ такія безнадежныя межевыя дѣла велись по разнымъ старозаимочнымъ дачамъ харьковской губерніи многіе, многіе годы... И все это должна была глубокомысленно вѣдать посредническая коммисія, а оплачивать самое межеваніе деньгами и натурой должны были тѣ, кому вообще оплачивать надлежитъ... Неудивительно, что эти гордіевы узлы разрубливались иногда уже не закономъ, а просто руками крестьянъ, которые подъ гнетомъ давившихъ ихъ недоразумѣній сами обращали свои участковыя дачи въ общинныя [1]).

Но и это еще не все. Злополучный проэктъ полюбовнаго размежеванія касался тѣхъ изъ мѣщанъ и цеховыхъ, за которыми остались ихъ земли. Нерѣдко они не могли уже доказать своихъ наслѣдственныхъ правъ на владѣемую ими землю, но и въ общинномъ крестьянскомъ пользованіи принять участія не могли, не теряя своего званія; званіе же ихъ было таково, что лѣтомъ они были

---

[1]) Такъ, намъ извѣстна одна старозаимочная дача слободы Котельвы, которая, не смотря на всѣ фискально-административныя мѣропріятія, сохранила свое участково-наслѣдственное устройство почти до 70 годовъ, а лѣтъ семь тому назадъ, именно подъ вліяніемъ принудительныхъ мѣръ якобы полюбовнаго размежеванія, по-неволѣ должна была обратиться къ общинному владѣнію и раздѣлиться на души, при чемъ дѣлежъ былъ произведенъ на «живыя души». Такое вліяніе полюбовнаго размежеванія объясняется давленіемъ солидарнаго интереса высшихъ сословій и значительныхъ личныхъ собственниковъ—размежеваться во что-бы-то ни стало, а отрѣзъ у крестьянъ земли къ частнымъ владѣльцамъ, при условіяхъ, объясненныхъ нами выше, порождалъ въ крестьянскомъ обществѣ новую массу безземельныхъ членовъ, которая, вмѣстѣ съ прежними безземельными, уже составила подавляющее большинство, потребовавшее уравнительнаго раздѣла земли.

земледѣльцы, а зимой городскіе ремесленники, и въ дѣйствительности трудно было причислить ихъ къ тому или другому сословію. Самыя средства обыкновеннаго межеванія были таковы, что объ нихъ разбивались всѣ усилія сторонниковъ этого quasi полюбовнаго размежеванія. Представьте себѣ, что въ дачу такого сложнаго юридическаго характера и сельско-хозяйственнаго порядка, какъ ахтырская, являлся одинъ землемѣръ на лѣтнее время; этому землемѣру обыкновенно не доставало пустяка: сколько-нибудь удовлетворительнаго знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла въ этой дачѣ, съ рознію юридическихъ основъ и противорѣчіемъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ различныхъ сословій и при всемъ этомъ онъ долженъ непремѣнно соблюсти 551 ст. X т., ч. I, ст. 802 и прим. 778 ст. X т., ч. III, т. е. достигнуть общаго соглашенія всѣхъ совладѣльцевъ межуемой дачи. Понятно, что его дѣло само по себѣ, въ большинствѣ случаевъ, должно было сказаться крайней иллюзіей (см. еще 774 ст. X т., ч. III).

Наконецъ, и это едвали не самое главное, въ проэктѣ полюбовнаго размежеванія совершенно упускался изъ виду промежутокъ времени, въ теченіи котораго долженъ былъ совершиться такой радикальный переворотъ, какъ переходъ индивидуальнаго владѣнія въ общинное въ такой напримѣръ дачѣ, какъ ахтырская, имѣвшая почти 25 тысячъ десятинъ. Вѣдь почти все крестьянское населеніе изъ году въ годъ жило въ этой дачѣ исключительно земледѣльческимъ промысломъ; этотъ-же промыселъ, какъ извѣстно, почти не допускаетъ никакихъ перерывовъ, а тѣмъ болѣе при трехпольной системѣ хозяйства. Только толочная рука (клинъ, т. е. $^1/_3$ всего количества земли) ежегодно бываетъ свободна нѣсколько мѣсяцевъ, но и въ это время она идетъ подъ выпасъ скота, а съ половины лѣта уже обыкновенно распахивается подъ озимый хлѣбъ; поэтому дѣлежъ дачи на „довлѣемые участки“, если бы онъ оказался невозможенъ въ одну осень (по обширности дачи и массѣ крестьянскаго населенія, можетъ, никогда не знавшаго пріемовъ и техники мірскаго дѣлежа), долженъ бы былъ распредѣлиться на три года, для ежегоднаго дѣлежа осенью толочнаго поля, и такимъ образомъ всѣ три „руки“ пошли-бы въ подѣлъ.

Мы уже совершенно обходимъ другія, не менѣе темныя стороны этого вопроса, напр. что, по мѣстнымъ условіямъ, пришлось-

бы признать за единицу дѣлителя: число-ли ревизскихъ, или живыхъ душъ, дворовъ или рабочихъ рукъ? Всѣ эти вопросы и ихъ подраздѣленія врядъ-ли практически знакомы населенію, привыкшему къ старозаимочному участковому владѣнію землей, со всѣми выгодами и невыгодами этого владѣнія, а умозрительное канцелярское рѣшеніе этихъ вопросовъ „въ одну весну" могло-бы вызвать такой катаклизмъ въ матеріальномъ существованіи цѣлой массы земледѣльческаго населенія, предъ которымъ отступили-бы и самые смѣлые сторонники идеала „довлѣемаго участка", при остальномъ statu quo нашего положенія.—Таковы въ общихъ чертахъ были сложныя причины, благодаря которымъ ахтырская старозаимочная дача, не смотря на весь гнетъ офиціальнаго давленія и даже страдая почти полной неопредѣленностію игнорируемыхъ закономъ внутреннихъ отношеній, была и осталась волей-неволей дачей участково-наслѣдственнаго владѣнія.

Вообще можно сказать, что начавшееся, спеціальное полюбовное размежеваніе во многихъ уѣздахъ харьковской губерніи вносило только новую безплодную путаницу и трату силъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно имѣло дѣло съ старозаимочными дачами, еще не обращенными въ общинное владѣніе.

---

9) Сословные споры за земли и эпоха усиленнаго отыскиванія казенныхъ земель.

Путаница въ аграрныхъ отношеніяхъ и понятіяхъ въ населеніи б. Слобожанщины началась, конечно, гораздо раньше опытовъ полюбовнаго размежеванія,—послѣднее только усилило ее,—была-же она, какъ мы уже видѣли, непосредственнымъ послѣдствіемъ примѣненія къ мѣстности слободскихъ полковъ общинныхъ земельныхъ порядковъ путемъ нѣкоторыхъ общихъ законодательныхъ мѣръ прошлаго столѣтія и еще болѣе мѣстныхъ административныхъ мѣропріятій, устанавливавшихъ новые общественные порядки и частнѣе порядокъ землевладѣнія. Ближайшимъ, наглядымъ представителемъ порядка общиннаго была великорусская, вольная и правительственная, колонизація въ сѣверной части бывшей слободской-украинской

губерніи. Многія изъ великорусскихъ колоній явились уже въ царствованіе Екатерины II, поселяемы были, быть можетъ, не безъ задней мысли обрусѣнія края, нерѣдко въ сосѣдствѣ съ украинскими или малорусскими поселеніями и получали даже ихъ имя, откуда такіе двойники, какъ Русская Лозовая и Черкасская-Лозовая, Русскіе Тишки и Черкасскіе Тишки, Русская Лопань и Черкасская или Козачья Лопань и другія. Этотъ живой, столь близкій примѣръ, не примѣтно для сознанія мѣстнаго кореннаго населенія, какъ-бы помогалъ ему свыкаться съ новымъ положеніемъ дѣла и все болѣе и болѣе затемнять въ себѣ понятіе о правѣ вообще и самостоятельномъ характерѣ личнаго поземельнаго владѣнія въ частности. Помимо этого, обывательское сословіе, переименованное послѣ въ крестьянъ, все болѣе и болѣе было замыкаемо въ какую-то невѣдомую остальному міру касту людей, подъ исключительной административной опекой: въ касту имѣлъ право входа только одинъ чиновникъ, и сама каста также никого, кромѣ чиновника, не знала и поэтому издавна привыкала считать закономъ только слово чиновника, своего то милостиваго, то грознаго опекуна. Такова была въ общихъ чертахъ нравственная почва, на которой уже издавна сталъ развиваться глухой аграрный антагонизмъ крестьянъ противъ другихъ сословій вообще и въ своей собственной средѣ въ частности. Дальнѣйшія событія только еще болѣе усилили эту взаимную рознь и взаимное озлобленіе. Многими замѣчаемое въ наше время острое положеніе аграрнаго вопроса въ умахъ крестьянъ имѣетъ свое объясненіе не въ одномъ только бѣдственномъ матеріальномъ ихъ положеніи, но и въ той нравственной школѣ, которую они прошли и въ которой они могли видѣть только хаосъ, насиліе и крайнюю нецеремонность обращенія даже съ самыми несомнѣнными исконными правами поземельной собственности. Еще будущее рѣшитъ, когда именно болѣе всего разшатывались такъ называемыя въ позднѣйшее время „основы“: тогда-ли, какъ еще самое это слово никому не было вѣдомо и никому ни о чемъ и знать не полагалось, или-же, когда это слово стало появляться въ книгахъ, которыя были и остались невѣдомы массамъ темнаго крестьянства.

Любопытнымъ и поучительнымъ проявленіемъ зародившагося на почвѣ аграрной сословнаго антагонизма въ населеніи б. Слобо-

жанщины служатъ такъ называемыя „вотчинныя дѣла“. Съ начала 30-хъ годовъ возникаетъ такое дѣло по ахтырской дачѣ на цѣлые десятки лѣтъ. Споръ идетъ почти о 3000 десятинъ земли, „оспариваемыхъ ахтырскимъ обществомъ государственныхъ крестьянъ изъ владѣнія ахтырскихъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ“. Подобныя-же „дѣла“ возникли почти одновременно, и также на десятки лѣтъ, во всѣхъ уѣздахъ слободско-украинской губерніи. Разростанію этихъ дѣлъ значительно благопріятствовало возникшее съ 1837 года вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ; это „попечительное учрежденіе“ надъ государственными крестьянами, безъ всякаго различія ихъ происхожденія по тѣмъ или другимъ областнымъ особенностямъ, уже самымъ фактомъ принятія въ свое вѣдѣніе всѣхъ крестьянскихъ старозаимочныхъ земель харьковской губерніи прямо выразило ту мысль, что земли эти въ глазахъ его входятъ всецѣло въ общую массу земель казенныхъ или, употребляя болѣе обычный терминъ, земель казенно-общественныхъ. „Вотчинныя“ дѣла на заголовкахъ своихъ имѣли обыкновенно истцами крестьянскія общества, но для всѣхъ сколько-нибудь знакомыхъ съ особенностями составленія приговоровъ сельскихъ сходовъ понятно, что тутъ не маловажную роль играли окружные начальники, бывшіе, какъ извѣстно, уѣздными органами министерства государств. имуществъ. Только благодаря поддержкѣ органовъ новоявленнаго министерства и могли тянуться десятки лѣтъ дѣла, которыя заключали въ себѣ несомнѣнное внутреннее противорѣчіе: ибо если старозаимочныя земли принадлежали въ собственность ихъ владѣльцамъ, то переходъ этихъ владѣльцевъ въ другія сословія никоимъ образомъ не могъ вліять на ихъ поземельныя права и въ такомъ случаѣ „обществу казенныхъ кростьянъ“ не было ни малѣйшаго основанія тягаться съ лицами, вышедшими изъ ихъ среды въ другія сословія, за владѣніе этими землями, вслѣдствіе покупки или наслѣдства отъ предковъ; если-же эти земли считать „казенными“, то государственные крестьяне всѣхъ старозаимочныхъ дачъ не имѣли никакого права считать эти земли своею собственностію и противиться равномѣрному раздѣлу ихъ на души, что однако-же по ахтырской и нѣкоторымъ другимъ старозаимочнымъ дачамъ имѣло мѣсто и до послѣдняго времени. Выходитъ, что это логическое противорѣчіе развѣ только въ извѣстной степени могло быть постав-

лено на счетъ самыхъ „обществъ“, и что дѣйствія въ семъ случаѣ окружныхъ начальниковъ отъ имени и именемъ „крестьянскихъ обществъ“ были сами по себѣ, а воззрѣнія и интересы этихъ обществъ также сами по себѣ.

Фактическая сторона „вотчиннаго дѣла“ въ ахтырской дачѣ была слѣдующая: еще въ 1830 году нѣсколько мѣщанъ и цеховыхъ г. Ахтырки (около 20 человѣкъ) въ прошеніи своемъ, поданномъ слободско-украинскому гражданскому губернатору, а отъ него препровожденномъ въ мѣстную казенную палату, жаловались, что, владѣя своими землями безпрепятственно до 1830 года, „съ отбытіемъ всѣхъ повинностей“, они, просители, и послѣ причисленія своего въ общество мѣщанъ и цеховыхъ, имѣли тѣ земли (покупкою, или по наслѣдству) въ безспорномъ своемъ владѣніи; но въ послѣднее время ахтырское обывательское общество, при раздѣлѣ между собою земли подушно (раздѣла на самомъ дѣлѣ не было, но было, значитъ, настойчивое требованіе начальства) включаетъ въ раздѣлъ принадлежащую имъ, просителямъ, землю, всю безъ остатка, какъ ихъ, просителей, такъ и другихъ мѣщанъ и цеховыхъ города Ахтырки. Къ этому ходатайству первыхъ просителей примкнули черезъ два года еще около 60 мѣщанъ и цеховыхъ и совмѣстно просили подлежащія власти „воспретить ахтырскому обывательскому обществу отбирать у нихъ земли“ для душеваго раздѣла. Но пока подоспѣло ходатайство остальныхъ мѣщанъ и цеховыхъ, въ отвѣтъ на прошеніе первыхъ просителей уже состоялась скорая резолюція мѣстной казенной палаты; резолюціей этой предписывалось ахтырскому уѣздному суду и волостному правленію: „какъ мѣщане и цеховые на владѣніе землями никакихъ документовъ не представили и вѣроятно находящаяся во владѣніи ихъ земля, прежде доставшаяся предкамъ просителей на души въ быту поселянскомъ, при переводѣ ихъ въ званіе мѣщанъ и цеховыхъ ими удержана въ своемъ владѣніи, то всю сію землю отъ нихъ, мѣщанъ и цеховыхъ, отобравъ, предоставить въ раздѣлъ на души ахтырскому обывательскому обществу“. Палата, какъ видно, была увѣрена, что подѣлъ на душу существовалъ, такъ сказать, испоконъ вѣка; она не предполагала другаго порядка землевладѣнія, кромѣ существовавшаго на ея глазахъ и показываемаго ближайшими справками, а потому постановила, такъ сказать, принципіально „поворотить земли

просителей въ общій раздѣлъ между ахтырскими обывателями, предоставляя, буде изъ нихъ кто либо пожелаетъ поступить по прежнему въ званіе обывателей, просить о томъ оную палату установленнымъ порядкомъ, съ тѣмъ, что таковой можетъ быть соразмѣрно его душамъ надѣленъ землею изъ означенной дачи; а безъ того помянутые просители, по присвоенному имъ званію, должны довольствоваться не отъ пашни, а отъ торговли и промысловъ",—точь-въ-точь какъ слѣдовало по 19 главѣ межевой инструкціи 1766 г., гдѣ прямо сказано, что „перешедшимъ въ мѣщанство и купечество земель въ однодворческой дачѣ не нарѣзывать". Тогда просители, видя, что старозаимочнымъ землямъ не сказывается уже никакого уваженія, рѣшились, какъ видно, сбить палату съ ея позиціи: заявивъ, что земля ихъ не „есть старозаимочная, а пріобрѣтена покупками предками ихъ и собственно ими у разныхъ лицъ и владѣльцевъ въ разныя времена, на что имѣются акты", просили разсмотрѣть бумаги судебнымъ порядкомъ. Казенная палата передала все дѣло съ различными справками на разрѣшеніе въ ахтырскій уѣздный судъ. Это было въ 1832 году. Мѣстная полиція доставила всѣ формальные и партикулярные акты просителей на владѣніе ихъ землями: тутъ была и масса купчихъ крѣпостей и партикулярныхъ „уступныхъ писемъ", и даже просто замѣтокъ изъ вѣдомостей о владѣемыхъ изъдавна земляхъ. Дѣло однако не двигалось. Въ 1834 г., спустя около двухъ лѣтъ, въ дополненіе къ прежнимъ документамъ ахтырскій городничій прислалъ въ ахтырскій уѣздный судъ рапо́ртъ ахтырскаго „городскаго старосты", а въ рапортѣ этомъ было объяснено, что „болѣе выписанныхъ (т. е. сверхъ представленныхъ) документовъ у мѣщанъ и цеховыхъ г. Ахтырки не имѣется, а хотя-бы и были таковые, то во время бывшаго въ 1790 г. въ г. Ахтыркѣ пожара погорѣли; земли-же у мѣщанъ и цеховыхъ во владѣніи находящіяся, которые, ему, старостѣ, отозвались, что та земля есть старозаимочная, досталась предкамъ ихъ до запретительныхъ указовъ и сіи предки происходили изъ козачьяго званія, на занятіе земель имѣли право, и оная земля досталась нынѣшнимъ владѣльцамъ ея по наслѣдству, переходомъ изъ рода въ родъ; владѣютъ-же они сею землею нѣсколько десятковъ лѣтъ". Городничій съ своей стороны добавилъ, что „по произведенному имъ розысканію все изложенное въ рапортѣ городскаго старосты ока-

залось справедливо. Послѣ многолѣтней переписки и всяческихъ справокъ, въ 1838 г. состоялось наконецъ рѣшеніе уѣзднаго суда, но только въ пользу тѣхъ мѣщанъ, которые имѣли формальные акты. Дѣло пошло на ревизію въ гражданскую палату, но откуда, по несоблюденію разныхъ формальностей, опять возвращено въ уѣздный судъ. На этотъ разъ со стороны „казенныхъ крестьянъ“ принялъ энергическое участіе ихъ окружной начальникъ; должность эта часто занималась отставными военными, нерѣдко людьми пришлыми издалека. Второе рѣшеніе уѣзднаго суда состоялось спустя пять лѣтъ, именно въ 1843 г.; земли были признаны собственностію тѣхъ просителей, у которыхъ были не только формальные, но даже партикулярные документы. Достоинъ особаго вниманія тотъ изъ мотивовъ рѣшенія уѣзднаго суда, что и „со стороны крестьянскаго общества (вѣрнѣе со стороны тогдашняго окружнаго управленія государственныхъ имуществъ) никакихъ доказательствъ не предъявлено, а спорные земли оспариваются лишь по одному состоянію въ генеральномъ планѣ, опредѣляющемъ границы всей земельной дачи сего города (Ахтырки)“. Судъ смутно догадывался, а попечительное надъ „казенными крестьянами“ вѣдомство и совсѣмъ изъ виду упустило, что этотъ генеральный планъ именно и опредѣлилъ внѣшнія границы земель бывшихъ войсковыхъ обывателей, въ послѣднее время „казенныхъ крестьянъ“, т. е. опредѣлилъ границы старозаимочной, а отнюдь не казенной земли.

Но хроническая пертурбація мѣстнаго поземельнаго владѣнія не остановилась на этомъ моментѣ: дѣло, какъ водится, опять перешло въ гражданскую палату и опять начались различныя тяжебныя мытарства: несправедливыя притязанія однихъ, житье вѣрой и и надеждой для другихъ, проѣсти, волокиты и т. д. Ревностный по долгу службы окружной начальникъ еще разъ объяснилъ, что „онъ доказательствъ въ зищиту казны, кромѣ плана и межевыхъ книгъ, не имѣетъ“, а этотъ генеральный планъ и межевыя книги 1769 г. именно и выданы были на старозаимочную дачу войсковыхъ обывателей г. Ахтырки; состоявшееся въ 1859 г. важное по своему содержанію, но не по практическимъ результатамъ, мнѣніе государственнаго совѣта о старозаимочныхъ земляхъ не повліяло на ходъ ахтырской тяжбы. Дѣло о ней было опять передано въ уѣздный судъ и опять перешло въ гражданскую палату, и разрѣшилось

здѣсь уже почти на канунѣ введенія судебной реформы въ 1866 г. Рѣшеніе состоялось весьма близкое къ первому рѣшенію уѣзднаго суда; но опять таки и это было еще не послѣднее слово хронической тяжбы. До времени этого рѣшенія протекло 36 лѣтъ, и теперь, конечно, уже не учесть, сколько это административное недоразумѣніе повлекло за собой траты времени, силъ и всяческихъ средствъ для управлявшихъ и особенно для управляемыхъ, и на сколько попятно пошла матеріальная и нравственная сторона жизни мѣстнаго населенія, для котораго не могло не быть очевиднымъ, въ какомъ непримиримомъ антагонизмѣ были между собою съ одной стороны писаный законъ, а еще, можетъ быть, болѣе его произвольное толкованіе и примѣненіе, съ другой — исконный, традиціонный правовой бытъ.—Совершенно однородныя тяжбы начались и длились многіе десятки лѣтъ по всѣмъ уѣздамъ харьковской губерніи и, можно полагать, съ такими-же результатами, какъ и въ дачѣ ахтырской.

Авторъ одной, неизвѣстной публикѣ, книги, вышедшей, кажется, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, безъ означенія года и мѣста изданія, подъ заглавіемъ: „Судебно-статистическія свѣдѣнія по харьковской губерніи", даетъ намъ крайне любопытныя и чрезвычайно важныя свѣдѣнія относительно юридическаго положенія и вообще офиціальной судьбы старозаимочнаго землевладѣнія въ харьковской губерніи. Онъ имѣлъ, какъ видно, офиціальное порученіе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ харьковской губерніи наканунѣ судебной реформы и, при разсмотрѣніи старыхъ нерѣшенныхъ дѣлъ въ изюмскомъ уѣздномъ судѣ, наткнулся на производящееся съ 1838 года дѣло о казенныхъ земляхъ харьковской губерніи, находящихся во владѣніи частныхъ лицъ. Справки показали, что подобное дѣло производится съ 1838 г. во всѣхъ уѣздныхъ судахъ харьковской губерніи. Поводомъ къ возбужденію этихъ дѣлъ, по собраннымъ авторомъ свѣдѣніямъ, было слѣдующее обстоятельство:

Ревизовавшій въ 1831 г. харьковскую губернію сенаторъ (Мечниковъ), въ отношеніи своемъ къ министру финансовъ, замѣтилъ, что нѣкоторые изъ казенныхъ поселянъ, записавшись въ купцы, мѣщане и цеховые, продали свои участки разнымъ людямъ и эти проданныя ими земли стали переходить въ дальнѣйшія руки. Вслѣдствіе этого правительствующій сенатъ, указомъ своимъ 1835 г.,

5 марта, предписалъ харьковскому губернскому правленію поручить, кому слѣдуетъ, произвесть „тончайшія о семъ изслѣдованія“ и результаты предоставить разсмотрѣнію подлежащаго суда. Въ силу этого указа мѣстное губернское правленіе поручило губернскому уголовныхъ дѣлъ стряпчему произвести „тончайшія изслѣдованія по каждому городу харьковской губерніи съ уѣздомъ отдѣльно“ и о результатахъ донести губернскому правленію.

Такъ началось повсемѣстное въ губерніи „розысканіе“ казенныхъ земель, причемъ главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ и основаніемъ для этихъ розысканій служили объясненія и отвѣты волостныхъ правленій. Получивши наконецъ эти „розысканія“, губернское правленіе при своихъ указахъ въ 1838 г. разослало ихъ почти во всѣ уѣздные суды харьковской губерніи, для разсмотрѣнія ихъ съ магистратомъ и ратушей и для „постановленія по нимъ законнаго опредѣленія“.

Авторъ „Судебно-статистическихъ свѣдѣній по харьковской губерніи“, составляя, повидимому, свою книгу наканунѣ судебной реформы, т. е. въ половинѣ 60-хъ годовъ, говоритъ, между прочимъ, что „дѣло“ это, т. е. о розысканіяхъ, „возникшее назадъ тому 33 года и переданное еще въ 36—38 году на обсужденіе всѣхъ уѣздныхъ судовъ харьковской губерніи, до сихъ поръ ни по одному еще уѣзду не рѣшено окончательно“, но тѣмъ не менѣе приводимая авторомъ судьба этого „дѣла“, по каждому уѣзду отдѣльно, не лишена своего печальнаго интереса. Мы приведемъ почти дословныя извлеченія изъ названной нами книги только по двумъ-тремъ уѣздамъ харьковской губерніи.

1) По изюмскому уѣздному суду: „дѣло это было рѣшено въ 1840 г. тѣмъ, чтобы по непредставленію со стороны казны доказательствъ на спорныя земли оставить ихъ во владѣніи частныхъ лицъ; но харьковская гражданская палата, признавая приведенныя уѣзднымъ судомъ основанія „пустымъ размышленіемъ“ и находя, что самъ уѣздный судъ обязанъ отыскивать доказательства правъ казны на спорныя земли, возвратила дѣло въ уѣздный судъ для новаго рѣшенія. Съ того времени дѣло это остается въ уѣздномъ судѣ не рѣшеннымъ. Производство по этому дѣлу заключаетъ въ себѣ до 2000 листовъ. Примѣчаніе: справка эта показываетъ затруднительное и, можно сказать, даже безвыходное положеніе уѣзд-

ныхъ судовъ по этому дѣлу: гражданская палата требуетъ, чтобы судъ отыскивалъ по гражданскому дѣлу доказательства, которыхъ самъ истецъ не могъ представить; въ исполненіе этого требованія судъ по гражданскому дѣлу назначаетъ слѣдствіе, которое состоитъ только въ томъ, что отъ частныхъ лицъ отбираются документы на принадлежащія имъ земли и такимъ образомъ по производству дѣла въ судахъ права частныхъ лицъ усиливаются, а права казны ослабляются, а между тѣмъ судъ знаетъ, что если дѣло будетъ рѣшено въ пользу частныхъ лицъ, то палата непремѣнно возвратитъ его въ судъ для новаго рѣшенія". Это по истинѣ безвыходное положеніе!

2) „Справка по сумскому уѣздному суду... показываетъ, во 1-хъ, что сумскій уѣздный судъ, признавая невозможность исполненія задачи, данной губернскимъ правленіемъ, возложилъ исполненіе ея на земскій судъ, отчего исполненіе ея конечно не облегчилось, и, во 2-хъ, что наблюденія за этимъ дѣломъ со стороны харьковской палаты государственныхъ имуществъ не было, такъ какъ дѣло это сгорѣло 25 лѣтъ тому назадъ, 23 августа 1839 года, и никто о немъ не вспомнилъ".

3) „Справка по лебединскому уѣзду. Къ этому дѣлу, въ коемъ участвуетъ 913 человѣкъ, истребовано много документовъ прошедшихъ столѣтій, произведено разслѣдованіе о правахъ владѣнія, но все это смѣшано по разнымъ дачамъ, такъ что безъ особаго формальнаго производства по каждой дачѣ отдѣльно о правахъ владѣнія каждаго лица невозможно приступить къ рѣшенію онаго... Подлинное дѣло заключало въ себѣ 2850 листовъ. Примѣчаніе: изъ справокъ видно, что дѣло это состоитъ въ тѣсной связи съ производствомъ спеціальнаго межеванія по харьковской губерніи, что оно составляетъ одно изъ препятствій къ исполненію этого важнаго предпріятія, что дѣло не можетъ быть разрѣшено безъ участія землемѣра, а землемѣръ весьма справедливо отказался отъ этого участія, такъ какъ дачи, гдѣ обрѣтаются искомыя земли, уже измѣрены межевыми чиновниками по распоряженію харьковской палаты государственныхъ имуществъ и составлены планы съ показаніемъ всѣхъ существующихъ въ дѣйствительномъ владѣніи у частныхъ лицъ земель, и что судъ весьма справедливо полагаетъ прекратить это дѣло, а палата также не безъ основанія предписы-

ваетъ ему продолжать это производство, вредное для казны и пагубное для частныхъ лицъ.

Сопоставляя время начавшихся „тончайшихъ розысканій“ казенныхъ земель по харьковской губерніи съ временемъ начавшихся жалобъ городскихъ сословій на повсемѣстное посягательство на ихъ поземельную собственность со стороны „казенныхъ крестьянъ“, руководимыхъ своими попечительными учрежденіями, не трудно понять истинный источникъ этой поземельной „исторіи“, которая въ свою очередь составляетъ только одинъ изъ частныхъ эпизодовъ болѣе общей „исторіи“ въ томъ-же родѣ — трагической исторіи поземельнаго вопроса въ харьковской губерніи.

Въ заключеніе своего богатаго важнымъ содержаніемъ труда, цитируемый нами авторъ приводитъ слѣдующіе итоги собранному имъ матеріалу:

„Дѣло это (т. е. все таки о „розысканіяхъ“), по разнообразнымъ своимъ особенностямъ, очевидно, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Изслѣдованія, названныя въ указѣ сената 1835 г. „тончайшими“, превратились въ толстѣйшія производства. 33 года они обременяютъ правительство и судебныя мѣста харьковской губерніи, служатъ страшилищемъ для нѣсколькихъ тысячъ частныхъ лицъ, нарушаютъ спокойствіе множества семействъ, поддерживаютъ и усиливаютъ неопредѣленность владѣнія поземельной собственности въ цѣлой губерніи, и хотя самое дѣло называется „сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ“, но въ сущности составляетъ бездонный колодезь казенныхъ расходовъ и слѣдовательно по справедливости можетъ быть названо дѣломъ сопряженнымъ съ казеннымъ ущербомъ. Стоитъ только привести въ извѣстность, сколько было употреблено денегъ на неисчислимыя командировки по этому дѣлу, начиная отъ сенатора Мечникова и губернскаго стряпчаго Броховича до тѣхъ исправниковъ, у которыхъ оно находится теперь въ рукахъ въ худшемъ еще положеніи, чѣмъ было у Броховича въ 1838 году“.

„Для большей ясности надо разсмотрѣть вкратцѣ судьбу этого дѣла во всѣхъ уѣздахъ. Въ изюмскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено еще въ 1840 году, но возвращено изъ харьк. гражданской палаты для новаго рѣшенія“.

„Въ сумскомъ уѣздномъ судѣ оно сгорѣло въ 1839 г. и никто объ немъ не вспомнилъ".

„Въ лебединскомъ оно было прекращено по связи своей съ полюбовнымъ размежеваніемъ, но, по предписанію палаты, вновь возобновлено и ожидаетъ рѣшенія".

„Богодуховскій уѣздный судъ только приступилъ къ разсмотрѣнію этого дѣла и присоединилъ къ нему нѣсколько другихъ дѣлъ".

„Въ волчанскомъ уѣздномъ судѣ оно было прекращено, но возвращено изъ палаты для разсмотрѣнія и рѣшенія; не смотря на это, оно вновь прекращено уѣзднымъ судомъ на основаніи указа прав. сената 21 января 1849 года".

„Въ купянскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено, но возвращено изъ палаты для новаго рѣшенія".

„Въ ахтырскомъ уѣздномъ судѣ оно было рѣшено три раза; два раза возвращалось изъ палаты и теперь ожидаетъ той-же участи".

„Въ старобѣльскомъ уѣздномъ судѣ оно рѣшено въ 1848 г., возвращено изъ палаты по поводу несоблюденія одной формальности, а черезъ 14 лѣтъ вновь представлено въ палату, гдѣ быть можетъ его ожидаетъ таже участь."

„Наконецъ харьковскій уѣздный судъ 4 года тому назадъ приступилъ къ составленію выписки изъ того дѣла, но до сихъ поръ ее не составилъ. Производство по валковскому и зміевскому уѣздамъ просоединено къ производству харьк. уѣзднаго суда".

„Сколько участвующихъ въ этомъ дѣлѣ частныхъ лицъ, это неизвѣстно въ точности. Изъ данныхъ мнѣ справокъ видно только, что по лебединскому уѣзду участвующихъ 913 человѣкъ, а по старобѣльскому 29; изъ этихъ лицъ съ 1838 г. въ теченіи 26 лѣтъ многіе уже умерли, имѣнія ихъ раздробились на болѣе мелкіе участки, множество участковъ перешло по наслѣдству или по продажѣ въ другія и даже въ третьи и десятыя руки; между тѣмъ документы отобраны еще отъ прежнихъ владѣльцевъ, такъ что настоящіе едва-ли знаютъ о существованіи этихъ документовъ и слѣдовательно лишены всякой возможности доказать передъ судомъ свои права на землю, принадлежащую имъ безспорно въ силу за-

кона о давности, если они не принадлежатъ къ сословію государственныхъ крестьянъ".

„Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ судахъ есть документы прошедшихъ столѣтій, писанные на столбцахъ; прочитать ихъ и понять, конечно, могутъ только лица, занимавшіяся изданіемъ нашихъ юридическихъ древностей".

„При внимательномъ обсужденіи этого дѣла нельзя, кажется, не придти къ убѣжденію, что оно должно быть рѣшено во всѣхъ уѣздахъ въ пользу частныхъ лицъ; поэтому и всѣ рѣшенія, которыя уѣздные суды пытались постановить по этому дѣлу, состоялись въ этомъ смыслѣ; если-же рѣшенія эти и возвращались въ суды палатою, то не по разсмотрѣнію существа дѣла, а по поводу несоблюденія той или другой формальности. Юридическихъ основаній для разрѣшенія этого дѣла въ пользу частныхъ лицъ или для совершеннаго его прекращенія представляется очень много".

Но кромѣ этихъ общихъ процессовъ о „розысканіяхъ", колоссальныхъ какъ по числу привлеченныхъ и претерпѣвшихъ лицъ, такъ и по времени ихъ продолженія, одновременно съ этими процессами возникла цѣлая масса мелкихъ тяжбъ, имѣвшихъ тѣ-же причины и тоже содержаніе. Одинъ современный практическій юристъ такъ объясняетъ причины и содержаніе массами возникавшихъ дѣлъ по старозаимочнымъ землямъ.

Обычное здѣсь (въ одномъ изъ уѣздовъ харьковской губерніи) начало этихъ дѣлъ таково: уполномоченный-ли отъ казны, посредникъ-ли по размежеванію земель, или кто нибудь изъ государственныхъ крестьянъ представляетъ по какому нибудь случаю въ палату государственныхъ имуществъ документъ, или документы семисотыхъ годовъ, но крайней мѣрѣ, такіе документы всегда были по купянскому уѣзду и документы почти всѣ одинаковые: купчія или закладныя письма, данныя частнымъ лицомъ другому на продажу, или залогъ участковъ съ правомъ вѣчнаго владѣнія; въ послѣднемъ случаѣ при неуплатѣ денегъ, или-же при представленіи свидѣтельства отъ общества, что такой-то и его предки съ незапамятныхъ временъ владѣли такимъ-то участкомъ угодьевъ и что общество никогда въ этотъ участокъ не вмѣшивалось, палата задаетъ вопросы: что это за документы? Имѣютъ-ли они силу

крѣпостныхъ актовъ? Имѣлъ-ли право такой-то, положимъ въ 1739 г., продавать, закладывать клочекъ земли, или общество свидѣтельствовать о принадлежности того клочка земли частному лицу и можно-ли этотъ клочекъ земли теперь назвать частною собственностію? Разрѣшая эти вопросы всегда отрицательно, палата передаетъ документы въ уѣздные суды для производства дѣла слѣдственнымъ порядкомъ, какъ о казенномъ интересѣ. Суды не смѣютъ, прежде собранія всѣхъ справокъ, прежде произведенія мѣстнаго изслѣдованія, и разсуждать, что земля, о которой идетъ рѣчь, больше 100 л. въ частномъ владѣніи, какъ видно изъ самаго документа и что общество нисколько не претендуетъ на это владѣніе. Такимъ образомъ дѣла эти производятся десятки лѣтъ безъ всякой надобности,—дѣла, которыхъ не слѣдовало-бы и начинать, такъ какъ оканчиваются они всегда утвержденіемъ того, что и безъ этого утверждено силою давности, силою исторіи, силою законовъ; еще имѣлъ-бы смыслъ споръ общества, какъ владѣльца казенной земли, противъ какого нибудь неправаго, по его мнѣнію, частнаго владѣнія. Кому-же въ самомъ дѣлѣ знать лучше: обществу или палатѣ, правильно или неправильно извѣстное владѣніе? Начинать-же палатѣ дѣло только потому, что прежніе документы не такъ написаны, какъ теперешніе, не спросясь даже ни о чемъ у общества, сколько я ни размышлялъ объ этомъ, не нахожу логичнаго основанія.

Такимъ образомъ это повсемѣстное, можно сказать, осадное положеніе поземельнаго владѣнія губерніи изъ-за однихъ только „розысканій“ продлилось почти вплоть до судебной реформы и окончательная судьба всего этого недоразумѣнія, въ примѣненіи къ большинству старозаимочныхъ земель губерніи, автору настоящей статьи неизвѣстна.

---

10. Кадастръ крестьянскихъ земель, съ цѣлями переложенія податей съ душъ на доходы.

Еще въ самомъ разгарѣ „розысканій“ казенныхъ земель въ харьковской губерніи недавно возникшее тогда министерство государственныхъ имуществъ выступило съ новыми опытами благихъ на-

чинаній и однимъ изъ первыхъ мѣстъ для своихъ экспериментовъ избрало харьковскую губернію [1]).

Такимъ опытомъ явилось сложное дѣло, извѣстное подъ краткимъ именемъ кадастра. Трудно понять, почему именно харьковская губернія была наиболѣе обычнымъ мѣстомъ непрерывныхъ „опытовъ“; своеобразный строй землевладѣнія этой губерніи, повидимому, долженъ былъ-бы скорѣе всего освободить ее отъ разныхъ примѣрныхъ опытовъ, а бывшія въ самомъ разгарѣ „розысканія“ должны были остановить реформаторовъ на той мысли, что только тѣ или другіе результаты производившихся „розысканій“ уяснятъ дѣйствительную почву для будущихъ правильныхъ мѣропріятій; но этихъ результатовъ не хотѣло, видно, ждать энергичное и богатое идеями новое министерство.

Во второй половинѣ 40-хъ годовъ въ немъ возникла заманчивая идея объ уравненіи денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ харьковской губерніи, для чего и предположено было ни болѣе, ни менѣе, какъ „оцѣнить доходы казенныхъ селеній“, въ видахъ переложенія податей съ душъ на доходы. Самая эта мысль уравненія сборовъ по харьковской губерніи прямо обусловливалась убѣжденіемъ въ повсюдной наличности въ ней общиннаго владѣнія, хотя старозаимочныя дачи составляли и тогда еще крупный процентъ крестьянскаго землевладѣнія въ губерніи; имѣлось въ виду опредѣлять доходъ не каждаго малоземельнаго крестьянина до какой нибудь четверти десятины включительно, а всей земли, числящейся за тѣмъ или другимъ крестьянскимъ обществомъ и владѣемой, по предположенію министерскаго проэкта, общинно. И вотъ началась на многіе годы бумажная работа „центральной коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ“.

Но прежде, чѣмъ излагать ходъ этой работы, представимъ, хотя въ общихъ чертахъ, существенное содержаніе кадастровой инструкціи.

Основная ея идея возникла еще въ 1848 году, но окончательно разработана въ утвержденномъ министромъ государственныхъ

---

[1]) Тотъ-же «опытъ» предстоялъ и екатеринославской губерніи, но эта послѣдняя была освобождена отъ него вслѣдствіе неурожая, цынготной болѣзни и падежа скота.

имуществъ журналѣ центральной коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ отъ 13 ноября 1831 года, на основаніи котораго составлена и самая инструкція. Эта инструкція заключаетъ въ себѣ 444 §§ и теперь представляетъ собою весьма рѣдкую книгу. Она, по самому происхожденію своему, не представляетъ закона въ техническомъ смыслѣ этого слова, а только административное положеніе, почему вѣроятно и не могла войти въ полное собраніе законовъ. Ея исключительная цѣль—фискальная, по возможности облегчить отбываніе всяческихъ повинностей и для этого уяснить все могущее подлежать налогу въ матеріальныхъ средствахъ крестьянъ, посредствомъ „уравненія ихъ въ денежныхъ сборахъ". Въ ней заключалась весьма смѣлая идея—установить изъ далекаго центра какой-то правильный подоходный налогъ съ вѣчно волнующагося моря мелкихъ крестьянскихъ достатковъ, хотя-бы и въ общинномъ владѣніи, ибо налогу этому должны были подлежать не только земли, предметъ, какъ извѣстно, при общинномъ владѣніи, довольно устойчивый, по крайней мѣрѣ для разсчета налога, но даже и всяческіе крестьянскіе промыслы: 388 § инструкціи указываетъ цѣль кадастра: „подоходную систему податей въ губерніи". Инструкція возлагаетъ всѣ приготовительныя работы и подготовку надлежащихъ матеріаловъ и свѣдѣній на палаты государственныхъ имуществъ и ихъ уѣздные органы (окружныхъ начальниковъ), съ подвѣдомственными имъ волостными правленіями. Палаты составляютъ „соображенія объ относительной степени благосостоянія государственныхъ крестьянъ по разнымъ мѣстностямъ губерніи" и указаніе способовъ крестьянскаго владѣнія землями („душеваго, четвертнаго, захватнаго и тому подобное", о старозаимочныхъ земляхъ нѣтъ даже и помину), а за тѣмъ передаютъ эти свѣдѣнія начальнику коммисіи, или ея „отряда", по прибытіи этого начальника въ данную губернію.

Самая „оцѣнка доходовъ казенныхъ селеній и переложеніе податей въ губерніи производятся или коммисіей уравненія денежныхъ сборовъ, или отрядомъ". Въ руки этого новаго пріѣзжаго начальства волостныя правленія доставляютъ всяческія свѣдѣнія и, между прочимъ, „подворные списки", а также свѣдѣнія о земляхъ, различныхъ оброчныхъ статьяхъ, недоимкахъ, торговыхъ свидѣтельствахъ, количествѣ отпускаемыхъ каждому селенію лѣсныхъ матеріаловъ и т. п. Кромѣ того, „по всякому селенію выбираются,

примѣрно на каждыя сто душъ, два добросовѣстныхъ, одинъ мѣрщикъ и одинъ писарь". „Въ званіе добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ избираются смышленнѣйшіе и лучшей нравственности крестьяне, въ числѣ которыхъ должны быть въ особенности знакомые съ мѣстными обстоятельствами, крестьянскимъ хозяйствомъ и главными промыслами".

Всестороннее хозяйственное изученіе губерніи предположено было такъ широко и глубоко, что „начальникъ коммисіи или отряда" получаетъ отъ губернскаго начальства свѣдѣнія „о всѣхъ, какъ внѣшнихъ въ отношеніи губерніи, такъ и внутреннихъ пунктахъ сбыта земледѣльческихъ произведеній", и, кромѣ того, не довольствуясь губернскимъ начальствомъ, вообще входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства о приглашеніи помѣщиковъ, именитыхъ купцовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ сообщать свѣдѣнія о качествахъ и урожаѣ разныхъ почвъ, о торговлѣ и разныхъ промыслахъ и всѣ эти свѣдѣнія собираетъ „не столько офиціальными требованіями, сколько сближеніемъ съ дворянами и торговцами". Работы кадастровой коммисіи должны были начинаться одновременно по всей губерніи и закончиться въ три года, при чемъ инструкція подробно регламентируетъ будущее и опредѣляетъ работы эти на каждый годъ. Такъ въ первомъ-же году членъ коммисіи или отряда (каждый въ своемъ участкѣ) собираетъ предварительныя свѣдѣнія о благосостояніи крестьянъ „посредствомъ личныхъ объясненій съ окружнымъ начальникомъ"; для той-же цѣли собираются „старожилы селеній", на сходахъ членъ коммисіи объясняетъ крестьянамъ цѣль предстоящихъ занятій и изслѣдованій; избраннымъ добросовѣстнымъ, мѣрщикамъ и писарямъ внушаетъ, съ одной стороны, „всю важность довѣрія, которое имъ дѣлается", а съ другой—ихъ серьезную отвѣтственность за невѣрныя показанія... Въ числѣ самыхъ разносторонних свѣдѣній о матеріальныхъ средствахъ и хозяйствѣ крестьянъ собираются также весьма любопытныя свѣдѣнія, „по какому способу крестьяне каждаго селенія владѣютъ землей въ каждой дачѣ и въ какомъ угодьи и какимъ образомъ раздѣляется угодье по каждому хозяйству"... сортируется почва по своимъ сельско-хозяйственнымъ качествамъ, дѣлаются даже пробные умолоты хлѣбовъ и пробные укосы травъ. На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній составляется

„хозяйственное описаніе селеній", при чемъ даже составляются „таблицы среднихъ цѣнъ на земледѣльческія произведенія и таблицы стоимости рабочаго дня", а результаты всего этого изученія въ опредѣленные сроки доносятся департаменту сельскаго хозяйства.

Опуская всѣ дальнѣйшія подробности этой инструкціи, мы скажемъ только, что въ заключеніе третьяго года предписывалась „дѣйствительная раскладка податей и введеніе новой податной системы". Одновременно съ этимъ, т. е. къ концу 3-го года, составляется „хозяйственное описаніе цѣлой губерніи", а также и статистическое описаніе ея вообще. На основаніи всего этого матеріала, какъ вѣнецъ изслѣдованія, составляются губернскія книги: оцѣночная и окладная... и изготовляются окладные листы по обществамъ и селеніямъ, и такимъ образомъ происходитъ „переложеніе податей съ душъ на доходы", хотя собственно подушная подать оставляется неприкосновенно въ прежнемъ положеніи.

По главному вопросу настоящей статьи—о старозаимочномъ владѣніи—въ этой инструкціи единственное упоминаніе дѣлается въ примѣчаніи къ § 53. По силѣ этого примѣчанія „старозаимочныя земли, состоящія во владѣніи войсковыхъ обывателей, перешедшихъ въ городское сословіе и вообще постороннихъ лицъ, не подвергаются ни оцѣнкѣ, ни измѣренію"; но въ § 48 той-же инструкціи сказано: „всѣ удобныя земли, предоставленныя отъ казны въ пользованіе государственныхъ крестьянъ, изъ коихъ они извлекаютъ непосредственную выгоду, подлежатъ оцѣнкѣ". Сопоставляя эти два мѣста инструкціи, нельзя не видѣть, что новое министерство не приняло въ соображеніе историческаго происхожденія и дѣйствительнаго юридическаго характера старозаимочнаго владѣнія, а потому отнеслось къ нему, какъ къ землѣ, будто-бы „предоставленной отъ казны въ пользованіе государственныхъ крестьянъ", результатомъ-же этого воззрѣнія было, сколько намъ извѣстно, примѣненіе кадастра къ землямъ государственныхъ крестьянъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ ему не могло быть мѣста по огромной массѣ старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія. Эта основная, обусловленная, конечно, прежними еще мѣропріятіями, ошибка со стороны министерства государственныхъ имуществъ, особенно наглядно выражается въ § 62 инструкціи, который говоритъ: „къ собственнымъ землямъ государственныхъ крестьянъ, на основаніи суще-

ствующихъ постановленій, принадлежатъ: а) земли, жалованныя предкамъ однодворцевъ до 1724 г. въ отчину высочайшими грамотами; б) земли, купленныя и другимъ образомъ пріобрѣтенныя однодворцами у лицъ другихъ состояній до времени запрещенія; в) земли первыхъ двухъ родовъ, пріобрѣтенныя однодворцами отъ лицъ равнаго сословія и прежде и послѣ изданія межевой инструкціи; г) земли, пріобрѣтенныя вообще государственными крестьянами послѣ указа 12 декабря 1801 г.; д) земли, купленныя государственными крестьянами отъ казны съ аукціоннаго торга; ж) земли, присужденныя въ личную собственность рѣшеніями правительствующаго сената и з) земли, купленныя цѣлыми обществами государственныхъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, или отъ казны". Приведенными пунктами захватывалась и вся область старозаимочнаго крестьянскаго землевладѣнія, по допущенному гораздо раньше, какъ мы видѣли, смѣшенію земель старозаимочныхъ съ однодворческими; кадастръ, какъ видимъ, совершенно игнорировалъ всю массу старозаимочнаго крестьянскаго владѣнія и всецѣло примѣнилъ къ нему спеціальные законы и распоряженія о земляхъ однодворцевъ. Это недоразумѣніе министерства государственныхъ имуществъ усилило только извѣстныя уже намъ „розысканія казенныхъ земель"; онѣ предписывались нѣсколькими §§ инструкціи и теперь должны были принять характеръ повсемѣстности по всей губерніи. По 67 § инструкціи палата, по мѣрѣ хода работъ кадастровой коммисіи, отправляла на разсмотрѣніе уѣздныхъ судовъ дѣла о такихъ даже земляхъ крестьянъ, которыя, по ея собственному мнѣнію, можно было признать ихъ собственностію даже „съ большою вѣроятностію".

Кромѣ примѣчанія къ 53 § инструкція нигдѣ болѣе и не упоминаетъ о старозаимочныхъ земляхъ, хотя нѣсколько разъ останавливается на четвертномъ владѣніи, которое по индивидуальному своему характеру значительно подходитъ къ старозаимочному. Вотъ одинъ изъ параграфовъ кадастровой инструкціи (§ 77, пунктъ 2-й), способный показать, какъ легко было выполнителямъ кадастра правила, касавшіяся четвертныхъ земель, примѣнить къ старозаимочному владѣнію: „если крестьяне владѣютъ четвертными землями совершенно неуравнительно, не только въ отношеніе цѣлаго селенія, но и каждой фамиліи въ особенности, то измѣряются земли

каждаго домохозяина отдѣльно; но и здѣсь должно наблюдать: нѣтъ-ли такихъ домохозяевъ, которые, происходя отъ одного родоначальника, получили свои дачи на основаніи правильнаго наслѣдственнаго раздѣла; и если при этомъ они явственно показываютъ, на сколько и на какія части дѣлилось владѣніе ихъ родоначальника, низводя сіи раздѣлы до настоящаго времени, то удобнѣе и вѣрнѣе измѣрять земли такихъ домохозяевъ совокупно и впослѣдствіи въ составленныхъ реестрахъ разсчитывать владѣніе каждаго домохозяина по той пропорціи, какая опредѣляется ему правомъ наслѣдства. Для сего (примѣчаніе къ §) въ четвертныхъ селеніяхъ собираются у каждаго домохозяина свѣдѣнія о числѣ четвертей или той части владѣнія, которою онъ, по наслѣдственному раздѣлу, пользуется изъ земель, принадлежащихъ его фамиліи. На основаніи сихъ свѣдѣній составляются реестры четвертнымъ владѣльцамъ, въ коихъ показывается также по сдѣланному разсчету мѣра владѣнія каждаго домохозяина въ десятинахъ и сажняхъ и число душъ числящихся въ его семействѣ". Что это правило инструкціи было примѣняемо дѣятелями кадастра и къ наслѣдственно-участковымъ старозаимочнымъ дачамъ, можно заключать изъ дошедшихъ до насъ такъ называемыхъ измѣрительныхъ таблицъ. Таблицы эти были теперь составлены по всякому крестьянскому обществу наслѣдственно-участковаго владѣнія, между тѣмъ до времени кадастра въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ старозаимочныхъ крестьянскихъ дачахъ совершенно не было никакихъ записей мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, которое существовало до этого времени только какъ фактъ, никакой бумагѣ невѣдомый: только въ измѣрительныя таблицы кадастра была впервые занесена эта мелкая, въ тысячахъ участковъ состоявшая старозаимочная крестьянская собственность [1]).

---

[1]) Изъ одной бумаги въ дѣлѣ кадастра по ахтырской дачѣ видно, что случайныя и отрывочныя записи крестьянскаго владѣнія до кадастра обозначали размѣръ мелкихъ крестьянскихъ участковъ самою неопредѣленною мѣрою: у такого—земли «на три дня оранки», у другаго «на одинъ день оранки»; только изрѣдка показывалась длина и ширина участка. Часто употребляется выраженіе: земли «одинъ загонъ», «одинъ загонъ—оранки на три дня и сѣнокосу на 20 копицъ»; «одинъ загонъ на два дня оранки»; «одинъ загонъ на три дня оранки», «два загона поля на два дни оранки», отсюда видно, что и загонъ величина не постоянная. Еще встрѣчаются такія выраженія: «земли оранки на 8 дней, поля—

О захватныхъ земляхъ взглядъ кадастра выраженъ въ 78 §: „...дознается также, не находятся-ли общественныя земли въ захватномъ пользованіи государственныхъ крестьянъ, на основаніи котораго всякій изъ нихъ пользуется для посѣва и сѣнокоса такимъ пространствомъ земли, какое успѣетъ захватить прежде другихъ. Въ такомъ случаѣ вмѣняется въ обязанность мѣстному управленію государственными имуществами, до начала оцѣнки земель, побуждать крестьянъ къ уравнительному раздѣлу предоставленныхъ имъ земель, коими они пользуются на захватъ; а чиновникамъ уравненія денежныхъ сборовъ содѣйствовать крестьянамъ и руководить ихъ въ семъ дѣлѣ".

Изъ послѣдующаго хода этого дѣла въ харьковской губерніи есть основаніе заключить, что кадастровая практика, подъ вліяніемъ уже извѣстнаго намъ основнаго административнаго недоразумѣнія, повидимому, смѣшала старозаимку съ „захватомъ" въ смыслѣ, какой придалъ этому термину самой „инструкціей", и примѣнила къ первой всѣ послѣдствія, установленныя для послѣдняго.

Не касаясь другихъ многочисленныхъ параграфовъ обширной кадастровой инструкціи, не имѣющихъ прямаго отношенія къ изслѣдуемому нами вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи, отмѣ-

---

одна гона, опругъ, півупруга». Эта неопредѣленная мѣра земли (загонъ, столько-то дней оранки и т. д.) нерѣдко означалась и въ такъ-называемыхъ уступныхъ письмахъ, въ которыхъ обыкновенно писалось, что занимается такая-то сумма денегъ, а кредитору вмѣсто процентовъ дается во владѣніе земля до уплаты долга. Это такъ-называемая застава. Эта уступныя письма иногда свидѣтельствовались въ полиціи. Одно извѣстное намъ уступное письмо написано въ 1833 г. въ ахтырскомъ словесномъ судѣ, при свидѣтеляхъ. Въ одномъ уступномъ письмѣ уже въ 1846 г. говорится, что уступленъ одинъ загонъ поля на 6 дней оранки за 100 рублей впредь до возврата занятыхъ денегъ. Въ этихъ-же актахъ мы нашли упоминаніе одного загона, въ коемъ оранки на четыре дня, другой загонъ—оранки на два дня; одно закладное письмо 1788 г., написанное въ ахтырской приказной избѣ—здѣсь заложена была сѣнокосная лука, въ 2,000 кв. сажень за 12 рублей на 5-тилѣтній терминъ. Еще мѣра земли: «оранки на два опруга». При обмѣнѣ участковъ составлялись частныя полюбовныя сказки при свидѣтеляхъ, иногда на 30 копѣечной бумагѣ. У насъ въ рукахъ была опись болѣе сотни различныхъ поземельныхъ актовъ крестьянъ; между этими актами многочисленнѣе всѣхъ другихъ были закладныя письма и закладныя росписки 1780—1850 годовъ; особенно-же часты были эти акты въ 20—30 годахъ.

тимъ въ заключеніе, что по 250 и 251 §§ „переложенію съ душъ на доходы казенныхъ селеній подлежали сборы: 1) общественный, 2) на капиталъ продовольствія, 3) земскіе сборы: а) общій земскій сборъ, б) на содержаніе земской полиціи, в) на вспомогательный капиталъ (гдѣ сей сборъ существуетъ), г) на устройство присутственныхъ мѣстъ и 4) оброчная подать. Подушная-же подать, какъ личный налогъ, общій для всѣхъ податныхъ сословій, и мірскіе сборы, установляемые для удовлетворенія нуждъ одного общества, оставались „при прежней подушной раскладкѣ", при чемъ также оставалась, повидимому, неизмѣнной и общая сумма налога на губерніи, ибо въ 260 и 251 §§ говорится, что при исчисленіи извѣстныхъ категорій налоговъ должна приниматься въ основаніе послѣдняя высочайше утвержденная смѣта. Всѣ остальные параграфы разсматриваемой инструкціи приводятъ насъ къ мысли, что главной заботой составителей оной было всяческое облегченіе обложенія, учета и взысканія подлежащихъ налоговъ. Подъ вліяніемъ этой господствующей заботы, не смотря на всю распространенность личнаго крестьянскаго землевладѣнія въ харьковской губерніи (по старозаимочному праву и обычаю), податной единицей принято не лицо, а „селеніе", т. е. извѣстная группа фактическихъ поземельныхъ собственниковъ, которымъ за то въ дѣлахъ, такъ сказать, внутренняго самоуправленія sui generis дана свобода до степени laissez faire etc., т. е. полный произволъ большинства, вѣрнѣе произволъ малочисленнаго грамотнаго персонала сельскаго правленія, или-же волости. Фискальный интересъ гарантировалъ себя репрессіей круговой поруки, которая, если и можетъ быть признаваема за органическую часть общиннаго устройства, то относительно личнаго владѣнія является прямымъ его отрицаніемъ: къ личному землевладѣнію круговая порука могла быть примѣнена только чисто внѣшнимъ, механическимъ образомъ, внося, вмѣстѣ съ другими условіями, постепенное затемнѣніе понятія о моемъ и твоемъ и привычку возлагать надежды на разныя внѣшнія случайности помимо условій личнаго труда и самостоятельной личной заботы. Созданіе на почвѣ личнаго поземельнаго владѣнія групповыхъ платежныхъ единицъ съ круговой порукой и вообще цѣлой системой условій, взятыхъ прямо изъ общиннаго порядка, должно было внести и, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно внесло такую неопредѣ-

ленность въ поземельный бытъ крестьянъ, въ которой врядъ-ли можно было разобраться одинокой личной энергіи не только неграмотнаго участника въ жизни деревни, но даже и посторонняго наблюдателя, культурнаго человѣка.

II) Подробности примѣненія кадастровой операціи къ одной старозаимочной дачѣ.

Ознакомившись съ содержаніемъ и характеромъ кадастровой инструкціи, посмотримъ теперь, какъ она была примѣнена въ разсматриваемой нами мѣстности и какими сопровождалась послѣдствіями для мѣстнаго крестьянскаго населенія и его землевладѣнія. Правда, мы не имѣемъ данныхъ относительно примѣненія этой инструкціи на пространствѣ всей харьковской губерніи, но какъ кадастръ являлся мѣрою общею, то по даннымъ, какія имѣются у насъ относительно уѣзда ахтырскаго, частнѣе-же ахтырской старозаимочной дачи, можно съ достовѣрностію заключать о томъ, что происходило въ этомъ отношеніи и въ другихъ пунктахъ губерніи.

Опытамъ кадастра и кадастровой инструкціи предшествовало учрежденіе „коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ". По требованію ея, еще въ 1847 году окружными правленіями государственныхъ имуществъ харьковской губерніи предписано было всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ волостнымъ правленіямъ „приготовить немедленно" для коммисіи цѣлыя массы различныхъ юридическихъ, статистическихъ, хозяйственныхъ и другихъ свѣдѣній. Волостныя правленія такимъ образомъ были prima fonte всѣхъ данныхъ, по которымъ строилась *a priori* задуманная или заимствованная система, основной и самой кипучей лабораторіей для всяческихъ въ крестьянскомъ мірѣ мѣропріятій. Въ числѣ разныхъ справокъ, потребовавшихся отъ этихъ замѣчательныхъ, по своему обязательному всевѣдѣнію, учрежденій, требовались, кромѣ неизбѣжныхъ справокъ въ родѣ количества недоимокъ, мірскихъ и оброчныхъ статей, количества душъ по каждому селенію, и свѣдѣнія о раздѣленіи этихъ душъ на разряды относительно способовъ владѣнія землями, „какъ напримѣръ душеваго, четвертнаго и захватнаго". Послѣдній терминъ, при отсутствіи упоминанія о старозаимочномъ владѣніи, получаетъ

для насъ особое значеніе: онъ неизбѣжно предполагаетъ или совершенное невѣдѣніе наличности старозаимочнаго владѣнія во всей губерніи, или-же усмотрѣніе въ немъ одного только самоуправства и безпорядка. Такъ какъ одновременно съ этимъ министерство государственныхъ имуществъ, съ почина той-же коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ, озабочиваясь устройствомъ государственныхъ крестьянъ, „не пользующихся никакимъ надѣломъ казенной земли въ губерніяхъ, въ коихъ подати уже переложены съ душъ на доходы", собирало „свѣдѣнія о томъ, сколько подобныхъ безземельныхъ крестьянъ по всѣмъ великороссійскимъ губерніямъ и не можно-ли надѣлить ихъ землей изъ оброчныхъ статей въ тѣхъ-же губерніяхъ", то такое забота, вмѣстѣ съ сопровождавшими ее мѣропріятіями и заборомъ всевозможныхъ справокъ изъ извѣстнаго уже намъ источника, была всецѣло примѣнена и къ харьковской губерніи, хотя эта послѣдняя ни въ этнографическомъ отношеніи, ни по господствующему характеру своего землевладѣнія не могла быть приравнена къ губерніямъ великорусскимъ. Поступавшія по запросамъ, вслѣдствіе этой новой мѣры, донесенія, которыя мы имѣли случай разсматривать, показываютъ съ одной стороны, какое смутное представленіе начальствующія лица имѣли о порядкѣ землевладѣнія въ харьковской губерніи, а съ другой какъ нерѣдко органы крестьянскаго управленія становились въ тупикъ предъ запросами и, отвѣчая на нихъ, старались попасть въ тонъ запроса и давали данныя, по которымъ всего менѣе можно было построить вѣрное заключеніе.

Такъ слѣдовалъ, наприм., ахтырскому волостному правленію запросъ, сколько въ ахтырскомъ обществѣ оброчныхъ статей, какія и гдѣ именно, сколько безземельныхъ крестьянъ и пр. Тутъ понятія не имѣли объ оброчныхъ статьяхъ: въ ахтырской, какъ почти и во всякой старозаимочной дачѣ, все принадлежало отдѣльнымъ лицамъ, а не міру. Волостное правленіе указало число безземельныхъ крестьянъ,—ихъ въ это время въ ахтырской волости было 336 душъ, но прибавило, что они не могутъ быть надѣлены землей „до уравнительнаго раздѣла земли на ревизскія души",—точно оно само желало этого раздѣленія, или было убѣждено въ необходимости онаго.

Пертурбація въ крестьянскомъ населеніи харьковской губерніи усилилась и недоумѣнія вопрошающихъ и отвѣчающихъ увеличились

съ тѣхъ поръ, какъ министерство государственныхъ имуществъ, отмѣнивъ, какъ прежде было нами упомянуто, опытъ уравненія денежныхъ сборовъ по екатеринославской губерніи, двинуло оттуда „часть чиновъ коммисіи“ въ харьковскую губернію для предварительныхъ изслѣдованій, въ видахъ переложенія податей съ душъ на землю и содѣйствія палатѣ государственныхъ имуществъ къ размѣну черезполосностей. Лѣтомъ 1849 г. ахтырское окружное управленіе циркулярно предписало волостнымъ правленіямъ „немедленно“ составить подворные списки и выбрать изъ среды крестьянъ присяжныхъ добросовѣстныхъ, причемъ самый этотъ выборъ „необходимо“ долженъ былъ окончиться ко времени прибытія въ Ахтырку „чиновъ отряда“.

Самая форма этого подворнаго списка домохозяевамъ деревни N N и т. д. показывала какъ будто, что для составленія проэкта „уравненія“ ни въ чемъ не представлялось затрудненій и что статистика видимо тогда процвѣтала: въ различныхъ рубрикахъ этого списка должны были вмѣститься такія напр. свѣдѣнія, какъ фамилія домохозяина, число душъ въ семьѣ и число работниковъ во дворѣ (хотя въ данной мѣстности, кромѣ самихъ домохозяевъ и членовъ ихъ семьи, работниковъ обыкновенно не бываетъ), число скота, чѣмъ кто занимается въ разное время года, какія у кого промышленныя заведенія, сколько недоимки и проч.; не забыты даже пчелы, и тѣхъ требовалось показать, „сколько именно“.

Одновременно съ предписаніемъ составить подворные списки ахтырскій окружный начальникъ предписалъ волостямъ о выборѣ мѣрщиковъ, добросовѣстныхъ и писарей, а также о высылкѣ плановъ на дачи и пустопи, при чемъ требовалось, чтобы „въ званіе добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ избирались смышленнѣйшіе и лучшей нравственности крестьяне, въ числѣ которыхъ должны быть въ особенности знакомые съ мѣстными обстоятельствами, крестьянскимъ хозяйствомъ и главными промыслами“, а въ числѣ мѣрщиковъ былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ грамотный.

Всѣ эти сельскіе чины, призывавшіеся для осуществленія блестящаго проэкта, избирались на три года и при всемъ томъ никому изъ нихъ, кромѣ писарей, вознагражденія не полагалось: писаря оплачивались изъ суммъ мірскаго сбора, т. е. на счетъ тѣхъ-же крестьянъ, что-жъ касается добросовѣстныхъ и мѣрщиковъ, то начальство раз-

судило экономично, что работы ихъ по измѣренію и оцѣнкѣ земель могутъ быть вмѣнены имъ въ общественную службу, или натуральную повинность. Положеніе выборныхъ и ихъ избирателей по истинѣ разорительное, если принять во вниманіе, что въ числѣ ревизскихъ душъ были умершіе и малолѣтніе, или неспособные къ работамъ, и что отъ каждыхъ 100 ревизскихъ душъ бралось „примѣрно“ по четыре человѣка, да еще въ самую горячую пору и три года подъ рядъ, и бралось въ губерніи, гдѣ нѣтъ многочисленнаго по количеству людей, великорусскаго „двора“, а есть только отдѣльныя малочисленныя семейства [1]), въ которыхъ на рукахъ отца лежало все бремя содержанія семьи съ малолѣтними дѣтьми. И это при недоимкѣ въ 163,111 руб. на 8036 душъ населенія ахтырской волости, т. е. по 20 р. на валовую ревизскую душу, въ памятный 1849 годъ, которому предшествовалъ годъ неурожая хлѣбовъ и травъ, смертность на людяхъ, падежъ скота и частые пожары, какъ свидѣтельствовало мѣстное волостное правленіе,—при годичномъ размѣрѣ натуральныхъ повинностей въ суммѣ свыше 5000 р. на то-же общее число ревизскихъ душъ [2]) и при душевомъ податномъ (не считая винной подати) окладѣ въ 4 р. 87 ½ к.

---

[1]) Для опредѣленія средняго числа членовъ въ семьѣ въ ахтырской волости интересны слѣдующія данныя изъ того-же дѣла о кадастрѣ: въ ахтырскомъ обществѣ (т. е. собственно у государственныхъ крестьянъ г. Ахтырки) находится 2,011 дворовъ, ревизскихъ душъ мужескаго пола 4,669, женскаго пола 4,743; въ хухрянскомъ сельскомъ обществѣ 503 двора, ревизскихъ душъ, т. е. мужескихъ 1,192 чел., женскаго пола 1,200; кириковскаго сельскаго общества 458 дворовъ, мужескаго пола 1,464, женскаго пола 1,261; въ Бакировкѣ 95 дворовъ, мужескаго пола 247, женскаго пола 298; въ деревнѣ Литовкѣ 109 дворовъ, мужескаго пола 292, женскаго пола 346. Отсюда средній размѣръ населенія двора или семьи 4,8 человѣка.

[2]) Размѣръ натуральныхъ повинностей, выпадавшихъ на одну ахтырскую волость, какъ видно изъ дѣла о кадастрѣ, былъ слѣдующій:

Подводъ:

1) Для разъѣздовъ по службѣ: 565 подводъ на 169 р. 50 к. (т. е. всего по 30 коп. подвода).

2) Для войскъ и ремонтовъ (?) 720 подводъ, на 216 р.

3) Для арестантовъ по этапамъ, 52 подводы, на 15 р. 60 к.

4) Для исправленія мостовъ, дорогъ и гатей: а) конныхъ—280, б) пѣшихъ—500, на 159 р.

Здѣсь пѣшій рабочій день принятъ всего въ 15 коп.

Въ августѣ 1849 г. „завѣдывающимъ отрядомъ коммисіи уравненія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ", чрезъ мѣстнаго окружнаго начальника были затребованы „въ самоскорѣйшемъ времени", въ числѣ другихъ, свѣдѣнія о количествѣ земли по способу владѣнія; при этомъ требованіи была приложена и форма всего только на двѣ рубрики для крестьянъ собственниковъ: 1) земли заимочной, владѣемой по документамъ прежнихъ лѣтъ (?) и 2) земли, принадлежащей въ личную собственность по §§ 60, 62, 63 и 67 „инструкціи". Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, подъ вліяніемъ прежнихъ и позднѣйшихъ разъясненій начальства, ахтырское волостное правленіе въ первой рубрикѣ не проставило земли ни одной десятины, а „принадлежавшей въ собственность" по вышеприведеннымъ параграфамъ обозначило всего только 113 дес. (это изъ 15—20 тысячъ десятинъ старозаимочной крестьянской земли!)

Въ отвѣтахъ различныхъ сельскихъ обществъ ахтырской волости относительно различныхъ, свыше опредѣленныхъ категорій земли весьма часто фигурируетъ 18 декабря 1801 г. (земли, пріобрѣтенныя до этого времени и послѣ), что только лишній разъ указываетъ, что старозаимочныя земли въ глазахъ подлежащаго вѣдомства были совершенно смѣшаны съ четвертнымъ и другихъ категорій поземельнымъ владѣніемъ однодворцевъ. Произведенный во время кадастра отборъ у крестьянъ документовъ на собственныя ихъ различныхъ категорій земли произвелъ такую путаницу

---

5) Для обработыванія общественной запашки: а) конныхъ—525, б) пѣшихъ—723, на 265 р. 95 к.

6) Для скопки и разсадки лѣсовъ: пѣшихъ 325 чел., на 48 р.

7) Для разсылки пакетовъ: а) конныхъ—250, б) пѣшихъ—150, на 97 р. 50 коп.

Исключительно пѣшихъ рабочихъ:

8) Для препровожденія арестантовъ—280 чел., на 42 р.

9) Для караула къ церквямъ—832 чел. на 124 р. 80 к.

10) Присмотръ хлѣбныхъ магазиновъ—280 чел. на 31 р. 20 к.

11) Сторожа сельскихъ правленій—520 чел. на 78 р.

12) Отведено квартиръ на 1500 р.

Всего даже по этой изумительно дешевой оцѣнкѣ труда, подводъ и квартиръ на 2,748 р. 30 коп., что по самому скромному переводу на дѣйствительныя современныя цѣны требуетъ, по крайней мѣрѣ, удвоенія, т. е. около 5,496 руб.

въ земельныхъ правахъ, которой не распутать уже и нашему времени. Хотя начальство требовало тогда только копій крестьянскихъ документовъ, но такъ какъ значительная часть этихъ актовъ была писана почеркомъ прошлаго вѣка, а палеографія была рѣшительно неизвѣстна писарямъ волостныхъ правленій, то во исполненіе требованія начальства у крестьянъ отбирались большею частію подлинные документы и таковые цѣлыми тюками препровождались въ Харьковъ, въ палату государственныхъ имуществъ. Что здѣсь съ ними сталось, намъ неизвѣстно, но о судьбѣ ихъ догадываться отчасти можно потому, что въ Харьковѣ и теперь еще живетъ память объ одномъ, давно уже покойномъ, отставномъ чиновникѣ, по фамиліи Наливайко, въ домѣ котораго весь чердакъ былъ заваленъ документами и другими старыми актами крестьянскаго землевладѣнія.

Отборъ земельныхъ документовъ и увеличившіяся тягости отбыванія повинностей и оплаты налоговъ усилили эмиграцію крестьянъ, начавшуюся еще раньше, а это въ свою очередь отражалось на судьбѣ мѣстнаго земельнаго владѣнія. Оно видимо уже давно разлагалось, и однородный прежде участково-наслѣдственный старозаимочный порядокъ землевладѣнія съ теченіемъ времени принималъ все болѣе и болѣе смѣшанный характеръ. Такъ еще въ 1837, 1839 и въ 1848 г., т. е. въ годъ начала кадастра, изъ ахтырской и другихъ волостей ахтырскаго уѣзда переселилось въ черноморскіе и линейные козаки, а также въ екатеринославскую и саратовскую губерніи 734 ревизскихъ души [1]).

Такъ какъ на переселенцахъ оказывалась нерѣдко недоимка, то она оплачиваема была оставленіемъ принадлежавшихъ имъ земель за обществами, а эти оставшіяся земли и положили начало тѣмъ общественнымъ землямъ, которыя съ этого преимущественно времени мы встрѣчаемъ среди личнаго крестьянскаго владѣнія. Впрочемъ нѣкоторые изъ переселенцевъ поступили съ своими землями совершенно согласно старозаимочному праву и обычаю: одни изъ нихъ предъ выселеніемъ продали свои земли, а другіе оставили ихъ въ рукахъ родственниковъ, отъ которыхъ, вѣроятно, получили какое-нибудь

[1]) Наибольшее было переселеніе въ саратовскую губернію въ 1837 и 1839 годахъ: 443 ревизскихъ души.

вспомоществованіе на дорогу. Почти въ то-же время лица, переходившія изъ крестьянскаго сословія въ городское (мѣщане, цеховые), должны были подъ вліяніемъ принятыхъ начальствомъ мѣръ, оставлять свои старозаимочныя земли въ крестьянскомъ обществѣ, хотя и здѣсь имѣли мѣсто и случай и исключенія изъ общаго правила.

Представленіе документовъ, у кого они сохранились, на владѣемую тѣмъ или инымъ крестьяниномъ землю рѣдко гарантировало владѣльца въ признаніи за нимъ права собственности. Такое признаніе требовало длинной процедуры разсмотрѣнія ихъ въ судѣ и утвержденія въ гражданскомъ порядкѣ, а между тѣмъ самъ чиновникъ „уравненія" производилъ юридическую оцѣнку документамъ и только новѣйшіе крѣпостные акты признавалъ въ силѣ, все-же остальное, даже документальное владѣніе крестьянъ по актамъ прежняго времени было подчинено всѣмъ операціямъ кадастра. Въ способѣ дѣйствительной раскладки податей въ натурѣ, а не на бумагѣ, примѣчалось изрядное замѣшательство; выселенія продолжались, и иначе и быть не могло. Въ ахтырскомъ обществѣ, имѣвшемъ тогда по послѣдней ревизіи 4798 душъ мужскаго пола, совсѣмъ оставило хлѣбопашество 672 двора (=1895 ревизскимъ душамъ = 953 работникамъ), а по занятію другими промыслами оставило хлѣбопашество 166 дворовъ (=ревизскимъ душамъ 384 = работникамъ 160, т. е. всего по одному работнику на дворъ).

Недоимка росла, ея приходилось по 40 р. на душу, если считать только половину работниковъ въ общемъ числѣ ревизскихъ душъ. Появлялись уже и способы „принудительнаго взысканія" оной. Изъ числа ихъ, правда, гораздо позже, получилъ извѣстность одинъ, называвшійся въ народѣ „штурмою". Появлялась цѣлая компанія волостныхъ и полицейскихъ чиновъ въ періодѣ сбора податей, разѣзжала по недоимщикамъ и забирала у нихъ для продажи съ аукціона въ волостное правленіе всякую домашнюю движимость и утварь.

Въ какія тонкости и детали вникали „чины отряда уравненія" и, между прочимъ, какъ мало стѣснялись волостныя правленія отвѣтами на всяческіе вопросы, видно, между прочимъ, уже изъ того, что былъ опредѣленъ, напримѣръ, чистый годовой доходъ плотниковъ хухрянскаго сельскаго общества (отъ 3 до 5 р. въ годъ), когда не только въ то время, но и въ гораздо позднѣйшіе годы,

врядъ-ли на 10 помѣщиковъ хоть одинъ зналъ приблизительно свой чистый доходъ, а кольми паче не было матеріаловъ для вывода этого дохода по средней сложности за нѣсколько лѣтъ. Кромѣ плотниковъ въ той-же слободѣ Хухрѣ былъ опредѣленъ чистый годовой доходъ портныхъ, чумаковъ, миропниковъ, колесниковъ, сапожниковъ и вообще ремесленниковъ. Судя по этимъ свѣдѣніямъ о Хухрѣ, нужно думать, что „чины отряда“ успѣли добыть эти высоко интересныя цифры для всѣхъ мѣстностей государственныхъ крестьянъ ахтырскаго уѣзда и вообще всей харьковской губерніи. Вообще все имущество крестьянъ было такъ тщательно проревизовано, что не осталось, кажется, статьи дохода, подлежавшей обложенію. Какъ мы раньше замѣтили, не упущены были изъ виду даже пчелы, бывшія у крестьянъ во время этой ревизіи: въ ахтырскомъ обществѣ оказалось 27 человѣкъ, у которыхъ нашлось отъ двухъ до двадцати колодокъ пчелъ, хотя при мѣстной системѣ пчеловодства эта статья хозяйства найболѣе случайна и скоро преходяща и свѣдущимъ по этому предмету людямъ хорошо извѣстно, что не только двѣ колодки, но десятки колодокъ нерѣдко погибаютъ за зиму сполна и послѣ этого пчелы обыкновенно заводятся снова, если только не истощается терпѣніе и любовь къ этому дѣлу того или другаго мелкаго пчеловода.

Какъ энергично обращался „отрядъ уравненія“ не только съ крестьянами, но, при случаѣ и съ лицами другихъ сословій, видно изъ одного требованія счетнаго чиновника „отряда“ въ формѣ предписанія волостному правленію: „также выслать ко мнѣ немедленно наслѣдниковъ, или тѣхъ лицъ, кто пользуется землей умершаго прапорщика Михаила Переходы“. Любознательные и строгіе чины „отряда“ задавали иногда волостнымъ чисто Суворовскіе вопросы: такъ, между прочимъ, потребованы были „въ найскорѣйшемъ времени свѣдѣнія о цѣнахъ на рожь, овесъ и сѣно за 14 лѣтъ, и непремѣнно за каждый мѣсяцъ всякаго года“. Это еще въ 1850 г. Волостныя правленія, конечно, также по-Суворовски и отвѣчали [1]).

[1]) Въ дѣлѣ о кадастрѣ по ахтырской волости имѣются слѣдующія числовыя данныя о промыслахъ и мастерствахъ крестьянъ по ахтырскому сельскому обществу, а такъ какъ ахтырское сельское общество составляло и составляетъ земледѣльческій городъ Ахтырку, то нижеслѣдующія цифры относятся собственно къ городу.

Нѣкоторые изъ запросовъ и отвѣтовъ довольно загадочны и не лишены нѣкоторой доли комизма.

Въ 1851 году, т. е. уже на 3-й годъ кадастра, когда, какъ полагать надо, всѣ свѣдѣнія о земляхъ были собраны и упорядочены, ахтырское окружное правленіе шлетъ запросъ ахтырскому волостному правленію: „имѣется-ли у государственныхъ крестьянъ г. Ахтырки приговоръ о раздѣлѣ земель на души, а ежели таковые имѣются, то были-ли утверждены палатою и когда отъ оной возвращены"? Волостное правленіе отвѣчаетъ, что такой приговоръ былъ составленъ еще въ 1846 году, т. е. болѣе, чѣмъ за два года до начала кадастра (видно, сильное было административное давленіе на ахтырское общество въ смыслѣ всяческихъ „уравненій") и представленъ самому-же ахтырскому окружному начальнику для отсылки (въ палату) на утвержденіе, но приговоръ возвращаемъ обратно не былъ..., а получено только предписаніе начальства (какого, неизвѣстно), которымъ велѣно произвести въ ахтырскомъ обществѣ уравнительный раздѣлъ земли; но таковаго раздѣла до вывода чрезполосностей и до настоящаго времени не учинено". Отъ того-же ахтырскаго волостнаго правленія требовалась „вѣдомость о земляхъ, отведенныхъ нижнимъ чинамъ въ казенныхъ селеніяхъ". Отвѣтъ, какъ и слѣдовало ждать, былъ такой, что „нижніе чины не имѣютъ надѣльной отъ общества земли (и откуда было ее взять?), а владѣютъ, у кого есть, *родонаслѣдственной*".

Занимающихся мелочной торговлей — 25 душъ, живописнымъ мастерствомъ (маляровъ) — 7 душъ, столярнымъ — 8 душъ, серебряннымъ — 8 душъ, каретницкимъ — 2 души, кузнечнымъ — 7 душъ, кушнирскимъ (выдѣлкою кожъ) — 13 душъ, портняжнымъ (кравці) — 28 душъ, сапожнымъ (шевці) — 76 душъ, ткацкимъ — 6 душъ, шапошниковъ — 4 души, гончаровъ — 11 душъ, кирпичнымъ — 8 душъ, плотническимъ — 25 душъ, бондарствомъ — 23 души; хухранскаго сельскаго общества слободы Хухры: занимающихся чумачествомъ — 20 душъ, бондарнымъ ремесломъ — 3 души, сапожничествомъ — 2 души, кузнечною работою — 2 души; кириковскаго сельскаго общества: столярной работой — 3 души, плотничной — 1, кузнечной — 1, портняжной — 3 души, чумачествомъ — 16 душъ. Такимъ образомъ въ средѣ самаго крестьянскаго общества уже давно возникали разные ремесла и промыслы, хотя всѣ эти ремесленники по прежнему уже оставались въ крестьянскомъ обществѣ и не переходили въ городскія сословія мѣщанъ и цеховыхъ, можетъ быть, главнымъ образомъ, изъ-за боязни потерять свои земли.

Но всего куріезнѣе слѣдующій приказъ чиновника отряда ахтырскому волостному правленію: „собрать сходъ изъ тѣхъ многоземельныхъ крестьянъ, которые объявили, что они не въ состояніи оплачивать поземельную подать, и поэтому уступаютъ часть своей земли въ пользу общества, а равно собрать и тѣхъ, которые изъявили желаніе принять отъ нихъ землю, дабы одни уступку, а другіе пріемъ земли подтвердили приговоромъ". И приговоръ былъ составленъ и представленъ; но „на рапортъ волостнаго правленія отъ 19 іюня 1852 г., ахтырскій окружной начальникъ 11 іюля 1852 г., возвращая въ ахтырское волостное правленіе неутвержденный имъ приговоръ о надѣленіи безземельныхъ крестьянъ 708 душъ землею, далъ знать для объявленія обществу, что безземельныхъ крестьянъ надѣлять землею нельзя, потому что коммисія не нашла у нихъ таковой (?!), и въ настоящее время кто имѣетъ землю, тотъ и долженъ такимъ количествомъ владѣть, не имѣющій-же земли и остается безземельнымъ; а чиновникъ отряда Черновъ хотя и надѣлялъ крестьянъ тѣхъ землею, но онъ дѣлалъ это самоуправно".

Тотъ-же ахтырскій окружной начальникъ объявилъ ахтырскому обществу statum quo ante bellum относительно платежныхъ обязанностей безземельныхъ крестьянъ, разъяснивъ, что по этому предмету все остается по прежнему, а именно прежній душевой окладъ въ 5 р. 8¼ коп., къ которому, вѣроятно, присчитана теперь такъ называемая винная подать, не объяснилъ только, остался-ли этотъ окладъ въ 5 рублей 8¼ копѣекъ на душу и для тѣхъ ремесленниковъ изъ крестьянъ, годовой чистый доходъ которыхъ кадастровый „отрядъ" опредѣлилъ отъ 3 до 5 рублей...

Только въ первой половинѣ 1852 года, какъ можно судить по дѣлу, окончились труды кадастра въ ахтырской волости, а слѣдовательно, нужно думать, и во всемъ уѣздѣ, если не по всей губерніи. Въ маѣ этого года членъ „отряда", въ присутствіи мѣстнаго окружнаго начальника, предъявилъ крестьянамъ оцѣнки и налоги на землю, промыслы, мірскія оброчныя статьи и лѣсной матеріалъ. Какъ и нужно было ожидать, „со стороны крестьянъ никакихъ возраженій не было".—Такъ послѣдовало переложеніе сборовъ съ душъ на земли и объявлено было государственнымъ крестьянамъ харьковской губерніи введеніе съ 1853 года „поземельной,

лѣсной и промышленной подати, которую они будутъ платить взамѣнъ прежняго душеваго оклада". Остается прибавить: но не подушнаго, который остался въ своей прежней силѣ.

Послѣдовало-ли отъ того облегченіе крестьянамъ въ отбываніи повинностей и платежѣ налоговъ, или кадастръ только облегчилъ и обезпечилъ дѣйствія фиска,—это вопросъ для насъ второстепенный, такъ какъ мы коснулись кадастра лишь по связи его съ судьбою поземельнаго владѣнія въ харьковской губерніи. Прикрѣпилъ-ли кадастръ доходъ къ землѣ вмѣсто души, и на это отвѣчать затрудняемся, не имѣя существенныхъ матеріаловъ для отвѣта на вопросъ, какъ именно въ дѣйствительности разлагалась подать всѣхъ категорій внутри крестьянскихъ обществъ на отдѣльныхъ ихъ членовъ—до кадастра и послѣ его введенія? Относительно ахтырскаго крестьянскаго общества, въ которомъ земля была и осталась при прежнемъ участково-наслѣдственномъ порядкѣ во владѣніи огромнаго большинства крестьянъ, врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что кадастръ не внесъ ничего существенно новаго въ способъ внутренней раскладки налоговъ въ средѣ самаго общества. Въ другой старозаимочной дачѣ ахтырскаго уѣзда, слободы Котельвы, налоги съ крестьянскаго общества до времени кадастра платились съ душъ: всѣхъ денежныхъ сборовъ на душу выпадало безъ малаго около 6 рублей; при этомъ за абсолютно-бѣдныхъ, въ силу круговой поруки, платила остальная масса, по не по наличному количеству земли, или другаго имущества у каждаго домохозяина, а по равномѣрной раскладкѣ всего дефицита за бѣдныхъ на всѣхъ остальныхъ плательщиковъ; со времени-же кадастра, когда составлены были измѣрительныя таблицы, налогъ былъ перенесенъ съ души на землю, въ размѣрѣ приблизительно около рубля на десятину, и эта часть налога взыскивалась уже соразмѣрно землевладѣнію каждаго домохозяина, а остальная сумма налога по прежнему разлагалась на ревизскія души.

Въ заключеніе нашего изложенія о кадастрѣ замѣтимъ еще, что ко времени введенія его въ ахтырскомъ уѣздѣ прежде господствовавшій участково-наслѣдственный строй старозаимочнаго владѣнія удержался главнымъ образомъ только въ большихъ земельныхъ дачахъ, гдѣ была особенно сильна чрезполосица съ другими

сословіями, напримѣръ въ дачахъ г. Ахтырки, слободы Котельвы, и, если вѣрны наши частныя свѣдѣнія, еще въ Боромлѣ и Краснополѣ, большинство-же менѣе значительныхъ дачъ, также старозаимочнаго происхожденія, имѣли уже землю, подѣленную на души.

А. Л. Шимановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Допросъ Григорія Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы *).

Сынъ полтавскаго полковника, Григорій Павловичъ Герцыкъ, разсказавшій въ общихъ чертахъ свою біографію въ прилагаемомъ допросѣ, принадлежалъ къ числу самыхъ преданныхъ сторонниковъ Мазепы и Орлика; съ послѣднимъ при томъ его связывали родственныя отношенія, такъ какъ Орликъ женатъ былъ на его сестрѣ Аннѣ. Послѣ полтавской битвы, Герцыкъ находился въ числѣ той козацкой старшины, которая бѣжала вмѣстѣ съ Карломъ XII и Мазепою въ Бендеры. „По издохновеніи Мазепы“ (какъ выражаются допросные пункты), Герцыку поручено было сопровождать его тѣло для погребенія и, затѣмъ, послѣ избранія въ гетманы Орлика, онъ получилъ отъ послѣдняго титулъ генеральнаго ассаула. Послѣ заключенія прутскаго договора и удаленія Карла XII изъ турецкихъ предѣловъ, дѣло его сторонниковъ оказалось безвозвратно проигранным; вслѣдствіе этого козацкая старшина, находившаяся въ Бендерахъ, рѣшилась просить прощенія у русскаго правительства и возвратиться на родину. При посредничествѣ русскаго посланника въ Константинополѣ Шафирова, имъ разрѣшено было возвратиться; разрѣшеніемъ этимъ воспользовались въ 1715 году: бывшій прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко, генеральный писарь Иванъ Максимовичъ, генеральный обозный Ломиковскій и нѣкоторые другіе. Между тѣмъ Орликъ рѣшился отстаивать дальше

*) Списанъ съ подлинника, хранящагося въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. За сообщеніе этого столько-же любопытнаго, сколько и важнаго для исторіи документа, приносимъ глубокую благодарность многоуважаемому А. И. Барсукову, такъ много потрудившемуся въ разработкѣ отечественной исторіи и еще недавно подарившему публику капитальнымъ и роскошно изданнымъ трудомъ: «Родъ Шереметьевыхъ». — Ред.

свою роль гетмана, покровительствуемаго Швеціею; въ томъ-же 1715 году онъ съ семействомъ и немногими, послѣдовавшими за нимъ малороссіянами, въ числѣ которыхъ находился и Герцыкъ, отправился въ Штокгольмъ. Исторію жалкаго пребыванія въ этомъ городѣ изгнанниковъ и безуспѣшныхъ ихъ происковъ передаетъ намъ въ отвѣтахъ на допросные пункты Григорій Герцыкъ. Очевидно изъ нихъ, что въ данный періодъ времени (1715—1720 г.) Орликъ самъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла и поддерживалъ сношенія съ запорожцами, ханомъ, польскими вельможами и т. п. для того только, чтобы не потерять въ глазахъ шведскаго правительства значенія важнаго политическаго дѣятеля и не лишиться пенсіи, которую бѣглецамъ выдавали весьма не охотно послѣ смерти Карла XII. Въ этомъ отношеніи очень характерно показаніе Герцыка о томъ, что Орликъ поручилъ ему, въ случаѣ отсутствія настоящей отвѣтной грамоты отъ запорожцевъ, доставить ему хотя-бы подложную; такую грамоту про всякій случай Орликъ самъ сочинилъ и поручилъ Герцыку, переписавъ и снабдивъ ее войсковою печатью, которую вручилъ ему съ этою цѣлью, выслать ему по почтѣ изъ Бреславля въ Штокгольмъ.

Въ исходѣ 1719 года, Герцыкъ отправленъ былъ Орликомъ въ Польшу съ порученіемъ передать отъ его имени корреспонденцію разнымъ польскимъ сенаторамъ, и затѣмъ попытаться войти въ сношенія съ запорожцами и ханомъ крымскимъ, къ которымъ грамоты онъ и вручилъ посланному. Но въ Варшавѣ Герцыкъ отказался отъ путешествія въ Запорожье, подъ предлогомъ болѣзни, и туда посланъ былъ съ грамотою Орлика бывшій слуга Мазепы, Ѳедоръ Нахимовскій. Грамота къ запорожцамъ (отъ 8 декабря 1719 года) дошла до насъ — она напечатана въ приложеніяхъ къ „Исторіи Малороссіи“, Маркевича [1]); въ ней Орликъ побуждаетъ запорожцевъ къ войнѣ съ Россіею и обнадеживаетъ ихъ помощью Швеціи, заключившей будто-бы союзъ противъ Россіи со всѣми европейскими державами. Увѣряя запорожцевъ въ своей преданности родинѣ, Орликъ заключаетъ посланіе слѣдующими словами: „посылаю передъ собою передомъ пвагра моего, асаула генеральнаго, пана Григорія Герцыка съ симъ моимъ листомъ, и изустно

[1]) См. томъ IV, стр. 350—354.

обширнѣйшимъ предложеніемъ и допѣсеніемъ, черезъ котораго такожъ пишу до хана его милости листъ".

Пока Нахимовскій везъ это письмо въ Алешки, надъ Герцыкомъ въ Варшавѣ разразилась бѣда: по требованію русскаго посланника, князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, онъ былъ арестованъ и выданъ русскимъ властямъ; его препроводили въ Петербургъ и заточили въ крѣпость, гдѣ и снятъ былъ прилагаемый допросъ. Въ послѣдствіи Герцыкъ переведенъ былъ въ тюрьму въ адмиралтейство и только въ 1728 году его съ женою и дѣтьми отпустили на жительство въ Москву; послѣднее извѣстіе о его участи, извлеченное Бантышъ-Каменскимъ изъ архива коллегіи малороссійскихъ дѣлъ, относится къ 1732 году; онъ жилъ тогда въ Москвѣ въ крайней нищетѣ и хлопоталъ о выдачѣ ему средствъ для погребенія жены [1]).

Отвѣты на допросные пункты составлены Герцыкомъ очень сдержанно; разсказывая весьма подробно о жизни малороссійскихъ бѣглецовъ за границею, онъ старается смягчить по мѣрѣ возможности все то, что относится къ его личной отвѣтственности и при томъ избѣгаетъ весьма тщательно какихъ либо указаній на сношенія съ лицами, жившими въ Малороссіи.

Въ числѣ его показаній есть одна подробность, противурѣчащая мнѣнію установившемуся понынѣ. Въ 5-мъ пунктѣ отвѣтовъ онъ говоритъ, что посланъ былъ Орликомъ „въ волоскую землю въ мѣстечко Галицію (очевидно Галацъ) къ митрополиту тамошнему съ Мазепинымъ трупомъ, которымъ митрополитомъ тотъ трупъ тамъ похороненъ". Между тѣмъ Бантышъ-Каменскій описалъ весьма подробно смерть и похороны Мазепы, заимствовавъ это описаніе изъ исторіи Энгеля и изъ записокъ Ник. Ник. Бантышъ-Каменскаго [2]). Въ описаніи этомъ онъ категорически утверждаетъ, что „тѣло Мазепы предано землѣ въ Варницѣ близъ Бендеръ". Этотъ разсказъ Бантыша находитъ подтвержденіе и въ мѣстномъ преданіи; понынѣ проводники указываютъ путешественникамъ въ Варницѣ полуосыпавшійся курганъ на возвышенномъ берегу Днѣстра, какъ мѣсто погребенія Мазепы [3]). Мнѣніе это на столько общепринято, что

[1]) Бантышъ-Каменскій. «Исторія Малой Россіи», томъ III, примѣчаніе 187.
[2]) «Исторія Малой Россіи», т. III, стр. 124.
[3]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. «Поѣздка въ южную Русь», томъ II, стр. 388.

только свидѣтельство лица, провожавшаго тѣло покойника, въ состоянiи поколебать его; впрочемъ окончательно недоумѣнiе это можетъ быть рѣшено съ одной стороны открытiемъ надгробной надписи или метрической записи о похоронахъ Мазепы въ одной изъ галацкихъ церквей, а съ другой—раскопкою указываемаго у Варницы кургана.

1721 года марта 15 въ день въ коллегiи иностранныхъ дѣлъ рѣшено привезеннаго изъ Польши измѣнника Герцика распросить по нижеписаннымъ пунктамъ: и въ публичномъ апартаментѣ передъ полковникомъ и отъ гвардiи капитаномъ Петромъ Ивановичемъ Вельяминовымъ-Зерновымъ и передъ ассесоры тотъ привезенной изъ Польши измѣнникъ Герцикъ противъ пунктовъ распрашиванъ,

А въ распросѣ сказалъ:

1.

Какой онъ нацiи, и гдѣ родился, и въ которой вѣрѣ?

Григорьемъ зовутъ, Павловъ сынъ, прозваniемъ Герцикъ, вѣры благочестивой, дѣдъ его Семенъ, какъ онъ слыхалъ, пришолъ на Украйну изъ Литвы; а отецъ ево Павелъ и онъ Григорей родились въ Малой Россiи въ Полтавѣ, и былъ отецъ ево полтавскимъ полковникомъ передъ полковникомъ Искрою, и тому лѣтъ съ двадцать отецъ его умеръ; а послѣ отца ево осталось дѣтей: онъ Григорей да еще два брата Иванъ да Афонасей, да двѣ сестры Марья да Анна, и Марья выдана въ Переяславлѣ за попова сына Владимiра Максимовича, а Анна за измѣнникомъ Орликомъ. Онъ, Григорей, съ братьями своими по смерти отца жили всѣ въ маетностяхъ своихъ и уряду никакова не имѣли, въ наукѣ латинской онъ Григорей былъ въ Кiевѣ только одинъ годъ, и мало что того языка изучился.

2.

О Мазепиной измѣнѣ прежде его преступленiя къ королю шведскому свѣдомъ-ли онъ былъ, ибо, чаятъ, ему, отъ Орлика яко отъ зятя, о томъ сказывано?

О Мазепиной измѣнѣ прежде его преступленiя къ королю шведскому онъ не вѣдалъ, и отъ зятя своего Орлика и ни отъ кого о томъ

никогда не слыхалъ, и въ томъ походѣ съ Мазепою, когда онъ изменя перешолъ къ шведскому королю, онъ Герцикъ не былъ, а былъ въ Полтавѣ въ домѣ своемъ.

3.

Какъ онъ и для чего за Мазепою пошелъ и его царскому величеству измѣнилъ?

За Мазепою онъ пошелъ и его царскому величеству измѣнилъ такимъ случаемъ: какъ пріѣхалъ отъ Мазепы изъ Батурина въ Полтаву полковникъ ихъ Левенецъ и ничего онъ о Мазепиной измѣнѣ не объявлялъ; но послѣ того, спустя съ недѣлю, пріѣхалъ полковой сотникъ Василій Зеленейскій и, ѣдучи дорогою и пріѣхавъ въ Полтаву, объявлялъ всѣмъ, что Мазепа измѣня пошелъ къ шведу, и по такой вѣдомости собирались мужики въ городъ и старшину били и грабили, и отъ того купцы и знатные люди выбѣгали изъ города вонъ въ иные мѣста. въ то время и онъ Григорій, оставя жену и дѣтей своихъ съ братомъ своимъ Иваномъ, поѣхали за Днѣпръ, въ Корсунь, гдѣ они имѣли дворъ свой и маетности; а третій меньшой ихъ братъ былъ тогда при Орликѣ для науки, и какъ они пріѣхали въ Чигиринъ, и стоявшей тамо съ войски генеральной есаулъ Гамалей, и корсунской полковникъ Кандыба, которые въ томъ городѣ, по опредѣленію отъ Мазепы, держали насъ, ихъ Герцика съ братомъ одержали и въ Корсунь ѣхать не допустили и иныхъ малороссійскихъ жителей, которые изъ-за Днѣпра поуходили и тамо задерживали-жъ, и въ тотъ-же день пріѣхалъ туда и чигиринской полковникъ Мокѣевскій, и на другой день его Григорья и брата его Ивана и другихъ, кто въ то время съ сей стороны Днѣпра уходили и тамо одержаны, взяли и отвезли паки на сю сторону, и незнатныхъ роспустили, кто куда хотѣлъ, только-бъ за Днѣпръ не переходили, а ево Григорья съ братомъ и прилукскаго полковника Горленка дѣтей и иныхъ знатныхъ козаковъ привезли въ Лубны, а изъ Лубенъ въ Роменъ, гдѣ тогда Мазепа уже былъ.

4.

Въ бытность при Мазепѣ въ какихъ дѣлехъ онъ употребленъ былъ, и не вѣдаетъ-ли онъ, не имѣлъ-ли съ кѣмъ на Украйнѣ Мазепа корреспонденцію?

Какъ онъ въ Ромнахъ передъ Мазепу былъ представленъ и онъ спрашивалъ на немъ денегъ 400 руб., которые надлежали ему платить за аренду, и платить было ему нечемъ, и сталъ быть при обозѣ его, у присяги и у дѣлъ тогда, при животѣ Мазепы, онъ Герцикъ не былъ; а ѣздилъ при обозѣ безъ караулу и покупля вино, велѣлъ людемъ своимъ шинковать и тѣмъ кормился, и къ зятю своему Орлику и къ сестрѣ онъ хаживалъ, а имѣлъ-ли тогда Мазепа на Украйнѣ съ кѣмъ корреспонденцію, того онъ Герцикъ не вѣдаетъ, а когда король шведской посылалъ изъ Ромна обрѣтающагося при немъ резидента отъ Сапеги, Лимента къ Станиславу Лещинскому въ Польшу съ листами, съ которымъ Лиментомъ и Мазепа къ нему Лещинскому писалъ; а что король швецкой и Мазепа въ листахъ своихъ писали, того онъ не вѣдаетъ, и тотъ Лиментъ, не доѣхавъ до Днѣпра, паки возвратился къ королю шведскому, имѣя опасность отъ россійскихъ пословъ, а отъ Мазепы до полтавской баталіи и по баталіи уйтить и въ сторону царскаго величества придти онъ Герцикъ не смѣлъ, а держался при немъ, смотря на другихъ измѣнниковъ.

5.

По издохновеніи Мазепиномъ все-ль онъ былъ при Орлику и былъ-ли при королѣ шведскомъ, и не посыланъ-ли ко двору турскому или къ Хану для побужденія противъ его царскаго величества?

По издохновеніи Мазепиномъ жилъ онъ Герцикъ у Войнеровскаго за слугу, а не при Орликѣ, и живучи при Войнеровскомъ посыланъ былъ отъ него съ двѣмя ево челядниками и съ однимъ волохомъ въ волоскую землю, въ мѣстечко Галицію, къ митрополиту тамошнему съ Мазепинымъ трупомъ, которымъ митрополитомъ тотъ трупъ тамо похраненъ, а какъ оттуды возвратился, и Орлика нарѣкли они, измѣнники, своимъ гетманомъ, и послѣ того нѣсколько времени спустя призывалъ его Орликъ къ себѣ, говоря, что ему то непріятно, что онъ, яко его

свойственникъ, у Войнеровскаго служитъ, а Войнеровской ево отъ себя не опускалъ, и по прошенію Орликову шведской король присылалъ къ нему Войнеровскому комисара своего Золтана и ево Герцика у Войнеровскаго взявъ отдали Орлику, и былъ онъ при немъ Орликѣ, и отъ него Орлика посланъ полтавскаго полку съ обознымъ Дорошемъ на Кубань къ измѣннику Некрасову съ листомъ объявительнымъ, что онъ Орликъ учиненъ гетманомъ, а иного никакого письменнаго и словеснаго съ ними дѣла не было, и Некрасовъ съ ними отправилъ къ Бендерю, кубанскому султану Бахты-Гирею, сына своего и Бахты-Гирей присылалъ къ Орлику того Некрасова сына съ словесимъ на гетманствѣ поздравленіемъ. Потомъ по акціи при Прутѣ посланъ онъ былъ къ запорожцамъ и отвозилъ къ нимъ отъ короля шведскаго денегъ девять кесъ, всякой кесъ сочиняетъ 500 левковъ, а письма къ нимъ запорожцамъ были отъ Орлика; а прибывъ туда, посланъ былъ полковникъ Горленко, судья генеральный Долгополой, писарь Максимовичъ, и онъ Герцикъ съ листами отъ Орлика къ везирю, и тогда написалъ его Герцика Орликъ асауломъ генеральнымъ. Прося порты Орликъ себѣ и войску протекціи, такожъ и денегъ и провіанта, о которой посылкѣ говорилъ Орлику крымской ханъ, что надобно ему къ Портѣ своихъ нарочныхъ; а посылая ихъ Орликъ, далъ три инструкціи: одну показавъ королю шведскому, похлебствуя ему, другую публичную, въ которой было написано, что просить у Порты протекціи, денегъ и провіанта, и домогаться во владѣніе себѣ той бочной стороны Днѣпра, притомъ хотя онъ аккуратно сказать не упомнитъ, однакожъ помнится ему, что было такожде приказано отъ стороны Орликовой обѣщанія чинить, показывать свои Портѣ службы и быть въ вѣрности, когда они тотъ край отдадутъ; а третья инструкція, о которой онъ Герцикъ и полковникъ Горленко не вѣдали, дана была тайно одному писарю Максимовичу, а что въ ней написано, не знаетъ, а признали они Герцикъ и Горленко о той тайной инструкціи по возвращеніи изъ Царяграда, что стало у Орлика съ нимъ, писаремъ Максимовичемъ, несогласіе въ томъ, что Максимовичъ, уединяся отъ нихъ Герцика и Горленка и Долгополова, ходилъ къ резиденту шведскому Функу, и знатно о той тайной инструкціи ему объявилъ, въ которой писано было въ противность шведскому королю, о чемъ король отъ резидента своего чрезъ письма увѣ-

домясь, былъ на Орлика сердитъ и за то обѣщанныхъ ему 20000 ефимковъ не далъ, а будучи они у Порты въ Константинополѣ, получили Орлику 3 кесы; на войско 8 кесъ, которые деньги посланы были отъ визиря не съ ними, но съ Агою, да имъ-же вѣлѣно дать нѣсколько провіанта, собравъ съ волоховъ и съ татаръ, и съ тѣмъ Агою къ Орлику посланъ былъ листъ, съ котораго листа Горленко и Максимовичъ получили копію, еще будучи при дворѣ Порты, и переводилъ имъ тотъ листъ одинъ грекъ на латинской языкъ; а ему Герцику о томъ тайно было не сказано, знатно, что они ево опасались, чтобъ по свойству къ Орлику не писалъ, и сами боялись, чтобъ ихъ тамо не задержали, и какъ Ага съ тѣмъ листомъ пріѣхалъ къ Орлику и о томъ листу онъ Герцикъ увѣдомился, что въ ономъ было написано, что Порта опредѣлила ему Орлику быть подъ протекціею и подъ правленіемъ хана крымскаго, и для увѣренія-бъ онъ Орликъ далъ къ нему хану сына своего въ аманаты, и онъ Орликъ выразумѣвъ отъ Порты такое опредѣленіе, учинить того не похотѣлъ, однако-жъ деньги и провіантъ онъ Орликъ получилъ, а такого имъ полковнику Горленку съ товарищи отъ Орлика приказу, чтобъ Порту побуждать противъ царскаго величества, не было и въ инструкціи ихъ не написано, а въ той инструкціи Максимовичу что было писано, про то онъ не вѣдаетъ; а къ хану крымскому онъ никогда не посылалъ, а братъ ево Иванъ жилъ при немъ, Григорьѣ Герцикѣ, безъ всякаго уряду и кормился работою своею, дѣлалъ шоры и лядунки, а меньшаго брата Афонасья онъ Орликъ изъ службы своей отпустилъ и служитъ онъ въ Швеціи у полковника, родомъ поляка, Росохацкаго.

6.

Съ Орликомъ не корреспондовалъ-ли кто изъ малороссійскаго народу?

Съ Орликомъ изъ малороссійскаго народа кто корреспондовалъ ли или нѣтъ, того онъ не вѣдаетъ, только онъ вѣдаетъ, что передъ полтавскою баталіею въ Будищахъ писаны были универсалы въ миргородскій полкъ къ сотникамъ, чтобъ они полковника своего Данила Апостола скинули съ полковничества, и слышалъ онъ, что съ тѣми листами никто въ тотъ полкъ ѣхать не отважился.

7.

Какъ онъ въ Швецію за королемъ поѣхалъ, и кто (sic) *съ ними всѣхъ малороссіянъ туды въ Швецію переѣхало?*

Какъ король шведской изъ турецкой области поѣхалъ въ Швецію и за нимъ королемъ переѣхало туды-жъ малороссіянъ: Орликъ съ женою и съ тремя сыновьями: Григорей, которой нынѣ 24 лѣтъ, Михайло нынѣ 10 лѣтъ, Яковъ, рожденный въ Бендерѣ, у котораго воспріемникомъ былъ король, дочери: Настасья нынѣ 25 лѣтъ, Марфа рожденная въ Бендере-жъ, да судья Долгополой, которой умеръ въ Стокгольмѣ, Ѳедоръ Третьякъ, дозорца переволочинской, Ѳедоръ Мировичъ, переяславскаго полковника сынъ, Ѳедоръ Нахимовскій, Мазепинской слуга, да онъ Герцикъ съ двумя братьями. Ѣхали они чрезъ венгерскую землю на Вѣну, а съ Вѣны въ Стралзунтъ, и передъ взятіемъ Стралзунта жили въ немъ и на Ругенѣ лѣто, гдѣ у Орлика еще родилась дочь Марья, а оттуда переѣхали въ Сканію и дана имъ была квартира въ Христіянштатѣ, потомъ онъ Герцикъ взятъ на работу въ Кроль-скронъ, а Войнеровской изъ турецкой области выѣхалъ тогда-жъ и и остался въ Вѣнѣ, и онъ ево послѣ того не видалъ.

8.

Изъ Швеціи къ кому Орликъ писывалъ, и не имѣлъ-ли съ кѣмъ онъ Орликъ, тако-жъ и онъ Герцикъ и другіе корреспонденціи съ малороссіянами?

Орликъ еще изъ Бендеря посылалъ къ гетману Синявскому и отъ него Синявскаго письма получалъ, онъ-же тогда посылалъ къ гетману Ревутскому да къ Конецпольскому, а въ чемъ та корреспонденція ихъ состояла, того онъ не вѣдалъ, а вѣдалъ про тое ихъ корреспонденцію писарь Максимовичъ; изъ Стралзунта писалъ онъ Орликъ къ Ревуцкому-жъ, а Ревуцкой къ нему писалъ уже къ Швецію, какъ онъ Орликъ былъ въ Христіянштатѣ, которое письмо онъ Герцикъ у Орлика при отъѣздѣ изъ Стокгольма видѣлъ, въ которомъ написано, чтобъ Орликъ ево Ревуцкаго увѣдомилъ, гдѣ онъ живетъ; а къ малороссіянамъ онъ Орликъ изъ Швеціи и малороссіяне къ нему, тако-жъ и онъ Герцикъ и другіе измѣнники оттуды съ малороссіяны корреспонденціи не имѣли.

9.

Какъ онъ отправленъ, и къ кому изъ Швеціи, и что отъ короля было наказано, или отъ Орлика и къ кому какія съ нимъ письма были?

По смерти короля шведскаго, изъ Карлсъ-Крона пріѣхалъ онъ въ Стокгольмъ ради требованія задѣльныхъ своихъ изъ адмиралтейства денегъ и по нѣскольку времени пріѣхалъ изъ Христіянштата въ Стокгольмъ и Орликъ, и онъ Герцикъ съ нимъ тутъ видѣлся, и Орликъ изъ Стокгольма отъѣзжалъ паки въ Христіянштатъ, и по нѣскольку времени пріѣхалъ въ Стокгольмъ, а именно въ осень 1719 года, и въ то время позванъ онъ Герцикъ къ герцогу Гессенъ-Касельскому, чрезъ оберъ-коммисара Залтана, и говорилъ ему онъ, герцогъ Гессенъ-Касельскій, чрезъ того оберъ-коммисара, что какъ умершій король шведской взялъ Орлика и ихъ подъ свою протекцію и обѣщалъ при миротвореніи съ царскимъ величествомъ стараться у его царскаго величества о отпущеніи ихъ вины, въ томъ и онъ ихъ обнадеживаетъ; а понеже Орликъ имѣетъ и показывалъ ему листы изъ Дрездена, писанные отъ бискупа Куявскаго и отъ Ревуцкаго и отъ канцлера князя Вишневецкаго, которые писали указомъ короля польскаго, обѣщая ему Орлику протекція королевскую, и что дано будетъ ему мѣсто для его прокормленія и чтобъ Орликъ пріѣхалъ въ Бреславль, а оттуды писалъ-бы къ нимъ въ Дрезденъ, объявя о своемъ пріѣздѣ, и дабы для увѣренія того ѣхалъ напередъ въ Польшу, онъ Герцикъ, взявъ къ польскимъ сенаторамъ отъ Орлика письма и пріѣхавъ въ Польшу, отдалъ тѣ письма генералу Понятовскому, которой имѣетъ сенаторамъ отдать; а ему Понятовскому отъ него, герцога Гессенъ-Касельскаго, приказано о томъ стараться; а онъ Понятовской, бывъ въ Стокгольмѣ и отъѣхавъ въ Польшу передъ его отъѣздомъ мѣсяца за два, взялъ съ собою малороссіянъ Нахимовскаго и Мировича, и былъ-бы онъ Герцикъ въ Польшѣ и навѣдався о томъ, писалъ къ Орлику, какая ему въ той протекціи надежда будетъ, и что ему Орлику и всѣмъ ихъ измѣнникамъ лутчее будетъ, когда объ нихъ отъ двухъ коронъ, шведской и польской, къ царскому величеству стараніе будетъ, и съ тѣмъ-же оберъ-коммисаромъ Зултаномъ послалъ ево къ Орлику, и Орликъ писалъ письма къ бн-

скому Куявскому, къ гетману Ревуцкому, къ Вишневецкому да еще къ генералу Флемингу, къ Конецпольскому, Клямеру, къ Понятовскому, которые всѣ, запечатавъ въ одинъ пакетъ, надписалъ на имя Понятовскаго, а онъ Герцикъ ходилъ на свою квартиру для убиранія въ дорогу, и того-жъ дня паки къ Орлику онъ пришолъ съ полякомъ Рубановичемъ, съ которымъ онъ имѣлъ въ Польшу ѣхать, и Орликъ при томъ Рубановичѣ читалъ имъ листы, присланные изъ Дрездена отъ Куявскаго, Вишневецкаго и Ревуцкаго, писанные о вышеписанной матеріи, и при томъ Орликъ говорилъ, что понеже онъ, не имѣя въ Швеціи никакова довольства, оскудалъ и обнищалъ, а изъ Польши сенаторы обѣщаютъ ему протекцію и мѣсто дать къ пропитанію, и можетъ быть что ему, Орлику, въ Польшѣ лучше будетъ, того-бъ ради ѣхалъ онъ Герцикъ съ письмами ево туда и навѣдався тамъ увѣдомилъ ево вѣрно, что ему Понятовскій на письма ево скажетъ; а писемъ, которые онъ писалъ ему, не читалъ, а сказывалъ на словахъ, что писалъ къ оныхъ, прося сенаторей о рекомендаціи ево Орлика къ королю, а на словахъ ему Герцику приказывалъ Орликъ Лямеру напомнить прежнее ево Орликово желаніе, когда еще онъ, Орликъ, будучи при Бендерѣ, видѣлся съ нимъ, Лямеромъ (когда онъ былъ при ханѣ крымскомъ посланцомъ), что ежели король польской приметъ ево Орлика подъ свою протекцію и дастъ ему гдѣ мѣсто, чтобъ быть ему подъ одною ево королѣвскою протекціею, а не у Рѣчи Посполитой, при томъ-же далъ ему Герцику Орликъ печать запорожскую и письмо написанное ево Орликовою рукою, будто отъ запорожцовъ къ нему, что они ево Орлика зовутъ къ себѣ въ войско, и приказывалъ ему, Герцику, сыскать въ Бреславлѣ нѣкотораго малороссіянина Костю, которой у Войнеровскаго живалъ и велѣть ему то письмо переписать и данною печатью запечатавъ, къ себѣ чрезъ почту прислать для показанія въ Швеціи въ королевской канцеляріи, чтобъ ему чрезъ то къ полученію себѣ изъ казны королевской денегъ и къ отправленію ево оттуда лучшей способъ получить. Да съ нимъ-же Герцикомъ послалъ онъ Орликъ письмо къ хану крымскому благодарственное за содержаніе запорожцевъ, другое письмо къ запорожцамъ, съ котораго въ письмахъ ево есть копія, и съ тѣмъ ево и отправилъ, и выѣхалъ онъ Герцикъ изъ Стокгольма съ Рубановичемъ, не взявъ никакова проѣзжева листа; и отъ Стокгольма поѣхали до Малмы сухимъ

путемъ, а отъ Малмы до Копенгагена моремъ и въ Копенгагенъ прибыли прошлаго 1720 году на Богоявленьевъ день; изъ Копенгагена ѣхали черезъ Гамбургъ, Берлинъ, Бреславль въ Варшаву, а на дорогу отъ герцога Гессенъ-Касельскаго и Орлика ничего ему не дано, а везъ ево Рубановичъ на своемъ коштѣ.

10.

Что имъ въ Швеціи давалось жалованья, какъ Орлику, такъ и имъ?

Въ Швеціи давано жалованья при умершемъ королѣ Орлику и всѣмъ при немъ будучимъ измѣнникамъ по тринадцати тысячей курантъ талярей шведской монеты на годъ, и давано по четвертямъ года; изъ того давалъ онъ, Орликъ, имъ неравно по своему усмотрѣнію, а ему, Герцику, давано изъ тѣхъ денегъ по 24 талера тамошнихъ, а по смерти короля до отъѣзду его Герцикова ему Орлику и другимъ ничего не дано.

11.

Будучи въ Польшѣ, что дѣлалъ и къ кому имѣлъ листы, и отдалъ-ли оныя и не побуждалъ-ли изъ поляковъ кого къ противности его царскому величеству, и что отъ поляковъ кого слышалъ и писалъ до Орлика, и кто тутъ Орлику и ему Герцику былъ пріятелемъ и съ нимъ корреспондовалъ, и у кою онъ имѣлъ протекцію и вспоможенія, такожъ изъ саксонцовъ министровъ съ кѣмъ знаемости не имѣлъ-ли, и чрезъ нихъ и чрезъ другаго кого къ королю какихъ предложеній не чинилъ-ли, и отъ оного въ отвѣтъ что получилъ-ли, или какого съ королевской стороны ему предложенія не было?

Пріѣхавъ въ Варшаву стали на дворъ генерала Понятовскаго, и явясь ему, отдали пакетъ съ письмами, посланный отъ Орлика, и притомъ Рубановичъ его, Понятовскаго, спрашивалъ, что учинилъ-ли онъ что для Орлика, и Понятовскій отвѣтствовалъ, что еще ничего не сдѣлано, и всѣ письма, кромѣ двухъ—Лямера и Конецпольскаго, они, Понятовскій и Рубановичъ, сенаторамъ роздали, понеже въ то время король и они, сенаторы, при немъ были въ Варшавѣ; а Лямера въ Варшавѣ въ то время не было, а Конецпольскій по пріѣзду ихъ умеръ, и приказали ему писать при себѣ къ Орлику отвѣтъ, диктуя тако, что при принятіи тѣхъ писемъ Орликовыхъ всѣ тѣ сенаторы сожалѣли Орлика, что онъ при дворѣ короля шведскаго съ женою и дѣтьми пропадаетъ, а можетъ такой умной человѣкъ у всякаго монарха при дворѣ годиться и имѣть мѣсто, при шведѣ-же и другіе, которые были,

поляки Лещинскій, Сапѣга и иные пропали, и обѣщаются они, сенаторы, за него Орлика просить, чтобъ ево принялъ въ свою протекцію и мѣсто для пропитанія далъ, и когда-бы ево Орлика изъ Швеціи выслали, чтобъ онъ ѣхалъ въ Польшу въ мѣстечко Вилюнъ, которое отъ Штетина миль въ двѣнадцати принадлежитъ Сапегѣ, старостѣ бобруйскому, и жилъ-бы тамъ, покамѣсть король ему мѣсто назначитъ, подъ такою кондиціею, что не имѣть ему никакого характера, но яко простой шляхтичъ; о чемъ-де они сенаторы и Сапегу просили, чтобъ ево въ ту свою маетность принялъ, и когда онъ такое письмо написалъ и запечатавъ отдалъ Понятовскому для отсылки къ Орлику, и онъ то пясьмо къ Орлику послалъ чрезъ почту, и отъ себя о томъ-же они, Понятовской и Рубановичъ, писали; потомъ Понятовскій и Рубановичъ взяли у него Орликовъ листъ къ хану крымскому, который писанъ былъ по-польски и за отворчатою печатью, и казали Флемингу, спрашивали, какъ тотъ листъ отправить, и Флемингъ сперва того листа посылать не велѣлъ, потомъ, спустя недѣли четыре, онъ Флемингъ самъ тотъ листъ спросилъ и велѣлъ перевесть по латинѣ и, выразумѣвъ изъ онаго, велѣлъ тотъ къ хану листъ и другой къ запорожцомъ послать съ нимъ Герцикомъ, что ему Понятовскій объявилъ, и на дорогу давалъ сорокъ червонныхъ, но онъ не поѣхалъ, а отговорился своею болѣзнію, что онъ верхомъ ѣздить не можетъ; для того сысканъ въ Польшѣ вышеречениой Нахимовскій, которой изъ Швеціи выѣхалъ съ Понятовскимъ и жилъ въ Лещинѣ, и посланъ съ оными листами, а окромѣ тѣхъ листовъ къ хану и къ запорожцамъ ни отъ Флеминга, ни отъ другихъ польскихъ сенаторей, ни отъ него Герцика, ни отъ другихъ изъ Варшавы не послано, только Мировичъ въ дорогѣ изъ мѣстечка Вишневецъ князя Вишневецкаго, въ которомъ онъ Мировичъ жилъ, писалъ съ нимъ Нахимовскимъ къ Кошевому о выѣздѣ своемъ въ Польшу, и когда ему случится, то онъ и къ нимъ (какъ ему о семъ Нахимовскій сказывалъ) на Запорожье будетъ, и послѣ того получилъ онъ отъ Орлика на свое письмо отвѣтъ, въ которомъ онъ ему благодарствовалъ за увѣдомленіе, и чтобъ онъ и впредь ево, когда получитъ еще о дѣлѣ ево подлинное извѣстіе, писалъ, и тожъ другое отъ него Орлика письмо получилъ, въ которомъ онъ къ нему писалъ, что когда онъ самъ въ Польшу прибудетъ, то лучше дѣло свое испра-

витъ, и къ нему Орлику на первое письмо отвѣтствовалъ онъ Герцикъ, и при томъ объявилъ, что къ хану и запорожцамъ письма отправлены съ Нахимовскимъ, а онъ, Герцикъ, не поѣхалъ за болѣзнію; а, по принятіи другова письма, къ нему Орлику писалъ только, что онъ имѣлъ ѣхать съ Рубановичемъ въ Литву, и когда король хотѣлъ выѣзжать изъ Польши въ Саксонію и Понятовскій за нимъ-же, а Рубановичъ до отъѣзду ихъ поѣхалъ въ свою маетность въ Литву, а ему, Герцику, въ Варшавѣ остаться было не при комъ, то онъ Герцикъ отъѣхалъ съ Рубановичемъ въ маетность его Холуецъ, недалеко отъ Свисловичъ, и былъ тамо и въ Вильнѣ недѣль съ десять, и въ Вильнѣ получили Рубановичъ и онъ отъ Орлика письма, и въ томъ письмѣ Орликъ нарекалъ на него, Герцика, что онъ съ письмами самъ къ хану и къ запорожцамъ не поѣхалъ; и потомъ пріѣхали они оба паки въ Варшаву, и стали съ Рубановичемъ на одномъ дворѣ, гдѣ еще отъ Орлика получилъ четвертое письмо, въ которомъ написано, что онъ имѣетъ выправить отъ себя съ письмами къ сераскеру хотинскому брата ево Ивана и заѣхать къ нему приказалъ, и чтобъ онъ самъ съ нимъ съ тѣми письмами ево въ Хотинъ поѣхалъ; при томъ-же объявилъ, что король шведской и сенатъ отправляетъ на бранивицкой конгрессъ министровъ для трактованія о мирѣ и наказано имъ министрамъ за нихъ старатся, чтобъ въ трактатѣхъ было включено о ихъ прощеніи, и о томъ-же писалъ онъ Орликъ къ Понятовскому и къ Рубановичу, и на тѣ письма отвѣтствовали они всѣ трое къ нему Орлику, чтобъ онъ, оставя Швецію, ѣхалъ къ королю англійскому, для того, что есть у двора польскаго вѣдомость, что король англійской имѣетъ намѣреніе, оставя ихъ шведовъ, искать прежней дружбы съ царскимъ величествомъ, и тако тотъ монархъ лутче можетъ ему Орлику прощеніе у царскаго величества исходатайствовать, и чтобъ онъ Орликъ не имѣлъ болѣе кореспонденцій ни съ турки, ни съ татары, и къ запорожцамъ не писалъ, для того, что и король польской тако-жъ-де хочетъ къ нему таковую милость показать, что объ немъ прощеніе у царскаго величества испросить, а о дѣлехъ ево и о корреспонденціяхъ вѣдать не желаетъ; по семъ писалъ Орликъ къ Рубановичу и къ Нахимовскому, объявляя, чтобъ тотъ Нахимовской ожидалъ въ Варшавѣ ево экспедиціи, съ которою онъ имѣетъ паки поѣхать до Сѣчи запорожской; и вычитавъ то

письмо, Рубановичъ и Понятовской велѣли ему съ сочиненнаго ими письма въ отвѣтъ къ Орлику писать, что они Нахимовскаго до присылки ево экспедиціи въ Варшавѣ удержатъ. А въ Польшѣ сейму не было, а была только сессія. Мировичъ просилъ министровъ польскихъ, чтобъ за него заступали у посла царскаго величества, и испросили ему прощеніе, но министры польскіе до того ево не допустили, и давъ ему Понятовской листъ, отправилъ въ Крымъ и писалъ, чтобъ ему дано было тамо пропитаніе; при томъ-же написалъ онъ Герцикъ отъ воеводы кіевскаго Потоцкаго ему Орлику комплементъ, и чтобъ писалъ онъ Орликъ объ немъ Герцикѣ до Рубановича, чтобъ ево Герцика болѣе у себя не держалъ и отпустилъ-бы къ нему, воеводѣ кіевскому, для работы въ маетностяхъ ево, и того письма отослать онъ не успѣлъ; будучи онъ въ Варшавѣ и въ другихъ польскихъ мѣстахъ, ни у кого изъ сенаторей польскихъ (кромѣ одного воеводы кіевскаго), также и у саксонскихъ министровъ самъ не бывалъ и знаемости не имѣлъ и ничего съ ними, къ противности его царскаго величества, не говаривалъ, и письменно не корреспондовалъ, и никакой отъ поляковъ и саксонцовъ противности не слыхалъ, и кто изъ тѣхъ вышеписанныхъ министровъ, къ которымъ отъ Орлика письма были, къ нему Орлику пріятнѣе, то-жъ онъ не вѣдаетъ, и самъ онъ никого изъ поляковъ къ противности царскаго величества не возбуждалъ и королю никакихъ предложеній не чинилъ, и отъ короля ему такожъ никакихъ указовъ не было, только коммисію свою отправилъ чрезъ Понятовскаго и Рубановича, и отъ нихъ что слышалъ и что ему приказали, о томъ, какъ выше показано, къ Орлику писалъ; что-же Орликъ приказалъ сыскать въ Преславлѣ Войнеровскаго слугу Костю и написать отъ запорожцовъ къ себѣ листъ, и того Кости въ Преславлѣ они не нашли, и для того въ Варшавѣ Понятовской и Рубановичъ приказали ему, Герцику, при себѣ сдѣлать пакетъ, вложить въ оной проѣзжей листъ и запечатать данною ему отъ Орлика запорожскою печатью и, сдѣлавъ то, послали къ Орлику по почтѣ, и отъ него получили отвѣтъ, что тотъ пакетъ онъ принялъ и на томъ проѣзжемъ листу написалъ Орликъ самъ отъ запорожцовъ такое письмо, какое онъ самъ хотѣлъ, отписываяся отъ своей руки, и объявилъ то письмо въ королевской канцеляріи, что ему Орлику при дворѣ шведскомъ послужило къ ево пользѣ.

12.

Орликъ въ Швеціи намѣренъ быть, или куды ѣхать, и каковъ нынѣшней король къ нему и сенатъ, и какую имъ надежду подаютъ и что имъ обѣщаютъ?

Орликъ въ Швеціи быть не хотѣлъ, а желалъ лучше выѣхать въ Польшу, а каковъ къ нему нынѣшней король, того онъ не вѣдаетъ, для того, что при немъ еще нынѣшней король не былъ, а о сенатѣ слышалъ онъ отъ выше объявленнаго шведскаго оберъ-коммисара Зултана, что когда онъ Орликъ по смерти королевской пріѣхалъ въ Стокгольмъ, былъ у одного изъ сенаторей, Тоубе, прося о квартирѣ, и онъ ему съ крикомъ отвѣтствовалъ, что ему нынѣ не будетъ того, какъ при прежнемъ королѣ, квартиру-бы онъ нанималъ и кормился самъ собою, чего онъ Орликъ самъ знатно стыдился имъ сказать, а какъ онъ Герцикъ былъ въ другой разъ въ Варшавѣ и предъ самою поимкою сво, писалъ изъ Стокгольма полковникъ польской націи Росохатскій къ Рубановичу, что онъ Орликъ изъ Швеціи выѣхалъ, а куда и одинъ-ли или съ фамиліею, о томъ имянно не написалъ.

13

О бывшемъ прилуцкомъ полковникѣ, о Максимовичѣ и о Войнеровскомъ: знали-ль они про Мазепину измѣну, и въ какомъ кредитѣ у короля были?

Бывшей прилуцкой полковникъ Горленко, Максимовичъ и Войнеровской про измѣну Мазепину напередъ знали-ль, того онъ не вѣдаетъ, а какъ онъ отъ нихъ слыхалъ, сказывали, что не знали, а у короля умершаго ни въ какомъ кредитѣ они не были.

14.

Не имѣютъ-ли нынѣ съ кѣмъ корреспонденцію на Украйнѣ, и не писалъ-ли чего онъ къ кому, будучи въ Польшѣ?

Будучи онъ нынѣ въ Польшѣ, корреспонденцій на Украйнѣ ни съ кѣмъ не имѣлъ и ни къ кому ни о чемъ не писывалъ.

Въ семъ распросѣ сказалъ онъ Герцикъ сущую правду, и ничего не затаялъ, и не утаилъ, и никого не прикрылъ; а ежели что сказалъ неправду или что утаилъ, и за то-бъ указалъ царское величество учинить ему смертную казнь безо всякаго милосердія.

Подлинный распросъ по листамъ скрѣпленъ рукою Герцика тако: къ сему распросу Григорій Павловъ сынъ Герцикъ руку приложилъ.

Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

(1853—1857 г.).

Сообщилъ М. Т—овъ.

(Продолженіе)*).

6.

8-го ноября 1854 г.

Каждое письмо твое, друже мой добрый, приноситъ мнѣ тихую, чистую, сердечную радость; но послѣднее твое короткое посланіе меня изъ мертваго сдѣлало, по крайней мѣрѣ, полуживымъ. Писалъ тебѣ о Даниловскомъ, что онъ прогостилъ у насъ около двухъ мѣсяцевъ; въ продолженіи этого времени я съ нимъ сблизился до самой искренней дружбы. Онъ недавно уѣхалъ въ Астрахань, и я, проводивши его, чуть не одурѣлъ. Въ первый разъ въ жизни моей я испытую такое страшное чувство. Никогда одиночество не казалося мнѣ такимъ мрачнымъ, какъ теперь, и письмо твое такъ кстати пришлось ко мнѣ, что я не знаю, какъ тебя и благодарить за его, друже мой единый! Съ полученіемъ твоего письма я началъ приходить въ себя, началъ чувствовать и думать; правда, что думы мои по прежнему не радужные, но все-таки думы. Ты говоришь, что ты сродился въ своемъ углу съ безотраднымъ одиночествомъ; я самъ тоже думалъ, пока не показался въ моей тюрьмѣ широкой человѣкъ! Человѣкъ умный и благороный, въ широкомъ смыслѣ этого слова: и показался для того только, чтобы

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 161—176.

встревожить мою дремавшую бѣдную душу; все-же я ему благодаренъ, и благодаренъ глубоко.

Сердечно благодарю тебя за извѣстіе о Варварѣ: цѣлую трижды добраго Аркадія. На счетъ монаха напиши ему, чтобы онъ не безпокоился: деньги у меня пока еще имѣются. Я тебя давно уже воображаю въ Оренбургѣ, и уже другое письмо адресую по прежнему адресу. Когда ты пріѣдешь въ Оренбургъ, то напиши мнѣ и сообщи свой настоящій адресъ.

Агата тебѣ кланяется, а Ираклій пишетъ тебѣ письмо и адресуетъ въ Богословскъ. Зелинскій посылаетъ тебѣ поклонъ. Почтарь стоитъ надъ головою и не даетъ писать. Извини меня, друже мой, за мое короткое письмо и не разлюби искренного твоего—*III.*

Данилевскій тебѣ кланяется.

7.

10 февраля 1855 г.

Сердечно радуюсь твоему возвращенію, мой милый, мой сердечный, мой единый друже! Мнѣ легко и весело на сердцѣ стало, когда я прочелъ твое милое письмо, писанное уже въ Оренбургѣ. Мнѣ отрадно думать, что ты ко мнѣ хоть не совсѣмъ близко, а все таки приблизился на нѣсколько десятковъ миль, и теперь (завидую тебѣ, друже мой единый) любуешься добрыми и сердцу милыми лицами Карла и Михайла, и мнѣ самому грустно думать, что для полной твоей радости не достаетъ тебѣ вдохновеннаго Совы; завидую и радуюсь твоею радостью, друже мой Богу милый!

Ты просишь Бога—увидѣться теперь со мною. О, какъ я прошу Его объ этомъ! Но молитвы, знать, наши до него не скоро доходятъ. Вѣришь-ли, мнѣ иногда кажется, что я и кости свои здѣсь положу, иногда просто и одурь на меня находитъ, такая жгучая, ядовитая сердечная боль, что я себѣ нигдѣ мѣста не нахожу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе эта отвратительная болѣзнь усиливается. И то сказать: видѣть передъ собою постоянно эти тупыя и въ добавокъ пьяныя головы—человѣку и болѣе меня хладнокровному немудрено съ ума сойти; и я въ самомъ дѣлѣ отчаиваюся видѣть когда либо конецъ моимъ жестокимъ испытаніямъ.

Какое чудное, дивное созданіе непорочная женщина! Это самый блестящій перлъ въ вѣнцѣ созданій. Если-бы не это одно единственное, родственное моему сердцу, я не зналъ-бы, что съ собою дѣлать. Я полюбилъ ее возвышенно, чисто, всѣмъ сердцемъ и всей благодарной моею душою. Не допускай, друже мой, и тѣни чего либо порочнаго въ непорочной любви моей.

Она благодаритъ тебѣ сердечно за твое милое, искренное (письмо) привѣтствіе, а я и благодарить тебя не умѣю.

Ты спрашиваешь меня, можно-ли тебѣ взять кисть и палитуру; на это мнѣ отвѣчать тебѣ и совѣтовать довольно трудно, потому что я давно не видѣлъ твоихъ рисунковъ и теперь я могу тебѣ сказать только, что говаривалъ когда-то ученикамъ своимъ старикъ Рустемъ, профессоръ рисованія при бывшемъ виленскомъ университетѣ: *„шесть лѣтъ рисуй и шесть мѣсяцевъ малюй и будешь мастеромъ“*. И я нахожу совѣтъ его основательнымъ; вообще, не хорошо прежде времени приниматься за краски. Первое условіе живописи рисунокъ и круглота, второе колоритъ. Не утвердившись въ рисункѣ, браться за краски—это все равно, что отыскивать почью дорогу.

Если можно достать въ Оренбургѣ хорошій пейзажъ, масляными красками написанный, то попробуй его скопировать; но безъ хорошаго оригинала я тебѣ совѣтую кистей въ руки не брать.

Пеняешь ты, почему я тебѣ не прислалъ *Тріо* или *Христа;* эти вещи черезъ почту посылать неудобно, а случаи здѣсь такъ рѣдки, или, лучше сказать, ихъ вовсе не бываетъ. Я началъ еще лѣпить, въ нанданъ Христу, *Ивана Крестителя,* на текстъ *„Гласъ вопіющаго въ пустынѣ“*, и мнѣ-бы ужасно хотѣлося весной-же переслать тебѣ хоть форму, но не предвижу никакой возможности.

Кланяйся Карлу и скажи ему, что для смазыванія формы употребляется деревянное масло, смѣшанное съ свѣчнымъ саломъ по ломамъ, алебастръ или гипсъ розводится въ густоту обыкновенной сметаны, и, заливши форму, нужно дать трое сутокъ сохнуть въ сухомъ и тепломъ мѣстѣ, или на солнцѣ; потомъ немного погрѣть передъ огнемъ и сейчасъ-же тоненькимъ ножомъ отдѣлить осторожно предметъ отъ формы; но и въ этомъ, какъ и во всемъ, важную роль играетъ опытъ.

Я чрезвычайно радъ, что тебѣ поручена новая библіотека; лучше для тебя занятія я не могъ-бы придумать.

Какъ-бы я радъ былъ, чтобы ты сблизился съ В. А.

Посылки, о которой ты мнѣ пишешь, я еще не получилъ: она вѣрно зазимовала въ Гурьевѣ.

Что мнѣ Сигизмондъ [1]) ничего не пишетъ? Что онъ и гдѣ онъ? Напиши хоть ты объ немъ пару словъ. Что дѣлается съ Людвигомъ? и не имѣешь-ли какихъ извѣстій о А. П. и Ѳомѣ? Сообщи мнѣ.

А если увидишь Сову, или будешь писать ему, то разцѣлуй его за меня, за его прекрасные сердечные стихи. Мнѣ грустно, что я ему не могу ничего прислать своего произведенія. Онъ долженъ быть въ высшей степени симпатическій человѣкъ. Какъ-бы я былъ счастливъ, если-бы мнѣ удалося когда нибудь обнять и поцѣловать его!

Будешь писать къ Аркадію, кланяйся ему отъ меня. Кланяйся и Михайлу и всѣмъ, кто не забылъ меня.

Если увидишь Михайлова, скажи ему отъ меня, пускай онъ мнѣ напишетъ хоть что нибудь. Прощай, не забывай меня!

О чемъ такъ долго и такъ постоянно думаю, о томъ чуть было не забылъ просить тебя. Увѣдоми меня, принялъ-ли В. А. [2]) представленіе Фреймана обо мнѣ и пошло-ли оно дальше? Если ты знакомъ съ Фрейманомъ, то попроси его, пускай онъ тебѣ покажетъ мою *Ночь* акварелью.

Мы здѣсь о зимѣ и понятія не имѣемъ: въ продолженіи генваря мѣсяца съ 5° тепло не сходитъ, а я въ продолженіи всей зимы не снимаю кителя.

Кланяются тебѣ *Х.* и Ираклій.

Прощай еще разъ, мой незабвенный друже!

8.

25 сентября, 1855 г.

Вчера былъ я на Ханга-Бабѣ, обошелъ всѣ овраги, поклонился, какъ старымъ друзьямъ, деревьямъ, съ которыхъ мы когда-то рисовали, и въ самомъ дальнемъ оврагѣ—помнишь, гдѣ огромное дерево у са-

---

[1]) Сѣраковскій.—Пр. Бр. З—аго.
[2]) Василій Алексѣевичъ Перовскій.—Пр. Б—аго.

маго колодца обнажило свои огромные старые корни?—подъ этимъ деревомъ я долго сидѣлъ. Шелъ дождикъ, пересталъ; опять пошелъ, я все не трогался съ мѣста; мнѣ такъ сладко, такъ пріятно было подъ вѣтвями этого стараго великана, что я просидѣлъ-бы до самой ночи, если-бы не охотники (чтобъ имъ ни одного воробья не застрѣлить) меня потревожили. О, какія прекрасныя, свѣтлыя отрадныя воспоминанія въ это время пролетѣли надъ моей головою! Я вспоминалъ нашъ каратовскій походъ со всѣми его подробностями, тебя, Турно и кой-гдѣ изрѣдка Антонова; и онъ, хоть это весьма рѣдко бывало, иногда похожъ на человѣка. Когда-же воспоминанія мои перенеслись на Ханга-Бабу, я такъ живо представилъ себѣ это время, что мнѣ показалось, будтобы ты сидишь здѣсь за деревомъ и рисуешь; я тогда только опомнился, когда позвалъ тебя, и ты не отозвался; а тутъ и охотники пришли. Походъ въ Каратау на долго у меня останется въ памяти, навсегда.

Я уже двѣ почты пропустилъ, не писалъ тебѣ; чуть было и третьей не перепустилъ; а возвратясь изъ Ханга-Бабы, выдержалъ порядочный пароксизмъ лихорадки; боялся, чтобы не продлилась, но теперь, слава Богу, ничего: какъ съ гуся вода. Я извиняю себя еще и тѣмъ, что письмо мое все равно дожидало-бы тебя на почтѣ, пока ты возвратился изъ Уфы. Напиши мнѣ подробнѣе, добрый мой друже, о бѣдномъ нашемъ Совѣ: какъ и чѣмъ онъ живетъ и что онъ дѣлаетъ? Напиши все: меня глубоко трогаетъ этотъ страдалецъ.—Что дѣлаетъ Турно и гдѣ онъ? Письмо вдохновеннаго Сигизмунда [1]) я съ наслажденіемъ прочиталъ. Настоящій поэтъ! Не отвѣчаю ему теперь, потому что надѣюсь вскорѣ съ нимъ увидѣться въ Акъ-Мечети; а надѣюсь и потому, что ты мнѣ пишешь, не хочу-ли я туда? Хочу, куда угодно хочу! потому что я начинаю одурѣвать въ этомъ безотрадноднообразномъ прозябаніи. Прошу тебя, Карла и всѣхъ добрыхъ людей, кто можетъ помочь мнѣ хотя единымъ словомъ. Въ Акъ-Мечети хотя я не предвижу для себя слишкомъ отрадной перспективы, но по крайней мѣрѣ не буду видѣть этихъ голыхъ сѣрыхъ скалъ, которыя мнѣ

[1]) Сигизмундъ Игнатовичъ Сѣраковскій, тогда солдатъ, впослѣдствіи подполковникъ генеральнаго штаба, повѣшенный въ Вильнѣ въ 1863 г., во время послѣдняго польскаго возстанія.—Пр. Бр. З—скаго.

до того опротивѣли, что я радъ спрятаться отъ нихъ, но увы! куда спрятаться?

Послалъ я тебѣ съ Зелинскимъ экземпляръ *Trio,* а съ Фрейманомъ экземпляръ Спасителя; сходи ты на квартиру Фреймана и у слуги его Матвѣя спроси ящикъ на твое имя; кромѣ медальона, найдешь ты въ ящикѣ книги, которыя прошу тебя отдать переплести въ два или въ три волюма, какъ ты найдешь лучше, и оставь ихъ у себя до весны, а весною, если я останусь здѣсь, то перешли мнѣ ихъ. Я посылалъ эти книги въ Астрахань, и, вообрази себѣ, губернскій и еще портовый городъ переплетчика не имѣетъ! Настоящіе скифы!!

Если ты можешь какъ нибудь узнать о судьбѣ *княгини,* то сообщи мнѣ: меня она очень безпокоитъ. Узнай, Бога ради, цѣлъ-ли у Карла мой тюкъ съ платьемъ; тамъ есть въ карманѣ, въ пальто, дюжины двѣ карандашей Фаберъ № 3; возьми ихъ себѣ, а платье прибереги. Я не знаю, на чемъ я основываю надежду, а мнѣ кажется, что я это пальто носить еще буду, если его моль не съѣла. Нельзя-ли тебѣ будетъ достать, хоть у топографовъ, пару акварельныхъ кистей: у меня одна единственная осталась, да и та иступлена.

Я тебѣ надоѣдаю своими просьбами; но что-же дѣлать мнѣ? кромѣ тебя обратиться не къ кому, а въ тебѣ я совершенно увѣренъ, что ты не назовешь меня надоѣдалой, попрошайкою.

Вчера не дали мнѣ кончить письмо, а сегодня, вопреки ожиданію, пришла почта и привезла твое второе письмо съ драгоцѣннымъ для меня подаркомъ, съ портретомъ Совы. Я не знаю, какъ тебя и благодарить, друже мой, за этотъ подарокъ. Что-то близкое, родное я вижу въ этомъ добромъ, задумчивомъ лицѣ; мнѣ такъ любо, такъ отрадно смотрѣть на это изображеніе, что я нахожу въ немъ самаго искренняго, самаго задушевнаго собесѣдника! О, съ какимъ-бы наслажденіемъ я прочиталъ-бы теперь его *Іордана!* Но это желаніе несбыточное. Благодарю тебя, тысячу разъ благодарю за этотъ сердечный подарокъ.

Ты пишешь, что желалъ-бы сблизить меня съ нимъ покороче. Дай Богъ, чтобы всѣ люди были такъ коротко близки между собою, какъ мы съ нимъ; тогда-бы на землѣ было счастье! Пиши ему и цѣлуй его за меня, какъ моего роднаго брата. Если ты хочешь, чтобы моя радость была полная, то въ первое твое письмо, которое ты мнѣ на-

пишешь, вложи свой портретъ и портретъ Михайла, а если можно, то и Карла,—ты меня этимъ подымешь на седьмое небо.

Боже мой! Когда я увижу тебя? Когда я увижу доброе лицо Михайла и Карла? Грустно! Невыразимо грустно это безконечное ожиданіе.

Ты пишешь, что къ вамъ пріѣхали два просвѣщенныхъ любителя прекраснаго искусства; сердечно радуюсь такому рѣдкому явленію и душевно желаю, чтобы ты съ ними скорѣе познакомился; быть можетъ въ самомъ дѣлѣ ты встрѣтишь въ ихъ коллекціяхъ что нибудь замѣчательное, а это для тебя необходимо. Истинно изящное произведеніе на художника и вообще на человѣка сильнѣе дѣйствуетъ, нежели самая природа. Говоришь, что будто бы въ коллекціи начальника штаба есть оригиналы голландскихъ мастеровъ. Дай Богъ, чтобы это была правда! Я вотъ почему сомнѣваюсь: всѣ произведенія голландскихъ артистовъ XVII вѣка на перечетѣ, а въ послѣдующемъ столѣтіи Голландія была бѣдна замѣчательными мастерами. Но все таки лучше увидѣть что нибудь, нежели не видѣть ничего.

Прощай, мой единый друже! Кланяйся Средницкому и *ojcu prefektu* и не забудь мнѣ написать объ Аркадіѣ.

Не знаю, имѣлъ-ли какое вліяніе на судьбу мою всемилостивѣйшій манифестъ.

Съ послѣдней морской почтою пошлю тебѣ что нибудь въ родѣ Монаха, а теперь ничего не имѣю конченнаго, да правда и кончить порядочно нечѣмъ.

9.

21 апрѣля.

Христосъ Воскресе!

Я такъ давно не писалъ тебѣ, искренній мой друже, что теперь не знаю, съ чего и начать? Начну съ сердечной моей благодарности за твою пересылку, которую получилъ я отъ И., и за будущіе твои пересылки, о которыхъ ты мнѣ пишешь; еще разъ благодарю. Что-же я тебѣ пошлю? Ропотъ на судьбу, ничего больше; а впрочемъ, кромѣ этой грустной посылки, посылаю тебѣ два куска шерстяной матеріи;

любой изъ нихъ выбери себѣ на память обо мнѣ, а другой продай и пришли фотографіи. Еще посылаю тебѣ *Варнака* и *Княгиню;* прочитай ихъ и поправь, гдѣ нужно, отдай переписать и пошли по слѣдующему адресу: „въ С.-Петербургъ, въ академію художествъ, художнику Николаю Осиповичу Осипову [1]), на квартирѣ графа Толстаго,—а если имѣешъ тамъ добраго и надежнаго человѣка, то пошли на его имя для извѣстнаго употребленія. Еще посылаю тебѣ случайно мнѣ попавшееся въ руки объявленіе о изданіи *„Monumenta Regum Poloniae Cracovientia“*. Мнѣ кажется, что это хорошее изданіе, то не вздумаешъ-ли ты его выписать.

Ты такъ прекрасно говоришь мнѣ о генералѣ Бюрно, что и я полюбилъ его такъ, какъ ты его любишь; это явленіе весьма рѣдко между господами генералами. Жаль, что онъ скоро, какъ ты говоришь, оставляетъ Оренбургъ. Онъ, говорятъ, пользуется хорошимъ вниманіемъ графа В. А. [2]). Попроси его, не можетъ-ли онъ для меня сдѣлать что нибудь, хоть вырвать меня изъ этого проклятаго гнѣзда. Я не знаю, что думать о моемъ упорномъ несчастіи. Львовъ-ли причиною его, или кто нибудь выше его? Во всякомъ случаѣ безъ В. А. [3]) для меня никто ничего добраго сдѣлать не можетъ, окромѣ государя. Напиши ты Аркадію и проси его отъ меня, чтобы онъ повидался, или написалъ Варварѣ на счетъ прошенія на высочайшее имя; она не должна отказать во имя нашей дружбы и христіанскаго милосердія.

Теперь долженъ быть въ Оренбургѣ А. И. Бутаковъ [4]); кланяйся ему отъ меня и проси его, не можетъ-ли онъ ходатайствовать обо мнѣ у В. А., проси его, проси всѣхъ, мой нелицемѣрный друже! Тебѣ болѣе, нежели кому нибудь, извѣстно мое горькое положеніе. Такое продолжительное испытаніе, какъ я терплю, извиняетъ меня передъ тобою въ моей назойливости. Постоянное несчастіе и твердѣйшіе характеры разрушаетъ, а мой и въ лучшее время принадлежитъ къ числу непрочныхъ.

---

[1]) О немъ см. въ книгѣ г. Чалаго, стр. 89 и далѣе.

[2]) Василія Алексѣевича Перовскаго.—Бр. З.

[3]) Тоже.

[4]) Объ отношеніяхъ его къ Ш—ку см. у г. Чалаго, стр. 74.

Съ слѣдующей почтой, если буду въ силахъ, напишу Совѣ, а въ настоящее время я такъ встревоженъ, такъ нравственно убитъ, что не могу простой мысли связать въ головѣ моей бѣдной, а не то, чтобы написать что нибудь похожее на дѣло. Пиши ему, цѣлуй его отъ меня, желай ему, какъ и я желаю, полнаго здоровья и всякаго счастія.

Кланяйся отъ меня Карлу, и не забудь прислать мнѣ фотографическое поличіе.

Цѣлую Михайла, Людвига, Евстафія, Сигизмунда и всѣхъ меня помнящихъ. Прощай, мой единый друже! Не забывай меня.

Я пишу тебѣ такъ рѣдко и такъ мало, что мнѣ совѣстно передъ тобою; но что дѣлать? Самъ знаешь, о чемъ я здѣсь могу писать пространно, или хоть даже кратко, но о чемъ? однообразіе и тоска!

Чуть было не забылъ. Бюрно совѣтуетъ тебѣ оставить службу и посвятить себя искусству. Онъ имѣетъ основаніе такъ тебѣ совѣтовать: у тебя есть любовь къ искусству, а это вѣрное ручательство за успѣхъ. Однако съ оговоркою: къ любви нужно прибавить хоть самое умѣренное обезпеченіе, по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять, чтобы прежде времени не начать работать изъ-за насущнаго хлѣба. Нужда охолодитъ любовь и тогда все пропало. Я больше ничего не могу сказать, искренный друже!

10.

10 іюня 1856 г.

Сегодня я получилъ твое во всѣхъ отношеніяхъ для меня дорогое письмо. Сегодня-же и отвѣчаю, сегодня вечеромъ и почта отходитъ и если мало напишу тебѣ, то это извини мнѣ, друже мой единый.

Я началъ уже было на тебя сердиться за твое долгое молчаніе, забывши мудрое правило: „Когда нечего сказать добраго, то лучше молчать“. Ты мнѣ напомнилъ это правило и я тебѣ благодаренъ. Все посланное тобою я получилъ съ благодарностью. Карандаши еще не пробовалъ, да не на чемъ, правду сказать, и пробовать; мнѣ здѣсь все, начиная съ людей, такъ омерзѣло, что я и не смотрѣлъ-бы на ничто. Пишешь ты, что Карлъ не нашелъ моихъ карандашей; онъ вѣроятно забылъ или совсѣмъ не знаетъ, гдѣ онѣ хранятся. У него оставилъ я небольшой тюкъ съ платьемъ; тамъ, между прочимъ, есть пальто,

а въ томъ пальто въ карманѣ двѣ дюжины карандашей Фабера № 3. Если найдешъ ихъ, то возьми себѣ, а для меня и присланныхъ тобою на долго станетъ, потому что терминъ моего заключенія безконеченъ, а здѣсь совершенно дѣлать нечего. Пріѣхалъ сюда старикъ Козловъ Штейгеръ,—помнишъ, что съ Антоновымъ ходилъ въ Кара-Тау. Онъ тоже теперь отправляется тамъ для собранія коллекцій окаменѣлостей. Думалъ было и я съ нимъ проситься, да раздумалъ. Хорошо, весело было тогда намъ съ тобою; одному было-бы мнѣ точно также скучно, какъ и въ укрѣпленіи, съ тою развѣ разницею, что я долженъ былъ подчиняться пьяному козачьему офицеру; и это то больше и было причиною моего раздумья.

Я очень радъ, что ты оставилъ масляныя краски, и очень не радъ, что ты занимаешься теперь фотографіею. Она у тебя много времени отнимаетъ теперь, а послѣ, я боюся, ты увлечешься ею, когда покажутся удовлетворительные результаты. Это дѣло химіи и физики; пускай Михайло и занимается ими, а тебѣ это, какъ художнику, повредитъ. Фотографія какъ ни обольстительна, а все таки она не заключаетъ возвышеннаго прекраснаго искусства. А между прочимъ если ты не читалъ, то прочитай прекрасную статью Хотинскаго и Писаревскаго о фотографіи въ Современникѣ за 1852 г., не помню какой №.

Сигизмунду и Алексѣю я писалъ, будучи совершенно увѣренъ, что они въ Оренбургѣ; но это все равно: благодарю тебя, что отослалъ имъ письмо. Я писалъ Алексѣю, чтобы онъ справился черезъ своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ о рукописи *К. Дармограя*; но такъ какъ ему теперь почти невозможно, то прошу тебя, если ты имѣешъ знакомаго въ столицѣ, то чтобы онъ зашелъ въ контору „Отечественныхъ Записокъ“ и взялъ (если она только не напечатана) рукопись подъ названіемъ: *Княгиня*, *К. Дармограя*, и прислалъ-бы ее тебѣ, или передалъ въ другой журналъ; если-же напечатана, то что-бы сдѣлалъ условіе съ редакторомъ, на какихъ условіяхъ можетъ К. Дармограй доставлять въ редакцію свои рукописи. У Карла есть братъ въ Петербургѣ, попроси его,—у меня тамъ знакомыхъ не осталось.

А между прочимъ скажи ты мнѣ ради всѣхъ святыхъ, откуда ты взялъ эти вялые, лишенные всякаго аромата, *кіевскіе ландыши?* Бѣдные земляки мои думаютъ, что на своемъ чудномъ нарѣчіи они

имѣютъ полное право не только что писать всякую чепуху, но даже и печатать! Бѣдные! и больше ничего. Мнѣ даже совѣстно и благодарить тебя за эту, во всѣхъ отношеніяхъ тощую, книжонку.

Trio пришлю тебѣ съ Зелинскимъ. Вѣроятно вамъ опыты не удались по моимъ наставленіямъ; хотѣлъ я и книги твои переслать тебѣ съ нимъ, но онъ не беретъ. Перешлю осенью съ Штейгеромъ.

Много еще кое-чего нашлося-бы передать тебѣ, друже мой; но почта на носу виситъ, а потому и кончаю. Бывай здоровъ и счастливъ, мой друже единый. Пиши и цѣлуй отъ меня Сову. Кланяйся Карлу и Михайлу и Станкевичу. Прощай.

Повидайся съ Лазаревскимъ и попроси его, чтобы онъ сообщилъ тебѣ адресъ своего старшаго брата, а ты сообщи его мнѣ.

Узнай, пожалуста, у Карла, цѣлъ-ли мой альбомъ?

11.

10 апрѣля.

Я ничего не пишу тебѣ съ этою почтою, мой друже единый, потому что добраго написать нечего, а о скверномъ, то узнаешь изъ письма А. П. Прошу тебя только, если ты можешь, объясни мнѣ, что все это значитъ. Какимъ родомъ могло быть предпочтено представленіе генерала представленію маіора? Это для меня вопросъ темнѣе безлунной ночи. Напиши мнѣ, кто такой Станкевичъ? Я знаю, что это добрый человѣкъ, и больше ничего не знаю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я забылъ тебѣ сказать, чтобы ты ходилъ въ свободное время за Уралъ въ паркъ или рощу и дѣлалъ этюды; тамъ есть образцы живописныхъ деревьевъ. И еще разъ скажу тебѣ: съ масляными красками будь остороженъ, пока не утвердишься въ карандашѣ. Ничего больше теперь не имѣю сказать тебѣ. Прощай! Не забывай меня, мой единый друже! Цѣлуй *ojca prefekta*, Карла, Цейзика и всѣхъ, кто вспомнитъ обо мнѣ.

Въ продолженіи восьми лѣтъ, кажется, можно-бы было пріучить себя ко всѣмъ неудачамъ и несчастіямъ, — ничего не бывало... Настоящее горе такъ страшно потрясло меня, что я едва владѣлъ собою. Я до сихъ поръ еще не могу прійти въ себя; въ такихъ случаяхъ ну-

женъ сердцу самый искренный, самый безкорыстный другъ. Полуучастью тутъ не мѣсто; оно хуже холоднаго эгоизма.

Счастливы тѣ, для которыхъ слово: «участье» больше ничего, какъ пустое слово! Когда я доживу до этого счастія?

А моя нравственная, моя единственная опора, и та въ настоящее время пошатнулась, и вдругъ сдѣлалась пустой и безжизненной: картежница, ничего больше! или это мнѣ кажется такъ, или оно въ самомъ дѣлѣ такъ есть. Я такъ ошеломленъ этою неудачею, что едва различаю черное отъ бѣлаго.

Когда будешь писать Совѣ, кланяйся ему, а мнѣ объ немъ напиши подробнѣе, потому что я знаю его, какъ поэта, и ничего больше.

Прощай, мой друже! Кернера и протчее я получилъ исправно. Теперь ожидаю карандашей и, если можешь, то пришли 1 и 2 томы B. Zalieskiego.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письма Гоголя къ В. В. Тарновскому.

(1833—1834 г.).

Письма Гоголя, предлагаемыя нынѣ вниманію читателей, относятся къ лучшей порѣ жизни и таланта великаго писателя и дополняютъ прежній матеріалъ для объясненія его внутренней жизни и характера въ ту пору. Они дышатъ юношескою свѣжестію, говорливостію на распашку, желаніемъ развеселить любимаго товарища. Въ нихъ подтверждаются вновь тѣ черты, которыя мы уже знаемъ въ Гоголѣ,—его сердечная память о товарищахъ, его прямое участіе въ судьбѣ ихъ, заботливость объ ихъ лучшей участи, желаніе помочь имъ словомъ и дѣломъ, его живые разсказы и распросы объ нихъ,—черты, которыя такъ рѣдко встрѣчаются въ однокашникахъ, особенно нынѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гоголь дорожитъ полнотою писемъ товарища и даетъ ему обильный матеріалъ для отвѣта, предлагая множество самыхъ разнородныхъ вопросовъ.

Подлинники писемъ написаны на листахъ въ осьмушку, съ немногими помарками и поправками, съ обычными Гоголю орѳографическими ошибками и описками, которыхъ мы не сочли нужнымъ воспроизводить здѣсь. Первое изъ этихъ писемъ написано старательно, тонкимъ, какъ-бы женскимъ, почеркомъ; другія два съ большею свободою, бѣглымъ, крупнымъ почеркомъ. Личность В. В. Тарновскаго, корреспондента Гоголя, товарища его по нѣжинской гимназіи, уже извѣстна читателямъ «Кіевской Старины» изъ писемъ къ нему Шевченка. Подлинники писемъ хранятся у сына его, В. В., и сберегаются съ любовію, достойною великаго писателя. Къ печатаемымъ письмамъ мы прилагаемъ нѣсколько необходимыхъ поясненій.

I.

1833 г., октября 2, Спб.

«Фу ты пропасть, какая скорая почта! Письмо твое, писанное въ апрѣлѣ, я получилъ въ октябрѣ. Рудановскій [1]) весною не нашелъ меня, въ продолженіи-же лѣта не могъ найти, потому что я лѣто и часть весны живу на дачѣ, весьма не близко отъ города. Какъ-бы то ни было, только я обрадовался письму, чертовски запоздалому. Я былъ очень сердитъ на тебя, что ты вдругъ заглохъ и не далъ никакой объ себѣ вѣсти. Потомъ сердце мое прошло. Я хотѣлъ писать къ тебѣ, не смотря на два года антракта [2]). Освѣдомлялся о твоемъ жительствѣ у дядюшки твоего, «что съ сладкою миною» (и) у *настоящаго* [3]); но ни одинъ изъ нихъ не далъ мнѣ никакого удовлетворительнаго отвѣта. Дядюшка объявилъ, что «совершилъ-де какой-то странной карьеръ и находится, не смотря на древность фамиліи, учителемъ въ волынской, или литовской, или гродненской губерніи». Я, зная самъ, что русское землеописаніе есть самая неблагопристойная вещь, не утруждалъ его вопросомъ, что́ значитъ именно волынская, и что́ литовская, и что́ гродненская, и въ которой изъ нихъ долженъ обрѣтаться ты, и рѣшился было писать къ твоей маменькѣ въ славную губернію Антоновку [4]) Но Рудановскій съ письмомъ твоимъ весьма во время упредилъ меня. И такъ, ты находишься въ Житомірѣ... Житомiръ! Клянусь Іисусомъ, если мнѣ не во второй разъ только приходится произносить это имя. Одинъ разъ, когда Мойсеевъ [5]) спрашивалъ урокъ, а другой нынѣ. Житомiръ!... у тебя должно быть много слушателей жидовъ. Тебѣ

---

[1]) Товарищъ по нѣжинской гимназіи, выпуска 1832 г., впослѣдствіи кавказскій генералъ.

[2]) Значитъ, были письма Гоголя къ Тарновскому и въ 1831 году, но они не сохранились.

[3]) Подъ дядюшкой «съ *сладкой миной*» Гоголь разумѣлъ Григ. Ст. Тарновскаго, бывшаго владѣльца Качановки, скончавшагося 1853 г., дек. 9. Въ то-же время былъ въ Петербургѣ и другой дядя Тарновскаго.

[4]) Антоновка — село пирятинскаго уѣзда, полт. губ., принадлежитъ нынѣ брату Вас. Вас., Владиміру Вас.

[5]) Мойсеевъ — профессоръ русской исторіи и статистики въ нѣжинской гимназіи (1820—1837 г.).

должно удовлетворить меня подробнымъ описаніемъ этого города въ отношеніи къ тебѣ, только чтобъ это описаніе не пахло каѳедрой. Какъ у тебя бѣжитъ день твой? Домосѣдъ-ли ты или гость? Какова твоя даже квартира, и проч., и проч ?—О себѣ совершенно не имѣю ничего сказать: я давно не видался съ тобою; должно думать, что все таковъ, какъ прежде, хотя лѣнивъ, нестерпимо лѣнивъ.

Наши одноборщники [1]) всѣ, слава Богу, здоровы. Прокоповичъ Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисѣ. Прокоповичъ Василій получилъ х ..... [2]). Кукольникъ навалялъ дюжину трагедій. Романовичъ не добылъ ума ни на копѣйку послѣ того, и часто, идя на должность изъ Литейной на Гагаринскую, забѣгаетъ по дорогѣ ко мнѣ въ Малую Морскую. Данилевскій опять здѣсь, только служитъ не въ военной, а въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. *Благопристойный,* иначе Николай Бороздинъ, кланяется тебѣ (его костыль получилъ такую гибкость, что онъ отваживается съ нимъ даже плясать мазурку). Кобеляцкій такъ-же мастерски умѣетъ плясать, какъ и прежде. Прочія лица такъ-же безцвѣтны, какъ и прежде. Не видалъ-ли ты, или не слыхалъ-ли чего-нибудь о Лукашевичѣ, особенно о Высоцкомъ, и что Редкинъ?

Прощай! Если ты мнѣ напишешь поподробнѣе, то, можетъ быть, и я роспишусь.

Твой Гоголь.

Адресъ мой: въ Малой Морской, въ домѣ подъ № 97, артиста Лепена, прямо Гоголю, Яновскаго не называть.

---

[1]) Гоголь составляетъ свое слово (вмѣсто однокашники), которымъ хочетъ обозначить не однихъ товарищей по выпуску, но вообще земляковъ, полтавцевъ. Лица, о которыхъ онъ говоритъ далѣе, студенты *разныхъ* выпусковъ, а Кобеляцкій и Лукашевичъ вовсе не были товарищами по гимназіи; только Данилевскій одного выпуска съ Гоголемъ (1828 г.).

[2]) Крѣпкое словечко, одно изъ тѣхъ, которыя Гоголь позволялъ себѣ въ письмахъ къ короткимъ пріятелямъ.

II.

Спб., 1834 г. августа 7.

Извини меня, любезный Василь [„э, Василь! а що, якъ-бы гимназія сгоріла?“] [1]), извини, что долго не писалъ къ тебѣ. Я немного обчелся въ обстоятельствахъ своихъ. Думалъ было на каникулахъ быть въ Малороссіи и лично видѣться съ тобою, откладывалъ нарочно для того писать къ тебѣ; но ничего этого не случилось. Я по прежнему пребываю въ Питерѣ. Посылаю тебѣ Нибура столько книгъ, сколько до сихъ поръ переведено на французскомъ.

Что, видѣлъ-ли ты Редкина? Онъ поѣхалъ на мѣсяцъ полобызаться съ батюшкою и потомъ долженъ опять возвратиться сюда. Онъ говорилъ, что если ты будешь дома, то заѣдетъ къ тебѣ въ Антоновку; если-же ты будешь въ Житомірѣ, то по краткости времени не можетъ заглянуть къ тебѣ туда. Ну, каково живутъ дѣла твои? Какъ ты проводишь дома время каникулъ? Что болящій? что дядюшка Гриша Степановичъ? Что попъ, который говоритъ: *„и чого-бъ таки сидить такъ? вы-бъ таки або жалы, або танцювалы и такъ и такъ!“* Бываешь-ли ты часто въ Кіевѣ? Вѣдь тебѣ, кажется, чрезъ него лежитъ дорога домой. Я слышалъ, что Бѣлоусова дѣла [2]) довольно поправились, я этому очень радъ. Да, пожалуста, скажи, если будешь въ Кіевѣ, Максимовичу, который тамъ профессоръ словесности, скажи, что я просто пріѣду и поколочу его на всѣ боки. Что въ самомъ дѣлѣ за дрянь такая! Вотъ ровно мѣсяцъ, если не больше, какъ я отъ него ни строки

---

[1]) Гоголь очевидно вспоминаетъ ту фразу, которою часто обмѣнивались школьники-товарищи въ низшихъ классахъ (а, пожалуй, обмѣниваются и нынѣ) о своемъ учебномъ заведеніи: «какъ было-бы хорошо, еслибы гимназія сгорѣла! Насъ-бы роспустили!» ... и проч.

[2]) Бѣлоусовъ—профессоръ и инспекторъ нѣжинской гимназіи во время Гоголя; въ 1830 г. онъ былъ удаленъ со службы по интригамъ своихъ товарищей, и только въ 1834 г. онъ пріобрѣлъ себѣ покровительство графа Левашева, кіевскаго генер.-губерн., и ему дозволено было поступить на службу въ Кіевѣ по гражданской части; умеръ въ 1854 г. «Нѣжинскіе профессора—большіе бестіи», писалъ по этому поводу Гоголь.

не получаю. По крайней мѣрѣ изъ Кіева онъ мнѣ ни двухъ запятыхъ [1]) до сихъ поръ не написалъ, и я не знаю, что съ нимъ, мерзавцемъ, дѣлается. Ты скажи ему, что я велѣлъ ему—особенно полюбить тебя и стараться перевести тебя въ Кіевъ, хотя адъюнктомъ, потому что киснуть тебѣ въ литовскомъ городѣ не годится. Что, какъ твое здоровье? Какъ с..... ты, въ круть или въ смятку? и регулярно, или нерегулярно? Также на счетъ поясницы и прочихъ почечуйностей. Каково идетъ ваша житомірская гимназія? Часто-ли посѣщаетъ васъ пресловутый Б...? [2]). Ну, какой сволочи набрали въ вашъ кіевскій университетъ! Мнѣ даже жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попалъ между нихъ. Можно-ли это? Новый университетъ! тутъ-бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новыхъ профессоровъ, а вмѣсто этого набрали старой плѣсени изъ глупаго кременецкаго лицея. Я самъ было думалъ въ кіевскій университетъ, да къ счастію не сошелся съ вашимъ Б., остался въ здѣшнемъ, и лучше, потому что черезъ четыре мѣсяца получаю здѣсь экстраординарнаго профессора.

Не слышалъ-ли чего нибудь о нашихъ, особенно о Лукашевичѣ старшемъ [3]), или о Высоцкомъ? Видаешь-ли Маркова? Кажется, мнѣ кто-то говорилъ, что онъ намѣревался сюда ѣхать. Имѣешь-ли хорошій аппетитъ и чѣмъ именно болѣе всего обжираешься—арбузами, или дынями, или грушами? Много-ли ходишь, прогуливаешься и вообще дѣлаешь муціону (sic!), и есть-ли у васъ гдѣ нибудь такія мѣста, гдѣ можно прогуляться? Чѣмъ изобилуетъ въ это время Житоміръ? И какой у..... [4]) обыкновенно употребляешь—фаянсовый, или мѣдный?

Впрочемъ, да хранятъ тебя вышнія власти!

Будь здоровъ, пиши и не забывай твоего Гог... [5]).

---

[1]) Вмѣсто *«ни двухъ запятыхъ»* прежде было написано *«ни строчки»*; но Гоголь, какъ видно, перечитывалъ это письмо и замѣтилъ повтореніе одного и того-же слова. Въ это время Гоголь по-два и по-три письма въ мѣсяцъ писалъ Максимовичу, интересуясь Кіевомъ.

[2]) Брадке, бывшій тогда попечителемъ въ Кіевѣ. Гоголь его крѣпко не взлюбилъ за то, что Брадке предпочелъ ему проф. Цыха на каѳедру всеобщей исторіи въ кіевскомъ университетѣ.

[3]) Во второй разъ уже Гоголь вспоминаетъ о Лукашевичѣ, но въ спискѣ его товарищей мы не находимъ этого имени. Марковъ—товарищъ Гоголя, одного съ нимъ выпуска.

[4]) Опять крѣпкое словечко.

[5]) Въ подписи можно разобрать только «Гог.», а все остальное слилось въ самыя проказливыя завитушки, словно у Гоголя перо закружилось.

III [1]).

Письмо твое получилъ тоже не слишкомъ по скорой почтѣ. Хорошъ, братецъ, ты! Пишешь съ 1 сентября, а я получаю 20. Между тѣмъ какъ письмо изъ Житомира идетъ никогда не больше 10 дней. Ты, вѣрно, поступаешь со мною такъ-же, какъ я съ почтенными родителями своими, т. е. выставляешь заднимъ числомъ. Что я не пишу аккуратно къ тебѣ, это извинительно, потому что я лѣнивъ; но что ты не пишешь, то это вовсе непростительно тебѣ, потому что ты былъ всегда трудящимся человѣкомъ... Ну, какъ поживаешь? Да: что тебѣ за охота думать о перемѣщеніи въ Нѣжинъ? Охота-же возиться съ этою дрянью, каковы напримѣръ Мазепичъ-Самойленко, Лопушевскій, Урсо и прочіе [2]). Мнѣ кажется, нѣтъ лучше тебѣ мѣста, какъ въ Кіевѣ. Если хочешь, я напишу объ тебѣ Максимовичу; но если до того времени увидишься съ нимъ, то скажи ему только, что ты мой товарищъ. Мы съ нимъ большіе друзья, и онъ для тебя, вѣрно, съ большою готовностію будетъ стараться. Имѣешь-ли ты нужныя пособія для твоихъ лекцій? Какими ты курсами руководствуешься? Есть-ли у тебя Исторія Мишеленовая, или средняя Демишеля, и если неполныя, то, по крайней мѣрѣ, Précis? Если нѣтъ, то увѣдоми меня: я тебѣ постараюсь ихъ выслать.

А что, какъ твоя женитьба? А я собираюсь крестить маленькаго крикуна-козленка, который имѣетъ отъ тебя быть. Пожалуста, увѣдоми меня, когда будутъ крестины. Какъ идетъ ваша административная, ученая часть? Что говорятъ объ университетѣ, о профессорахъ, о попечителѣ и о прочемъ? Я познакомился здѣсь съ твоимъ дядюшкой. Видѣлъ дорогого нашего Булыча [3]). Впрочемъ, да хранитъ тебя Богъ отъ всего злаго и поведетъ тебя тою дорогою, по которой желаетъ душа твоя!

Весь твой Гоголь.

---

[1]) Третье письмо не имѣетъ на себѣ никакой даты, но мы относимъ его къ осени 1834 года и ставимъ непосредственно за предыдущими, какъ по связи содержанія и хронологическому намеку, такъ и по сходству почерка съ предыдущимъ.

[2]) Все это—тогдашніе учителя нѣжинской гимназіи: Самойленко—учитель географіи, Лопушевскій—ариѳметики, Урсо—фехтованія.

[3]) Въ спискѣ нѣжинскихъ воспитанниковъ его нѣтъ; вѣроятно, это одинъ изъ близкихъ земляковъ Гоголя и Тарновскаго.

Безъ сомнѣнія, вслѣдствіе согласія Тарновскаго на ходатайство о переводѣ его въ Кіевъ, Гоголь въ 1835 году два раза писалъ о немъ Максимовичу; отъ 22 января:

„Есть нѣкто, мой соученикъ, чрезвычайно добрый малый и очень преданный наукѣ. Онъ, имѣя довольно хорошее состояніе, рѣшился на странное дѣло: захотѣлъ быть учителемъ въ житомірской гимназіи, изъ одной только страсти къ исторіи. Фамилія его Тарновскій. Нельзя-ли его какъ-нибудь перетащить въ университетъ? Право, мнѣ жаль, если онъ закиснетъ въ Житомірѣ. Онъ былъ послѣ и въ московскомъ университетѣ и тамъ получилъ кандидата. Узнай его покороче. Ты имъ будешь доволенъ".

Максимовичъ изъявилъ полное согласіе и просилъ Тарновскаго къ себѣ въ адъюнкты по русской словесности. Гоголь на это отвѣчалъ отъ 22 марта:

„Тарновскій идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласятся-ли онъ перемѣнить предметъ. А что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда на-подхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами какъ дитя, слегка мечтателенъ, и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принесть слушателямъ, и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ-ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиновъ, ни повышеній; ни честолюбія. Если-бы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда я-бы совѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю по опыту, что значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка" [1]).

Изъ дальнѣйшаго хода дѣла оказывается, что Тарновскій соглашался поступить адъюнктомъ къ Максимовичу, и Максимовичъ ходатайствовалъ о немъ предъ попечителемъ; но Брадке не внялъ его представленію, не принялъ ни Тарновскаго, ни М. Г. Чистякова [2]).

Сообщилъ **С. Пономаревъ.**

---

[1]) Сочин. и письма Гоголя, изд. 1857 г., т. V, стр. 231 и 237.

[2]) Письма о Кіевѣ, М. Максимовича, Спб. 1871 г., стр. 59.

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

(Продолженіе)*).

ГЛАВА IV.

Пребываніе плѣнныхъ въ Казани и дальнѣйшая ихъ судьба.

Мы прибыли въ Казань удрученные горемъ и печалью вслѣдствіе столь значительнаго удаленія отъ родины; ибо чѣмъ дальше насъ препровождали въ глубь Россіи, тѣмъ болѣе усиливались наши сомнѣнія относительно возможности возврата на родину, притомъ, никто изъ насъ не могъ предъугадать, какая участь ожидаетъ насъ впереди, но ежедневный опытъ удостовѣрялъ насъ въ томъ, что мы не должны надѣяться на благополучіе въ будущемъ.

Пріѣхавъ въ Казань, мы застали здѣсь своихъ земляковъ изъ той партіи, которая подъ начальствомъ капитана, о которомъ я выше упомянулъ, опередила насъ въ Сѣвскѣ. Мы встрѣтили ихъ съ радостью, и, замѣтивъ, что имъ предоставлено свободно ходить по городу безъ стражи, обрадовались тому, что, хотя пребывая въ болѣе отдаленной мѣстности, не будемъ подвергаться столь тяжелому заточенію, какъ въ Кіевѣ. Мы долго ожидали, пока насъ препроводили въ то мѣсто, гдѣ новый начальникъ, назначенный генералъ-губернаторомъ, долженъ былъ насъ принять отъ препровождавшаго насъ коменданта; стоя здѣсь на площади, мы ожидали до вечера сдачи; наконецъ оба начальника наши явились; насъ поставили въ два ряда и старый начальникъ, вызывая

*) См. янв. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 145—160.

каждаго по списку, передавалъ насъ новому. Послѣдній, принявъ надъ нами начальство, приказалъ сержанту развести насъ на квартиры, которыя были намъ назначены заблаговременно, такъ какъ пріѣзда нашего ожидали. Провожая насъ, сержантъ объявилъ, что намъ разрѣшено занимать квартиры не держась порядка, въ которомъ мы были внесены въ списокъ, но избирая сожителей по взаимному соглашенію. Обрадовавъ насъ этимъ распоряженіемъ, онъ тотчасъ распредѣлилъ намъ квартиры, помѣщая въ каждой, смотря по ея объему, двоихъ или троихъ, а въ небольшихъ домахъ помѣщая по одному. Мы находились подъ надзоромъ солдатъ, изъ которыхъ каждый завѣдывалъ десятью плѣнными; они ежедневно утромъ и вечеромъ посѣщали насъ и потомъ являлись къ своему начальству съ рапортомъ. Намъ дозволено было свободно ходить по городу, подъ условіемъ являться каждое утро ко времени составленія рапорта и проводить ночь въ своей квартирѣ. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда доставлена была изъ Кіева третья партія плѣнныхъ и, подобно намъ, размѣщена въ городѣ.

Мы оставались въ Казани довольно долго, пользуясь и лучшими условіями жизни, и большею дешевизною, чѣмъ въ Кіевѣ. Казань городъ значительный, больше Кіева, расположенъ у рѣчки Казанки; нѣкогда былъ столицею и резиденціею хановъ казанскихъ татаръ; московскій царь, Иванъ Васильевичъ, взялъ приступомъ Казань, устроивши подкопъ подъ Казанкою и взорвавъ укрѣпленія порохомъ; понынѣ видны развалины и углубленія въ почвѣ, происшедшія отъ взрыва. Съ того времени Казань вошла въ составъ наслѣдственныхъ владѣній русскихъ царей. Городъ, или, лучше сказать, его цитадель окружена толстыми стѣнами, построенными изъ каменныхъ плитъ. Внутри этихъ стѣнъ построены каменные дома, отличающіеся вирочемъ архитектурою отъ европейскихъ построекъ; домовъ этихъ не много, ибо крѣпость занимаетъ незначительное пространство; сверхъ того въ цитадели помѣщается нѣсколько церквей—нѣкогда это были мечети, нынѣ онѣ передѣланы и внутри и снаружи и обращены въ церкви, но, не смотря на это, ихъ азіятская архитектура весьма явственна. По обѣ стороны крѣпости на значительномъ пространствѣ расположенъ городъ, состоящій изъ каменныхъ и деревянныхъ построекъ; онъ окруженъ другою стѣною и въ немъ живутъ исключительно россіяне; для поселенія татаръ отведена

только одна улица, расположенная за городомъ. Хотя городъ нѣкогда и принадлежалъ казанскимъ татарамъ, но теперь въ Казани ихъ осталось весьма незначительное количество, ибо россіяне заняли весь городъ; впрочемъ татаре имѣютъ на своей улицѣ довольно красивую мечеть. За то въ окрестности Казани всѣ села безъ исключенія заселены татарами и среди нихъ нѣтъ вовсе русскихъ деревень; татарское населеніе занимаетъ край на 40 миль, за ними-же начинаются поселенія какого-то иного народа.

Среди россіянъ, живущихъ въ Казани, мы встрѣтили много знатныхъ, великодушныхъ и человѣколюбивыхъ лицъ, которыя помѣстили у себя болѣе знатныхъ нашихъ офицеровъ и позаботились объ ихъ содержаніи помимо продовольствія, выдаваемаго имъ изъ императорской казны; великодушіе и гуманность возбудили въ сердцахъ нашихъ чувства истинной благодарности къ этимъ благодѣтелямъ.

Въ теченіи зимы три партіи плѣнныхъ препровождены были изъ Кіева въ Казань, два-же маршала наши, арестованные вмѣстѣ съ нами въ Краковѣ, оставлены были въ Кіевѣ впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Мы проводили въ Казани праздникъ св. Пасхи (праздники-же Рождества Христова мы провели еще въ Кіевѣ); послѣ свѣтлаго праздника въ Казань препровождена была новая партія конфедератовъ, состоявшая изъ 160 человѣкъ, взятая въ плѣнъ у Сороки въ Молдавіи. Они были размѣщены, подобно намъ, на квартирахъ; отъ нихъ мы получили свѣдѣнія о ходѣ войны Россіи съ Портою.

Во время пребыванія нашего въ Казани, мы могли удовлетворительно продовольствоваться на получаемые 10 грошей въ сутки, но наши рядовые, получавшіе только по 4 гроша, страдали отъ голода и нищеты; они пытались искать работы, но не всѣ были въ состояніи найти занятіе: многіе изъ нихъ по пятницамъ, а также во время татарскаго байрама отправлялись къ мечети и тамъ получали обильную милостыню отъ татаръ; другіе выдавали себя за медиковъ, пользуясь тѣмъ, что въ Россіи немного лицъ, знающихъ медицину; они почти явно обманывали русское простонародіе, слѣпымъ смазывали глаза медвѣжьимъ жиромъ, утверждая, что средство это можетъ возвратить зрѣніе и т. п.

Три недѣли спустя послѣ прихода партіи конфедератовъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Молдавіи, прибылъ въ Казань новый отрядъ плѣнныхъ поляковъ; въ немъ находился капитанъ Беньовскій, который въ Польшѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гадика и получилъ чинъ полковника; онъ испыталъ большія бѣдствія, ибо солдаты, взявшіе его въ плѣнъ, ограбили его почти до нага; но въ Казани онъ поправилъ свои обстоятельства: выдавая себя за протестанта, онъ получилъ значительное пособіе отъ протестантовъ, и, при томъ, пользуясь тѣмъ, что хорошо зналъ химію, онъ свелъ дружбу съ мѣстнымъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ и, сообщивъ ему свои познанія, вошелъ въ сдѣлку, благодаря которой вскорѣ пріобрѣлъ значительныя деньги и весьма порядочный гардеробъ. Вообще Беньовскій былъ человѣкъ, получившій прекрасное образованіе; онъ зналъ много языковъ и обладалъ умомъ весьма сообразительнымъ и изворотливымъ. Казанскій генералъ-губернаторъ любилъ проводить время въ его обществѣ и часто приглашалъ его къ обѣду.

По истеченіи недѣли пришла еще одна довольно многочисленная партія конфедератовъ, въ числѣ которыхъ находился панъ Пулавскій, староста черешинскій и много другихъ знатныхъ лицъ; ихъ размѣстили по квартирамъ; пану Пулавскому отвели дворецъ и другимъ знатнымъ лицамъ предоставили хорошія и удобныя помѣщенія; такимъ образомъ въ Казани собралось довольно значительное количество плѣнныхъ; всѣ мы пользовались правомъ свободно ходить по городу и жили пока безъ всякаго стѣсненія. Казанскій генералъ-губернаторъ, Андрей Самаринъ, былъ сановникъ человѣколюбивый и великодушный; о немъ сказывали, что онъ нѣкогда былъ посланникомъ въ Польшѣ; жена его, дама очень умная, получила воспитаніе при императорскомъ дворѣ; они приглашали къ себѣ ежедневно пана Пулавскаго, старосту черешинскаго, и принимали его весьма гостепріимно; благодаря ихъ великодушію, онъ не только самъ устроился очень удобно, но былъ въ состояніи весьма щедро помогать другимъ конфедератамъ, находившимся въ крайней нуждѣ. Вниманіе, оказываемое въ домѣ генералъ-губернатора пану Пулавскому, отразилось улучшеніемъ положенія всѣхъ насъ вообще, ибо жители Казани, взирая на примѣръ начальника, стали оказывать намъ болѣе расположенія; въ лучшія общества насъ приглашали на вечера и развлеченія и обращались какъ съ почетными гостьми. Простонародіе также

смотрѣло снисходительно на продѣлки нашихъ солдатъ, а начальство, подъ властью котораго мы находились, обращалось съ нами мягко и не взыскивало за проступки противъ объявленныхъ намъ правилъ.

Опять прибыла изъ Кіева новая партія конфедератовъ, взятая въ плѣнъ въ послѣднее время; въ составѣ ея находились и наши маршалы: Петръ Потоцкій, воеводичъ волынскій, и панъ Чарнецкій; мы почти всѣ вышли имъ на встрѣчу, желая привѣтствовать своихъ вождей и командировъ. Генералъ-губернаторъ, узнавъ о прибытіи ихъ въ городъ, прислалъ свою карету къ пану Потоцкому, приглашая къ себѣ обоихъ маршаловъ; но панъ Потоцкій, чувствуя большую усталость отъ дороги, извинился въ невозможности явиться немедленно и заявилъ, что онъ исполнитъ приказаніе губернатора нѣсколько предварительно отдохнувши. Карета была прислана въ другой и въ третій разъ, но онъ повторилъ свои извиненія и завѣрилъ, что явится на слѣдующій день. Между тѣмъ маіоръ, князь Голицынъ, посѣтилъ маршаловъ, и, подружившись съ паномъ Потоцкимъ, пригласилъ обоихъ къ себѣ ужинать; сопровождая маршаловъ, всѣ мы присутствовали на этомъ вечерѣ. На слѣдующее утро оба маршала отправились пѣшкомъ во дворецъ губернатора; нѣсколько сотъ конфедератовъ собралось, чтобы сопровождать ихъ, ибо мы хотѣли заявить, что не только на родинѣ обязаны были повиноваться вождямъ своимъ, но даже и въ неволѣ считаемъ долгомъ своимъ оказывать имъ почтеніе и возможныя заявленія почета; толпа наша не могла помѣститься не только въ пріемной, но и во дворѣ дома, и привела генералъ-губернатора въ нѣкоторое удивленіе; проводивъ такимъ образомъ маршаловъ, мы разошлись по домамъ.

Нѣсколько недѣль спустя доставлена была изъ Кіева въ Казань еще одна партія плѣнныхъ; эти разсказывали намъ, что въ Кіевѣ они оставили еще значительное количество плѣнныхъ, какъ поляковъ, такъ и турокъ, которыхъ уже достаточное количество находится въ плѣну; ихъ препровождаютъ изъ Кіева въ Ригу, Владиміръ и Петербургъ. Такъ какъ Казань оказалась переполнена конфедератами, то начальство стало заботиться о томъ, чтобы часть ихъ препроводить на жительство въ другіе города, часть-же включить въ составъ своей арміи. Съ этою цѣлью всѣхъ насъ, за исключеніемъ болѣе знатныхъ лицъ, призывали въ канцелярію, мѣряли ростъ каждаго и записывали возрастъ. Правда,

при этомъ губернаторъ освѣдомлялся, кто изъ насъ по происхожденію дворянинъ, слѣдовательно свободенъ отъ солдатской службы, но среди насъ-же оказалась нѣкая презрѣнная личность, которая стала убѣждать губернатора не обращать на это вниманія и всѣхъ шляхтичей безъ разбору зачислять въ солдаты. Дѣло клонилось уже къ такому исходу; но, узнавъ объ угрожавшей опасности, мы отправились всѣ во дворецъ и подали записку вмѣстѣ со спискомъ всѣхъ конфедератовъ, въ которомъ противъ каждой фамиліи находилось обстоятельное поясненіе сословія, званія и военнаго чина, принадлежавшихъ каждому изъ насъ. Генералъ-губернаторъ обратилъ вниманіе на эту записку и уважилъ наше заявленіе, но солдаты наши были раздѣлены на два отряда и отправлены: одинъ въ числѣ 270 человѣкъ въ Оренбургъ, городъ отстоящій отъ Казани на 170 миль, другой изъ 200 человѣкъ—въ Тобольскъ, лежащій въ 200 миляхъ отъ Казани; оба отрада были зачислены въ мѣстные гарнизоны. Мы были сильно опечалены, разставаясь съ ними въ виду столь отдаленнаго похода, въ который они отправлялись пѣшкомъ; мы предчувствовали, что подобная-же участь вскорѣ и насъ постигнетъ и дѣйствительно послѣдовавшія распоряженія оправдали наше грустное предчувствіе. Они выступили въ походъ и со слезами прощались съ нами; мы также плакали разставаясь, проводили ихъ за городъ и, попрощавшись по братски, возвратились удрученные печалью въ свои квартиры.

Вскорѣ, вслѣдствіе излишняго скопленія плѣнныхъ въ Казани, рѣшено было до наступленія зимы препроводить нѣкоторыхъ изъ насъ на жительство въ другіе города. Составлена была партія въ 170 человѣкъ и приказано было препроводить ее въ городъ Кунчуръ, находящійся въ 70 миляхъ отъ Казани. Для насъ приготовили повозки, и, усадивъ по три человѣка на каждую, отправили въ путь, въ сопровожденіи 10 конвойныхъ солдатъ и подъ начальствомъ капитана.

Выѣхавъ изъ Казани, мы ѣхали среди сплошнаго татарскаго населенія, на ночь останавливались въ татарскихъ селахъ, гдѣ хозяева принимали насъ весьма радушно. Ко мнѣ впрочемъ татаре относились съ омерзѣніемъ, потому что я купилъ на дорогу цѣлую свинную тушу и варилъ ее себѣ въ пищу на ночлегахъ. Это вселяло въ нихъ отвращеніе, ибо свинное мясо по корану считается нечистымъ. Въ татарскихъ

селахъ вовсе нѣтъ помѣщиковъ и села эти не подчиняются и не принадлежатъ панамъ; всѣ жители зажиточные и бѣдные свободны. Въ каждомъ селѣ есть начальникъ, назначенный изъ татаръ, который разбираетъ ихъ тяжбы и ссоры; въ каждомъ селѣ есть также мечеть, куда они собираются для молитвы. Татарскія села встрѣчались намъ на протяженіи болѣе 30 миль; миновавъ ихъ, мы въѣхали въ страну, заселенную другимъ народомъ,—вотяками. Народъ этотъ отличается отъ татаръ обычаями и костюмомъ и исповѣдуетъ особую религію. Письменъ и литературы они вовсе не знаютъ и никогда не имѣли. Женщины ихъ поражали насъ странною одеждою, особенно-же головнымъ уборомъ, почти въ аршинъ вышиною; входя въ избу, они принуждены въ дверяхъ наклонять очень низко голову изъ опасенія задѣть и испортить постройку, возвышающуюся на ихъ головѣ; остальная одежда ихъ сдѣлана изъ холста и разшита цвѣтною шерстью, притомъ каждая носитъ поверхъ одежды небольшой мѣшечокъ, укрѣпленный на узкомъ ременномъ пояскѣ. Мужчины носятъ костюмъ, ничѣмъ не отличающійся отъ костюма великороссіянъ, и отпускаютъ бороды. Мы видѣли ихъ молящихся—совершать молитву они отправляются въ лѣсъ и творятъ ее у избранной высокой и гладкой березы. Они также приносятъ жертвы: быковъ и барановъ, которыхъ сожигаютъ и остатки бросаютъ на съѣдніе собакамъ. Среди этого населенія мы ѣхали около 20 миль, затѣмъ уже встрѣтили села великорусскія. Останавливаясь на ночлеги, мы продовольствовались на собственный счетъ, ибо на пути мы продолжали получать опредѣленныя на наше содержаніе деньги; проѣхавъ болѣе 10 миль отъ границъ вотяковъ, мы наконецъ достигли города Кунгура. На другой день послѣ нашего пріѣзда, насъ настигла здѣсь другая партія плѣнныхъ поляковъ, отправленная изъ Казани; вмѣстѣ съ ними прислано было распоряженіе о томъ, чтобы эту партію поселить въ Кунгурѣ, а насъ отправить на зиму еще дальше за 80 миль въ городъ Соликамскъ. Отдохнувъ еще два дня въ Кунгурѣ и запасшись въ виду наступающей зимы необходимымъ, мы отправились на повозкахъ въ дальнѣйшій путь. По дорогѣ въ Соликамскъ мы встрѣчали села татарскія, черемискія и великорусскія; впрочемъ по ту сторону Кунгура татаре поселились въ незначительномъ количествѣ; намъ однако довелось еще нѣсколько разъ ночевать въ ихъ селахъ и мы покупали

у татаръ по довольно сходной цѣнѣ войлоки и бурки, въ которыхъ чувствовалась необходимость, ибо вдругъ наступили сильные морозы и намъ пришлось оставить повозки и продолжать путь на саняхъ. Вскорѣ мы въѣхали въ страну населенную черемисами. Народъ этотъ показался намъ менѣе культурнымъ, чѣмъ тѣ народы, которые мы понынѣ видѣли; онъ отличался также особеннымъ костюмомъ и своеобразными обычаями. Одежда женщинъ весьма оригинальна: она состоитъ изъ холщевой рубахи, расшитой разноцвѣтною шерстью и обхваченной поясомъ; поверхъ рубахи черемиски надѣваютъ одежду также холщевую, совершенно похожую на кармелитскій нагрудникъ (scapularium), также расшитую цвѣтною шерстью и украшенную многочисленными бляшками оловянными и бронзовыми; внизу, спереди и сзади, эта одежда обшита длинною бахромою изъ цвѣтной шерсти. Дѣвушки носятъ на головѣ шапочки, совершенно похожія на ермолки, которыя надѣваютъ наши евреи; на шапочкахъ этихъ также нашиты многочисленныя круглыя бляшки оловяныя и бронзовыя, сдѣланныя на подобіе монетъ; впрочемъ болѣе богатыя нашиваютъ настоящія серебряныя монеты. Шапочки эти шьются изъ шелковой китайской матеріи различнаго цвѣта; онѣ бываютъ черныя, красныя, зеленыя и т. п. Замужнія женщины носятъ головной уборъ еще болѣе странный, напоминающій покроемъ капюшонъ бернардинской рясы: онъ очень длиненъ и свѣшивается сзади почти до пояса; каждая женщина носитъ притомъ небольшой мѣшечокъ, привѣшенный на узкомъ ремешкѣ; какъ кажется, мѣшечокъ этотъ онѣ обязаны надѣвать по предписаніямъ своей вѣры. Костюмъ мужчинъ не отличается нисколько отъ одежды великоруссовъ. Религія этого народа совсѣмъ отлична отъ религіи другихъ языческихъ племенъ, по мнѣ не удалось собрать о ней свѣдѣній, ибо черемисы говорятъ совершенно непонятнымъ, самостоятельнымъ языкомъ; я замѣтилъ только, что въ селахъ ихъ нѣтъ вовсе ни мечетей, ни другихъ молитвенныхъ домовъ; не случилось также видѣть ихъ совершающими молитву; говорятъ, что они приносятъ жертвы посредствомъ сожиганія; вообще это народъ грубый, деревенскій, не имѣетъ ни письменности, ни грамоты. Проѣхавъ около 20 миль по странѣ черемисской, мы вновь встрѣтили села великорусскія и, постоянно пользуясь санною дорогою, достигли города Соликамска среди сильныхъ морозовъ. Пріѣхавъ въ городъ, мы остановились на

рынкѣ; здѣсь на встрѣчу къ намъ вышелъ капитанъ Вольскій, также изъ числа плѣнныхъ конфедератовъ; его взялъ къ себѣ въ домъ изъ Казани соликамскій воевода и поручилъ ему преподавать своимъ дѣтямъ французскій языкъ; онъ былъ одѣтъ весьма прилично, между тѣмъ какъ наша одежда была очень невзрачна и изорвана. Вольскій привѣтствовалъ насъ весьма любезно, обнималъ и многимъ окоченѣвшимъ отъ холода помогалъ выходить изъ саней. Насъ, по приказанію начальства, поспѣшно размѣстили въ теплыя квартиры и только на слѣдующій день комендантъ, сопровождавшій насъ, передавалъ насъ по списку мѣстному начальству.

Соликамская провинція принадлежитъ къ казанской губерніи, не смотря на то, что лежитъ въ значительномъ разстояніи отъ Казани; она состоитъ подъ управленіемъ особаго воеводы (такой титулъ въ Россіи носятъ начальники провинцій). Названіе города произошло отъ солеваренныхъ заводовъ, находящихся въ его окрестности и отъ имени большой рѣки Камы, протекающей вблизи города. Городъ окруженъ весьма обширными и густыми лѣсами, въ которыхъ мы видѣли неимовѣрное количество тетеревей; мѣстные крестьяне ловятъ ихъ весьма легко и доставляютъ въ городъ цѣлыя повозки нагруженныя этою дичью; пара тетеревей обыкновенно стоитъ не дороже трехъ грошей; за то хлѣбъ въ Соликамскѣ былъ очень дорогъ, такъ что денегъ, выдаваемыхъ намъ, не хватало на прокормленіе, тѣмъ болѣе что мы должны были часть ихъ употреблять на пріобрѣтеніе одежды; конечно, положеніе тѣхъ, которые получали только по 4 гроша въ сутки, было безвыходно. Намъ разрѣшено было совершенно свободно ходить по городу и за городъ въ близъ лежащія села; излишне было опасаться побѣга кого-либо изъ насъ; мы находились на разстояніи болѣе 300 миль отъ границъ Польши, и очевидно никто изъ насъ не дерзнулъ-бы и подумать о столь отдаленномъ и опасномъ пути; даже мѣстные уроженцы не отваживаются удаляться болѣе чѣмъ за три мили безъ паспорта, ибо, въ противномъ случаѣ, они подвергаются аресту и большимъ взысканіямъ.

Въ Россіи вообще наказанія, положенныя за различныя преступленія, очень строги и суровы; странно однако то обстоятельство, что страхъ наказанія нисколько не удерживаетъ отъ преступленій и не

ослабляетъ дурныхъ наклонностей; такъ лицъ, занимающихся воровствомъ и разбоемъ, очень много въ томъ краѣ; разбойники промышляютъ и на сушѣ и на водѣ; они разъѣзжаютъ въ суднахъ по Волгѣ и Камѣ, производятъ грабежи и затѣмъ укрываются въ дремучихъ лѣсахъ на берегахъ этихъ рѣкъ. Мы видѣли многихъ разбойниковъ, попавшихся въ руки правосудія; между ними были молодые и старики, сознававшіеся въ томъ, что съ ранней молодости, въ теченіи 40 лѣтъ и болѣе, они исключительно жили разбоемъ. Наказаніе, которому они обыкновенно подвергались, состояло въ томъ, что ихъ били кнутомъ, вырывали ноздри, выжигали на лицахъ позорныя надписи и затѣмъ ссылали въ ссылку, опредѣляя ихъ до конца жизни на работу въ серебрянныхъ рудникахъ или въ крѣпостяхъ. Такихъ преступниковъ во всей Россіи насчитываютъ до 200,000, а сосредоточены они главнымъ образомъ въ Сибири; имъ выдаютъ ежегодно одежду, для прокормленія же они получаютъ натурою муку и по четыре гроша въ мѣсяцъ для покупки соли.

Городъ Соликамскъ застроенъ довольно порядочными деревянными домами; въ немъ находится нѣсколько каменныхъ церквей. По ту сторону города лежатъ громадные дремучіе лѣса, совершенно пустынные и необитаемые, которые простираются, какъ намъ сказывали, на разстояніи 200 миль до береговъ Ледовитаго океана; къ востоку-же предѣлы лѣса невѣдомы и для россіянъ. Находясь въ этомъ городѣ зимою, мы были удивлены продолжительностью ночи: до 12 часовъ дня господствуетъ такой мракъ, что, идя по улицѣ, не видишь мимо проходящихъ людей; только послѣ полудня восходитъ солнце и можно пользоваться нѣкоторое время дневнымъ свѣтомъ. За то лѣтомъ нельзя отличить ночи отъ дня и даже послѣ заката солнца можно свободно читать и писать безъ освѣщенія. Пребываніе наше въ Соликамскѣ было для насъ очень тягостно по причинѣ непомѣрной дороговизны съѣстныхъ припасовъ, случившейся вслѣдствіе плохаго урожая; конфедераты должны были искать возможности трудиться и предлагали свои услуги для всякой работы. Въ городѣ жилъ въ то время знатный вельможа, по имени Турчаниновъ; онъ намъ щедро отпускалъ подаяніе и часто приглашалъ къ себѣ обѣдать; послѣ обѣда онъ никого не отпускалъ безъ того, чтобы не надѣлить гостя подаркомъ. Ежедневно на дворъ его дома при-

ходило до 150 человѣкъ изъ мѣстныхъ неимущихъ жителей и о ъ всѣхъ снабжалъ милостынею. Вельможа этотъ былъ очень богатъ, но его добродѣтель и великодушіе превосходили его богатство. Мѣстные жители его очень любили и уважали, мы-же осыпали его искренними похвалами и чувствовали къ нему глубокое почтеніе и благодарность. Въ Соликамскѣ мы получали часто извѣстія отъ своихъ земляковъ изъ Казани, которыя сообщали намъ проѣзжавшіе купцы. Они извѣщали насъ какъ о ходѣ войны, такъ и о судьбѣ плѣнныхъ поляковъ; количество послѣднихъ постоянно увеличивалось и безпрестанно присылались новыя партіи изъ Кіева въ Казань, отсюда-же ихъ распредѣляли въ другія города и водворяли тамъ на жительство. Въ Соликамскѣ мы праздновали и Рождество Христово и св. Пасху; здѣсь мы встрѣтили 1770-й годъ, въ теченіи котораго отправились въ дальнѣйшій путь, какъ о томъ ниже будетъ сказано. Во время пребыванія нашего въ этомъ городѣ, семь изъ числа нашихъ товарищей умерли; мы ихъ похоронили въ отдѣльномъ мѣстѣ, далеко за городомъ. Соликамскій воевода былъ человѣкъ строгій и ненавидѣвшій поляковъ, но онъ не могъ насъ притѣснять излишне, такъ какъ долженъ былъ подчиняться инструкціямъ, заключавшимся въ указахъ, присланныхъ ему вмѣстѣ съ нами.

Въ этомъ году стали насъ называть оффиціально и обозначать въ спискахъ конфедератами, до того-же времени насъ именовали бунтовщиками и мятежниками; перемѣна эта случилась вслѣдствіе спеціальнаго указа, присланнаго изъ военной коллегіи. Въ исходѣ года пребыванія нашего въ Соликамскѣ, мы получили извѣстіе о томъ, что партія въ 200 человѣкъ плѣнныхъ поляковъ отправлена изъ Казани въ Сибирь, въ городъ Тобольскъ, что она должна слѣдовать черезъ Соликамскъ и что полученъ указъ изъ военной коллегіи, чтобы всѣхъ насъ туда-же препроводить. Дѣйствительно вскорѣ мы дождались прихода этой партіи; она оставалась въ Соликамскѣ въ теченіи двухъ дней и запасалась провіантомъ для дальнѣйшаго пути, который пролегалъ на протяженіи 30 миль по лѣсной пустынѣ; хотя въ лѣсу у дороги и построены кое-гдѣ деревушки и дома для стоянокъ, но въ нихъ невозможно достать съѣстныхъ припасовъ, особенно для столь многочисленнаго отряда. Отдохнувъ два дня въ Соликамскѣ и скупивъ достаточное количество провіанта, партія плѣнныхъ отправилась на

повозкахъ въ дальнѣйшій путь. Двѣ недѣли спустя послѣ ея выхода, приказано было и намъ, жившимъ въ Соликамскѣ, собираться въ дорогу и запасаться провіантомъ. Когда нужные запасы были приготовлены, отправили насъ въ путь по слѣдамъ проходившей партіи.

ГЛАВА V.

Препровожденіе пльнныхъ въ Сибирь.

Понынѣ мы погружены были въ печаль вслѣдствіе удаленія изъ отечества и ссылки въ отдаленную страну и претерпѣвали большую нужду и голодъ; но отчаяніе наше еще болѣе усилилось при извѣстіи, что насъ предназначено услать еще дальше; все то, что мы претерпѣли понынѣ, служило намъ несомнѣннымъ указаніемъ на то, что угрожало намъ въ будущемъ. Изъ Соликамска насъ отправили въ путь на повозкахъ. Проѣхавъ милю отъ города, обозъ нашъ вступилъ въ огромный, густой лѣсъ, по которому мы ѣхали въ продолженіи цѣлаго дня; къ ночи мы достигли поселенія, гдѣ назначенъ былъ нашъ ночлегъ. Это была маленькая деревушка, состоящая изъ десятка дворовъ; она расположена у подножія каменистыхъ горъ, на берегу рѣки и совершенно окружена лѣсомъ; жители не пользуются вовсе полями и охота составляетъ единственный источникъ ихъ пропитанія. Въ лѣсахъ водится большое количество лосей, которыхъ они ловятъ во множествѣ, загоняя въ приспособленныя для этой цѣли ямы. Деревушку посѣщаютъ купцы, которые въ обмѣнъ за лосьи кожи доставляютъ жителямъ хлѣбъ и другіе съѣстные припасы; мы нашли здѣсь въ изобиліи мясо лосей и покупали его не дороже двухъ грошей за фунтъ. Переночевавъ въ этой деревушкѣ, тронулись въ дальнѣйшій путь. Мы спрашивали жителей деревни, какъ далеко простираются окружающіе ихъ лѣса; они отвѣчали намъ, что никто изъ нихъ этого не знаетъ, ибо если-бы кому-нибудь пришла мысль изслѣдовать ихъ пространство, то онъ навѣрно потерялся-бы въ пустынѣ, умеръ-бы отъ голода и не былъ-бы въ состояніи возвратиться обратно. Въ теченіи пяти дней мы ѣхали среди лѣса, останавливаясь въ деревушкахъ, подобныхъ описанной; наконецъ мы встрѣтили пахатное поле, принадлежащее городу Верхотурью,

который принадлежитъ уже къ Сибири; въ полумили отъ лѣса мы достигли этого города около двѣнадцати часовъ дня. Здѣсь тотчасъ узнали, что мѣстный воевода получилъ приказъ задержать насъ на зиму въ этомъ городѣ. Конвой, провожавшій насъ, возвратился въ Соликамскъ, сдавъ насъ мѣстнымъ властямъ, и намъ отвели довольно удобныя квартиры. Въ городѣ этомъ припасы были дешевле, чѣмъ гдѣ либо въ Россіи, и потому мы обрадовались возможности устроиться болѣе удобно, чѣмъ въ Соликамскѣ. Верхотурье главный городъ провинціи того-же имени, входящей въ составъ тобольской губерніи; воевода, управлявшій провинціею, оказался человѣкомъ весьма образованнымъ и учтивымъ; онъ былъ къ намъ милостивъ и снисходителенъ, приглашалъ насъ часто къ себѣ и обращался вѣжливо во время нашихъ посѣщеній; мы всѣ полюбили его искренно и были глубоко благодарны за его великодушіе и человѣколюбіе.

Въ Верхотурьи мы прожили два мѣсяца; вдругъ присланъ былъ неожиданно приказъ о томъ, чтобы насъ препроводить еще за 15 миль дальше, въ городъ Тюмень, такъ какъ новая партія плѣнныхъ поляковъ назначена была въ Верхотурье, и мы должны очистить для нея мѣсто. Немедленно приготовлены были повозки, и мы, собравшись поспѣшно, отправились въ дальнѣйшій путь. Дорога наша пролегала по обширной равнинѣ, на которой часто встрѣчались селенія. Вообще понятія наши о Сибири оказались совершенно ошибочными; мы полагали, что страна эта представляетъ пустыню, весьма слабо населенную, а между тѣмъ на пути мы встрѣчали многочисленныя, богатыя и многолюдныя села, изобиловавшія всѣмъ необходимымъ для жизни; народонаселеніе было гораздо привѣтливѣе, чѣмъ въ европейской Россіи. Путь нашъ пролегалъ черезъ богатыя слободы, и вскорѣ мы достигли города Тюменя, въ который прибыли около 4 часовъ дня. По обыкновенію начальникъ нашего конвоя передалъ насъ по списку мѣстнымъ властямъ, и мы были размѣщены на довольно удобныхъ квартирахъ. Городъ Тюмень гораздо больше и красивѣе Верхотурья, притомъ онъ славится торговлею и предпріимчивостью своихъ купцовъ и вслѣдствіе того изобиліемъ предметовъ продовольствія. Говядина и рыба здѣсь неимовѣрно дешевы: мы покупали 60 карасей за копѣйку (т. е. за два гроша) и за такую-же цѣну, а иногда еще дешевле, пріобрѣтали фунтъ говядины;

равно дешевы были хлѣбные и молочные продукты. Мы покупали также по весьма сходной цѣнѣ китайскія ткани и лосьи кожи, изъ которыхъ многіе шили себѣ весьма прочную одежду. Въ окрестности Тюменя, кромѣ русскихъ селъ, находится также много татарскихъ слободъ, такъ какъ вся Сибирь составляла нѣкогда татарское самостоятельное царство.

Между тѣмъ наступала зима, которую мы надѣялись прожить въ Тюмени. Тотъ отрядъ плѣнныхъ, который жилъ въ Кунгурѣ, отправленъ былъ прямымъ путемъ въ Тобольскъ, и вообще всѣ партіи конфедератовъ отовсюду разными трактами стали пересылать туда-же. Генералъ-губернаторъ тобольскій по своему усмотрѣнію распредѣлялъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они подходили; однимъ онъ прибавлялъ плату на содержаніе, другихъ опредѣлялъ въ солдаты и въ козаки. Наши рядовые всѣ были тогда сданы въ военную службу, которая въ Россіи очень тяжела и вознаграждается весьма скуднымъ жалованьемъ, и потому тѣ изъ нихъ, которые были въ нее зачислены, предавались глубокому отчаянію. Тобольскаго генералъ-губернатора звали Денисъ Ивановичъ Чичеринъ; это былъ человѣкъ великодушный, но очень гордый и притомъ самодуръ; украшенъ былъ тремя звѣздами, носилъ титулъ сибирскаго намѣстника, пользовался властью весьма обширною и имѣлъ почти неограниченныя полномочія. Онъ говорилъ немного по-польски; каждый день нѣсколько десятковъ поляковъ онъ призывалъ къ своему столу, ибо велъ жизнь открытую, и множество людей у него обѣдало ежедневно. Многіе среди насъ знали довольно сносно музыку и имѣли инструменты, купленные въ Казани; это очень понравилось генералъ-губернатору, и онъ призывалъ ихъ въ качествѣ оркестра на свои балы и вечера, такъ какъ лучшихъ музыкантовъ въ той странѣ не было; вообще генералъ-губернаторъ любилъ всякія увеселенія и могъ имъ предаваться, такъ какъ былъ очень богатъ; онъ былъ вдовъ, и все его семейство состояло изъ одной, еще малолѣтней, дочери.

Многіе изъ нашихъ шляхтичей, желая пріобрѣсти болѣе значенія, выдавали себя графами, хотя въ отечествѣ не только не пользовались знатностью, но даже не имѣли поземельной собственности; нѣкоторое время имъ удавалось пользоваться почетомъ и извлекать выгоды изъ своего самозванства. Другіе играли роль опытныхъ медиковъ, хотя на родинѣ занимались портняжествомъ или другимъ ремесломъ; долго и эти

пользовались успѣхомъ и даже собрали практикою значительныя суммы, но обманъ ихъ потомъ обнаружился, и они понесли жестокое наказаніе. Многіе составили драматическую труппу и стали давать представленія по образцу діалоговъ, устраиваемыхъ въ іезуитскихъ школахъ. Генералъ-губернаторъ помогъ имъ пріобрѣсти нужные костюмы и посѣщалъ ихъ представленія вмѣстѣ съ дочерью; при этомъ онъ каждый разъ платилъ за билетъ по 150 рублей; притомъ всѣ знатныя лица и офицеры, бывшіе на этихъ спектакляхъ, должны были вносить соразмѣрную плату. Вообще плѣнные стали придумывать всевозможныя развлеченія, желая извлечь для себя пользу изъ права вельможи богатаго и щедраго. Нѣсколько человѣкъ поступили на службу въ число его придворныхъ гусаръ, другіе-же были зачислены насильно въ этотъ отрядъ.

Между тѣмъ мы проживали покойно въ Тюмени и встрѣтили здѣсь праздники Рождества Христова; вѣроятно мы-бы провели здѣсь всю зиму, если-бы легкомысленный поступокъ одного изъ насъ, капитана Мочидловскаго, не подалъ повода къ новому передвиженію. Неожиданно полученъ былъ приказъ о немедленной отправкѣ насъ въ Тобольскъ; въ полночь приказано было намъ собираться въ путь, который притомъ, не смотря на страшный морозъ и большіе снѣга, мы должны были совершить пѣшкомъ; мы едва имѣли время собраться, должны были за безцѣнокъ продать нашимъ хозяевамъ запасы, которые заготовили на зиму и, среди ночи, тронулись изъ Тюменя въ дорогу. Мы совершили пѣшкомъ путь въ 25 миль въ Тобольскъ и, прибывъ въ этотъ городъ, долго стояли на площади, ожидая распоряженій начальства. Здѣсь простояли мы на сильномъ морозѣ 4 часа, наконецъ, подъ вечеръ, насъ провели на дворъ губернаторскаго дворца; оттуда мы были позваны въ канцелярію, гдѣ стали записывать нашъ возрастъ и мѣрять нашъ ростъ; это предвѣщало намъ опредѣленіе въ военную службу. Когда составленіе списковъ было окончено, насъ выпровадили изъ канцеляріи и построили передъ гауптвахтою въ двѣ шеренги, затѣмъ вызвали изъ строя капитана Мочидловскаго и, помѣстивъ его передъ фронтомъ, стали его жестоко наказывать палками, двѣ связки которыхъ были доставлены для этой экзекуціи. Наказаніе продолжалось очень долго и, когда онъ не былъ уже въ силахъ устоять на ногахъ, тогда отрядили четырехъ гренадеръ, которые поддерживали его на ружьяхъ. Оставаясь

въ ширенгахъ, мы принуждены были смотрѣть на эту казнь; она продолжалась до того времени, пока изъ дворца генералъ-губернатора не раздался окликъ: „полно". Тогда бившіе прекратили наказаніе и потерпѣвшій отправленъ былъ на гауптвахту для отдыха. Проступокъ, совершенный Мочидловскимъ, былъ по истинѣ пустой, и по всей справедливости не заслуживалъ столь суровой кары; я не стану разсказывать о немъ, какъ вслѣдствіе его маловажности, такъ и для избѣжанія излишняго велерѣчія [1]).

Послѣ того всѣхъ насъ еще разъ повѣрили по списку и отвели на квартиры, за исключеніемъ трехъ человѣкъ, отличавшихся высокимъ ростомъ: Павла Скрелевскаго, Михаила Милевскаго и Войтеха Тенчинскаго, которыхъ назначили въ гренадерскую роту и отправили въ казармы вмѣстѣ съ солдатами. На слѣдующій день упомянутыхъ трехъ рекрутовъ отвели въ церковь и приказали имъ исполнить присягу на вѣрность въ военной службѣ; они отказались наотрѣзъ принять присягу и потому были посажены подъ арестъ и затѣмъ жестоко и позорно наказаны: ихъ вывели на площадь, раздѣли до нага и, привязавъ къ

---

[1]) Это умолчаніе Хоецкаго мы можемъ пополнить со словъ другого мемуариста, его современника и соузника. Въ числѣ плѣнныхъ конфедератовъ находилось нѣсколько французскихъ офицеровъ, поступившихъ на службу въ конфедератское войско, съ согласія своего правительства; между ними былъ полковникъ Бельнуръ (Belcourt), составившій, послѣ возврата на родину, обстоятельныя записки о своемъ пребываніи въ Сибири; записки эти были изданы въ 1776 году въ Амстердамѣ подъ заглавіемъ: «Relation ou journal d'un officier français au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Siberie». Въ запискахъ Белькура, на стр. 67, мы находимъ слѣдующій разсказъ о дѣлѣ Мочидловскаго: «одинъ капитанъ польскій, сосланный въ Тюмень, былъ помѣщенъ на квартирѣ въ домѣ какой-то женщины, состоявшей въ негласной связи съ предсѣдателемъ одной изъ коллегій. Пребываніе капитана въ этомъ домѣ предсѣдатель счелъ для себя неудобнымъ и употребилъ мѣры для того, чтобы удалить его и склонить къ переходу на другую квартиру. Но такъ какъ капитанъ не внялъ внушеніямъ, то предсѣдатель прибѣгъ къ средству весьма дѣйствительному. Онъ написалъ генералъ-губернатору доносъ на капитана, обвинивъ его во всемъ, что ему вздумалось, и присоединилъ къ доносу подарокъ. Тотчасъ полученъ былъ приказъ о томъ, чтобы отправить всѣхъ плѣнныхъ въ Тобольскъ и, лишь только они прибыли въ этотъ городъ, капитанъ былъ наказанъ 200 ударовъ и затѣмъ, полумертвый, былъ уложенъ на сани и отправленъ въ г. Тару, лежащій въ 500 верстахъ дальше за Тобольскомъ.

какому-то деревянному снаряду ремнями за шею, ноги и руки, долго били ихъ плетью до того, что по временамъ клочки ихъ тѣла отрывались; послѣ наказанія ихъ отвели на гауптвахту, гдѣ они находились въ теченіи сутокъ подъ арестомъ. Затѣмъ на слѣдующій день выстроены были два баталіона солдатъ, и барабанщикамъ приказано было принести нѣсколько связокъ палокъ и „батожья“; арестантовъ вывели, угрожая имъ вторичнымъ наказаніемъ, но при видѣ этихъ несчастныхъ, едва переводившихъ дыханіе, для всѣхъ стало очевиднымъ, что они не выдержатъ новой казни; потому, благодаря заступничеству нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ, они были освобождены отъ наказанія и отправлены въ лазаретъ на излеченіе, а послѣ выздоровленія ихъ зачислили въ военную службу. Капитанъ Мочидловскій былъ также освобожденъ изъ подъ ареста по причинѣ болѣзни, и затѣмъ всѣ мы, прибывшіе изъ Тюмени, вмѣстѣ съ 150 другихъ конфедератовъ, жившихъ въ Тобольскѣ, отправлены были въ городъ Тару, находящійся въ 50 миляхъ отъ Тобольска.

В. А.

Библіографія.

Leopold Hauzer.—Monografja miasta Przemyśla. Przemyśl, 1883.

Леопольдъ Гаузеръ.—Монографія о городѣ Перемышлѣ. Перемышль, 1883 г.

Сочиненіе г. Гаузера, посвященное описанію одного изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, представляетъ книжку весьма интересную по содержанію и притомъ изданную весьма тщательно и изящно. Къ книгѣ приложены четыре рисунка, исполненные очень удовлетворительно, изображающіе: планъ и видъ города въ XVII столѣтіи, современный видъ Перемышля и копію изъ древней картины, хранящейся въ перемышльской ратушѣ и изображающей, согласно съ народнымъ преданіемъ, чудесное избавленіе города отъ нашествія войскъ семиградскаго князя Юрія Ракочи въ 1657 году.

По содержанію книга распредѣлена на два отдѣла: историческій и статистическій. Въ историческомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ главу, содержащую библіографическій перечень 14 статей и монографій, посвященныхъ описанію Перемышля, съ указаніемъ содержанія и краткимъ разборомъ важнѣйшихъ изъ нихъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе многочисленныхъ архивовъ свѣтскихъ и духовныхъ, заключающихъ въ себѣ матеріалы для исторіи Перемышля. Особенный интересъ представляетъ подробное описаніе магистратскаго перемышльскаго архива, понынѣ неизвѣстнаго въ исторіографіи, такъ какъ архивъ этотъ былъ собранъ, приведенъ въ порядокъ и описанъ только въ послѣднее время (1874—1877) по почину и на счетъ перемышльской городской рады (т. е. думы). Этотъ въ высокой степени цѣнный и обширный архивъ заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся къ исторіи города, начиная съ половины XIV столѣтія (древнѣйшій документъ помѣченъ 1356 годомъ). Сообщая

довольно подробное описаніе этого архива, г. Гаузеръ разсказываетъ при каждомъ отдѣлѣ его значеніе и сообщаетъ въ краткихъ, но весьма отчетливыхъ чертахъ сущность городскаго управленія при господствѣ магдебургскаго права, характеризируетъ дѣятельность и районъ власти городскихъ коллегій, цеховое устройство, управленіе городскими финансами и т. п.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію исторіи города Перемышля и передаетъ ее въ весьма живомъ и обстоятельномъ разсказѣ, основывался какъ на архивныхъ документахъ, важнѣйшіе изъ которыхъ приводитъ цѣликомъ, такъ и на ссылкахъ на историческихъ писателей. Въ этомъ отдѣлѣ труда г. Гаузера мы, впрочемъ, не можемъ не замѣтить нѣкоторой неравномѣрности въ отдѣлкѣ частей его. Такъ исторіи Перемышля за время съ 981—1341, т. е. за то время, когда городъ этотъ былъ столицею или однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ галицко-русскаго княжества, посвящено едва 5 страницъ; авторъ отказывается даже сообщить важнѣйшіе факты и хоть-бы бѣглый перечень исторіи Перемышля за это время и рекомендуетъ читателю искать ихъ въ книгѣ, составленной г. Анатоліемъ Левицкимъ. Полагаемъ, что это уклоненіе автора отъ изображенія исторіи избраннаго имъ города въ русскій періодъ его жизни, является пробѣломъ, достойнымъ сожалѣнія и нарушающимъ хорошее общее впечатлѣніе, производимое его почтеннымъ трудомъ.

Съ 1340 и особенно съ 1389 года, когда Перемышль получилъ отъ короля Владислава Ягайла жалованную грамоту на магдебургское право, авторъ разсказываетъ его исторію весьма подробно, сначала въ общемъ очеркѣ, потомъ въ подробной лѣтописи, въ которую онъ заноситъ по годамъ всѣ важнѣйшія событія, касавшіяся внѣшней и внутренней исторіи города. Очеркъ свой авторъ заключаетъ подробнымъ описаніемъ города и возстановленіемъ его плана въ XVII столѣтіи. Планъ и видъ города составлены г. Гаузеромъ на основаніи старинныхъ рисунковъ (Целляріуса и двухъ хранящихся въ мѣстномъ магистратѣ) и дополнены весьма тщательно и удачно данными, заимствованными изъ архивныхъ источниковъ.

Статистическій отдѣлъ книги заключаетъ въ себѣ многочисленныя данныя относительно состоянія и движенія народонаселенія, очеркъ современнаго городскаго управленія и отчетъ о состояніи просвѣщенія и школъ, санитарной части, перечень товариществъ кредитныхъ, сельскохозяйственныхъ, благотворительныхъ и т. п., а также данныя о фабричной и ремесленной производительности Перемышля. Въ отдѣлѣ этомъ весьма видное мѣсто отведено управленію и учрежденіямъ духовнымъ, разсказана исторія отдѣльныхъ церквей и монастырей, исторія насажде-

нія католичества въ Перемышлѣ, постепенный захватъ «схизматическихъ», какъ выражается авторъ по старой привычкѣ, церквей, введеніе уніи и вліяніе на церковныя дѣла реформъ Іосифа II; приложены при этомъ списки епископовъ: католическихъ, православныхъ и уніатскихъ, управлявшихъ перемышльскою епархіею.

Вообще книга г. Гаузера представляетъ сводъ весьма интересныхъ и многосторонникъ свѣдѣній о Перемышлѣ; свѣдѣнія эти изложены толково и интересно; просмотрѣвъ «монографію о Перемышлѣ», невольно является желаніе, чтобы появлялось побольше работъ подобнаго рода, несомнѣнно весьма полезныхъ для разъясненія фактовъ областной исторіи.

В. А.

О. Барвінський.—Исторія Руси. Часть IV. Львовъ 1882 г.—коштомъ и заходомъ товариства „Просвѣта", цѣна 16 крейцеровъ (12 коп.).

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ во Львовѣ основано было общество «Просвѣта», поставившее своею задачею распространеніе русской грамотности среди галицко-русскаго народа. Не смотря ни на скудныя средства, которыми располагали основатели общества, ни на внѣшнія препятствія, которыя встрѣчала ихъ дѣятельность, общество съ достойнымъ всякой похвалы усердіемъ и съ непоколебимою энергіею преслѣдовало свою задачу. Изъ послѣдняго отчета общества мы узнаемъ, что за время своего существованія «Просвѣта» издала 76 сочиненій, назначенныхъ для народнаго чтенія, въ количествѣ до 350,000 экземпляровъ, и сверхъ того 17 учебниковъ, приноровленныхъ къ курсу наукъ гимназіи (12,500 экземпляровъ). На сколько общество удовлетворяло дѣйствительной потребности народа и на сколько изданія его были составлены умѣло и понятно, можно судить уже потому, что, не смотря на крайне стѣсненное экономическое положеніе галицко-русскаго народа, изданія «Просвѣты» расходятся въ громадномъ количествѣ. За 14 лѣтъ книги, назначенныя для популярнаго чтенія, разошлись въ количествѣ 220,000 экземпляровъ, учебники въ количествѣ 8,000 экземпляровъ (въ Галиціи только двѣ русскія гимназіи). Успѣхъ этотъ объясняется съ одной стороны тѣмъ, что грамотность относительно довольно развита въ галицко-русскомъ народѣ и вслѣдствіе этого въ средѣ народа все болѣе и болѣе возрастаетъ потребность чтенія, съ другой—весьма умѣлымъ подборомъ сюжетовъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ самаго текста популярныхъ книгъ. Внѣшняя сторона дѣла обставлена также вполнѣ удов-

летворительно: книжки издаются довольно изящно, на хорошей бумагѣ, шрифтъ выбранъ отчетливый, не мелкій и не густой и, что важнѣе всего, цѣна книжекъ весьма доступна: она, смотря по объему книжки, колеблется между 5 и 35 крейцерами (4—28 коп.) и никогда не превосходитъ этой цыфры; вообще-же средняя стоимость книжки равняется 14 крейцерамъ.

По содержанію изданія «Просвѣты» обнимаютъ всѣ области знанія, могущія заинтересовать селянина или принести пользу въ крестьянскомъ быту; мы встрѣчаемъ здѣсь: молитвенники, катехизисъ, житія святыхъ, сборники церковныхъ пѣсней, затѣмъ многочисленныя книжки, посвященныя естествознанію, гигіенѣ, сельскому хозяйству и экономическимъ вопросамъ, поскольку пониманіе ихъ необходимо въ сельской сферѣ (о сельскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, о дурномъ вліяніи на хозяйство лихвы и т. п.). Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя книжки содержанія беллетристическаго: повѣсти, разсказы, пѣсенники, сказки, стихотворенія и т. д.; наконецъ календари, справочныя книги, указатели счетоводства и т. д. Къ числу достоинствъ изданій «Просвѣты», конечно, слѣдуетъ отнести и тотъ языкъ, на которомъ онѣ написаны; составители стараются всѣми средствами избѣгать неудобопонятныхъ и заимствованныхъ словъ и выраженій и, по мѣрѣ возможности, приближаются къ народной разговорной рѣчи.

Въ числѣ другихъ изданій «Просвѣта» обратила вниманіе и на распространеніе среди народа знанія родной исторіи и съ 1879 года стала издавать отдѣльными выпусками «Исторію Руси»; изъ нихъ послѣдній (4-й) вышелъ въ свѣтъ въ исходѣ прошлаго года. Первый выпускъ, озаглавленный «Русскіе князья», заключаетъ въ себѣ исторію великаго княжества кіевскаго до появленія монголовъ; второй названъ: «Нападенія татаръ и литовцевъ на Русь» и содержитъ исторію Руси въ XIII столѣтіи; третій разсказываетъ исторію западной и особенно галицкой Руси въ XIV столѣтіи до соединенія Литвы и Польши при Ягайлѣ въ 1386 году. Наконецъ послѣдній выпускъ: «Русь подъ властью дома Ягеллоновъ до начала подготовки люблинской уніи» обнимаетъ время съ 1386 по 1510 годъ и заканчивается разсказомъ о дѣлѣ Михаила Глинскаго.

Всѣ выпуски отличаются ясностью изложенія; составители ихъ старались сосредоточить вниманіе читателей на главнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, не обременять ихъ памяти и вниманія излишними мелочными подробностями, но за то никогда не теряли изъ виду главной цѣли: возбудить и просвѣтить народное самопознаніе. Особенно, по нашему мнѣнію, талантливо составлены двѣ послѣднія книжки, редакцію

которыхъ «Просвѣта» поручила г. Александру Барвинскому. Составитель употребилъ не мало усилій для того, чтобы приготовиться къ исполненію своей задачи: онъ внимательно изучилъ многочисленныя сочиненія галицкихъ, русскихъ, польскихъ и иностранныхъ писателей, относящіяся къ избранному имъ періоду исторіи Руси, зорко слѣдилъ за ходомъ русской исторической науки, воспользовался ея новѣйшими произведеніями, и, составивъ себѣ ясное и отчетливое понятіе о судьбѣ своего народа въ данный періодъ времени, изложилъ его весьма доступно, но вмѣстѣ съ тѣмъ удержалъ въ разсказѣ совершенно серьезный и объективный тонъ; г. Барвинскій не прибѣгаетъ ни къ поученіямъ, ни къ тенденціознымъ выходкамъ; онъ разсказываетъ просто и спокойно, но разсказываемые факты взываютъ къ народному сознанію громче всякихъ фразъ. Видно, что авторъ проникнутъ самъ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, сознаніемъ правоты своего народнаго дѣла и потому не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ для тенденціознаго освѣщенія событій.

Въ послѣсловіи, которымъ заключается 4-й выпускъ «Исторіи Руси», г. Барвинскій характеризируетъ свою ккижку слѣдующими словами: «предлагая землякамъ моимъ этотъ трудъ, я чувствую, что на долю мою выпало разсказать не одно грустное событіе изъ нашего прошедшаго, раскрыть не одну картину нашей злосчастной судьбы; но, не смотря на личное чувство, я старался исключительно руководиться лишь любовью къ истинѣ и безпристрастіемъ, помня, что книжка моя назначена для того, чтобы послужила для науки и пользы моему народу.... На сколько я съумѣлъ выполнить это условіе, пусть судятъ наши историки».

Мы не можемъ не заявить полнаго сочувствія той точкѣ зрѣнія, изъ которой исходитъ г. Барвинскій, и не признать, что, по нашему мнѣнію, онъ провелъ ее совершенно умѣло и добросовѣстно. Искренно желаемъ, чтобы дальнѣйшіе выпуски «Исторіи Руси» были написаны съ такою-же любовію къ своему народу и съ такою-же пользою для развитія его историческаго самопознанія. **В. А.**

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Составилъ редакторъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ Ал. Андріевскій. Кіевъ, 1882 г.

Въ исходѣ прошлаго года г. Андріевскій издалъ 4-й выпускъ матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ архива кіевскаго губернскаго прав-

ленія [1]). Слѣдуя плану изданія, принятому г. Андріевскимъ уже съ выходомъ 3-го выпуска, онъ въ каждой книгѣ группируетъ архивный матеріалъ, связанный общимъ содержаніемъ. Въ послѣднемъ выпускѣ помѣщены исключительно дѣла относящіяся къ порубежнымъ отношеніямъ Россіи и Польши во второй половинѣ XVIII столѣтія. Всѣ акты раздѣлены на три главы: въ первой помѣщено «дѣло о разграниченіи Россіи съ Польшею» 1782—1784 года; въ дѣлѣ этомъ мы находимъ какъ многочисленные донесенія, рапорты и отчеты коммисаровъ, устанавливавшихъ пограничную черту и водружавшихъ межевые столбы, такъ и самый актъ «описаніе границы Малыя Россіи съ Польшею», начиная отъ границъ новороссійской губерніи, у устья Тясьмина въ Днѣпръ, и до границъ губерніи бѣлорусской, у впаденія въ Днѣпръ рѣки Сожи, около города Лоева.

Во второй главѣ помѣщены дѣла пограничной судебной коммисіи (1783—1785 г.), въ составъ которой входили коммисары какъ польскіе, такъ и русскіе; коммисіи поручено было судить всѣ тяжбы о взаимныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, возникавшихъ между жителями обоихъ государствъ. Среди жалобъ, поступившихъ въ коммисію, важнѣйшее въ тѣ годы дѣло возникло вслѣдствіе буйства шляхтича Ваврженскаго, напавшаго на русскій пограничный форпостъ въ с. Мостищахъ съ толпою вооруженныхъ людей, убившаго одного изъ козаковъ пограничной стражи и ранившаго двухъ другихъ. Въ дѣлѣ этомъ польскіе коммисары Потоцкій и Трипольскій держатся своеобразной тактики: они стараются не допустить дѣла къ докладу и достигаютъ этого тѣмъ, что нарушаютъ правила приличія въ засѣданіяхъ коммиссіи; они, подъ предлогомъ болѣзни, не снимаютъ шапокъ въ присутствіи, пріѣзжаютъ на засѣданія на русскую территорію, окруженные военнымъ конвоемъ съ обнаженнымъ оружіемъ и т. п. Вызвавъ этими поступками замѣчанія со стороны русскихъ коммисаровъ, они обижаются, жалуются на оскорбленіе своей чести («упомянувъ *пунктъ чонора*», какъ доноситъ русскій коммисаръ, маіоръ Козачинскій) и уѣзжаютъ домой, прекращая такимъ образомъ засѣданія коммисіи.

Въ третьей главѣ помѣщено 12 дѣлъ такой-же смѣшанной пограничной коммиссіи, засѣдавшей въ 1732—1758 годахъ въ пограничномъ мѣстечкѣ Мотовиловкѣ; въ числѣ разсматривавшихся претензій, особенно интересно дѣло, возбужденное по жалобѣ кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго объ ограбленіи церковнаго и монастырскаго имущества

[1]) О первыхъ трехъ выпускахъ „Кіевская Старина“ сообщила отчетъ своевременно (см. 1882 г., январь, іюль и ноябрь).

въ лебединскомъ монастырѣ по приказанію кн. Любомирскаго. На запросъ коммисіи по этому дѣлу, Любомирскій отказывается дать объясненія, утверждая, что лебединскій монастырь находится въ его собственномъ имѣніи и подъ его патронатомъ и что въ духовномъ отношеніи онъ находится въ вѣдѣніи львовскаго (уніатскаго) митрополита; затѣмъ Любомирскій заявляетъ жалобу на митрополита кіевскаго за то, что онъ вмѣшивается въ дѣла, не входящія въ кругъ его юрисдикціи.

В. А.

Городъ Холмъ и его древняя святыня—чудотворная икона Божіей Матери. Изданіе холмско-богородицкаго православнаго братства. Варшава. 1882 г.

Мы только что получили книжечку, названіе которой сейчасъ привели. Это не большая, въ 30 стр., въ 8 долю листа, брошюра, составленная однимъ изъ мірскихъ членовъ холмскаго братства и представляющая оттискъ изъ „Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника“ на 1882 г. Изъ присланнаго намъ отчета того-же братства за $18^{81}/_{82}$ г., второй годъ его существованія, узнаемъ, что названная нами брошюра издана въ числѣ 3,000 экземпляровъ и предназначена для безплатной раздачи *народу*, т. е. возсоединившимся въ 1875 г. изъ уніи въ православіе холмскимъ уніатамъ. Изъ того-же отчета узнаемъ, что изданіе этой брошюры, какъ и другой предположенной—объ иконѣ лѣснянской Божіей Матери, входитъ въ кругъ миссіонерскихъ дѣйствій братства за истекшій годъ, а это располагаетъ насъ, говоря о брошюрѣ, сказать и объ отчетѣ, какъ изданіяхъ одного и того-же братства, отчасти взаимно другъ друга пополняющихъ.

Брошюра, какъ показываетъ ея названіе и поясняетъ отчетъ братства, написана съ цѣлію распространить въ средѣ недавно обращенныхъ въ православіе жителей Холмщины точныя историческія свѣдѣнія о древней святынѣ Холма—чудотворной иконѣ Божіей Матери. Древность святыни Холма расположила автора сказать и о древности самаго города, а къ брошюрѣ приложить точное изображеніе иконы, видъ Холма въ XVII ст., видъ холмскаго каѳедральнаго собора, въ которомъ помѣщается икона Божіей Матери, и наконецъ видъ двухъ древнѣйшихъ, находящихся близъ Холма каменныхъ башенъ. Кромѣ доступности и обстоятельности изложенія предмета брошюры, изданіе вообще производитъ впечатлѣніе пріятное, печать и бумага весьма удовлетворительны. Намъ кажется, что всякій новообращенный житель Холмщины, прочитавъ эту

книжечку, получить отчетливое и наглядное представленіе о холмской чудотворной иконѣ и о томъ, какъ она, составляя издревле достояніе православія, въ теченіи долгаго времени переходила отъ православныхъ къ уніатамъ, отъ этихъ къ католикамъ и обратно, пока окончательно вновь не стала достояніемъ церкви православной. Это одна изъ тѣхъ четырехъ древнѣйшихъ русскихъ иконъ (кромѣ нея, почаевская, częstochowская и вилленская остробрамская), которыя въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ составляли предметъ спора между двумя родственными, но раздѣляемыми исповѣданіемъ вѣры племенами, и изъ которыхъ двѣ послѣднія остаются доселѣ въ рукахъ католиковъ.

Къ брошюрѣ, написанной съ такою спеціальною цѣлію, нельзя, конечно, примѣнять строго научныхъ требованій. Она и не имѣетъ такихъ претензій; и тѣмъ не менѣе это не большое, популярное изслѣдованіе передаетъ вполнѣ не особенно обильныя историческія данныя, какія можно найти о Холмѣ и его древней святынѣ. Авторъ брошюры, относя существованіе Холма ко временамъ Владиміра св. и дальше, основательно отстраняетъ ходячее мнѣніе, относящее начало Холма ко времени князя Даніила Романовича Галицкаго и приписывающее построеніе его этому князю. Намъ непонятно только, отъ чего, разбирая разсказъ объ этомъ ипатьевской лѣтописи, авторъ не опредѣляетъ значенія слова *мѣсто* въ вопросѣ Даніила: «како именуется *мѣсто* сe?», съ которымъ князь обратился къ одному изъ туземцевъ при видѣ Холма. Слово *мѣсто* или *міsto* въ смыслѣ города столь-же древнее въ нарѣчіи южно-русскомъ, какъ *miasto* въ томъ-же смыслѣ въ языкѣ польскомъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ смыслѣ оно употреблено въ передачѣ лѣтописцемъ вопроса князя.

Доказательствъ древности Холма приведено довольно и сгруппированы они удачно; но рядомъ съ свидѣтельствами никоновской лѣтописи, Длугоша и Кромера нѣсколько странно встрѣтить, безъ оговорки даже, ни на чемъ не основанное извѣстіе о найденныхъ будто на мѣстѣ древней Дорочи, нынѣшняго Угря, якоряхъ, свидѣтельствующихъ яко-бы о судоходствѣ этой рѣки. Къ такимъ-же извѣстіямъ надо отнести «слова старожиловъ (холмскихъ), читавшихъ будто-бы древнія пергаменныя рукописи, находившіяся въ любомльскомъ (волынской губ.) монастырѣ св. Георгія, о томъ, что первая холмская церковь построена Владиміромъ святымъ». Зная лично этотъ источникъ, мы можемъ сказать, что ему столько-же можно довѣряться, какъ и приведеннымъ за тѣмъ, также безъ оговорки, словамъ холмскаго епископа Якова Суши о томъ, что «въ его время (въ половинѣ XVII ст.) холмскую церковь считали *семисотлѣтнею*». Слѣдующее за тѣмъ свидѣтельство того-же Суши о суще-

ствовавшей будто-бы въ холмской его времени церкви греческой надписи, съ означеніемъ 1001 года, какъ года построенія, хотя и могло-бы быть допущено, но опирать на этомъ и послѣдующихъ разсказахъ Суши не ясно проводимую авторомъ брошюры мысль о томъ, что нынѣшняя холмская церковь есть именно та древняя, но только расширенная и перестроенная, не представляется никакой возможности; этого рѣшительно не допускаютъ кладка стѣнъ, кирпичъ и цементъ церкви, не имѣющія въ себѣ ничего древняго. Намъ кажется, что и въ книгахъ для народа надо быть точнымъ, а этого условія не соблюлъ авторъ разбираемой брошюры и далѣе, говоря о происхожденіи холмской иконы Божіей Матери. Онъ не только не отвергаетъ извѣстія Суши о томъ, будто эта икона писана евангелистомъ Лукою, но видимо самъ склоняется къ этому мнѣнію. «И дѣйствительно, говоритъ онъ, образъ этотъ, если сравнить его съ образомъ евангелиста Луки, описаніе котораго составлено церковнымъ историкомъ Никифоромъ, ничѣмъ не отличается отъ сего послѣдняго, какъ по сходству изображеній, такъ и по тѣнямъ красокъ и матеріалу». Способъ доказательства, не вызывающій, конечно, на серьезныя возраженія; достаточно сказать, что подобное сходство могло-бы быть произведено въ мастерской Сорокина и что и прочія древнѣйшія иконы, которыхъ очень много, приписываются также евангелисту Лукѣ. Тутъ ужъ не гипербола историческая, а просто метонимія...

Помимо отмѣченныхъ мѣстъ брошюры, обойти которыя мы не считали себя въ правѣ, въ виду почтенной ея задачи, не можемъ не пожалѣть о томъ, что авторъ, увлекшись какъ-бы временами глубокой древности, мало мѣста и времени оставилъ для послѣдующихъ столѣтій и сказавъ обстоятельно о судьбѣ святыни вплоть до нашего времени, мало или вовсе не сказалъ о послѣдующей судьбѣ Холма и холмской земли, и русской въ нихъ народности. Сжатый очеркъ исторіи Холмщины и Подлясья въ такой брошюрѣ былъ-бы весьма не лишнимъ даже въ задачахъ братства. Отстаивая въ этой мѣстности нашу святыню и наше древнее православіе, не слѣдуетъ упускать изъ виду и нашей народности: этому учили насъ такіе умные учители, какъ П. А. Милютинъ и кн. В. А. Черкасскій

Замѣтивъ въ заключеніе, что количество экземпляровъ брошюры менѣе, чѣмъ недостаточно въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, для кого она предназначается, переходимъ къ отчету о дѣятельности братства.

Дѣятельность эта, какъ заявляетъ отчетъ, была обращена на подавленіе *латино-польской* пропаганды, которая, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, ведется съ особенною настойчивостію и усиленною энергіею въ предѣлахъ не только сѣдлецкой, но и люблинской губерніи. Для до-

стиженія этой цѣли, по словамъ отчета, совѣтомъ братства предпринятъ послѣдовательный рядъ мѣръ, каковы: исходатайствованіе принятія братства подъ Высочайшее Государя Императора покровительство, періодическое изданіе брошюръ для безмездной раздачи народу, учрежденіе при братствѣ церковно-археологическаго музея, ходатайство объ учрежденіи внѣшняго знака принадлежности къ братству, безмездная раздача церковныхъ облаченій, церковной утвари, иконъ, книгъ, брошюръ, медальоновъ и разныхъ священныхъ изображеній, выдача денежныхъ пособій православнымъ членамъ мѣстной епархіи и пріобрѣтеніе медальоновъ и крестиковъ и наконецъ распространеніе свѣдѣній о существованіи братства, съ цѣлію умноженія братскихъ суммъ. Холмское братство имѣетъ, конечно, членовъ почетныхъ, которые тутъ-же и перечислены, и дѣйствительныхъ, которые не поминаются, имѣетъ и свой совѣтъ, состоящій изъ 12 членовъ, вѣроятно, по числу 12 апостоловъ... Перечисленіемъ статей прихода и расхода и подведеніемъ итоговъ и заканчивается отчетъ. Капиталъ братства за первый годъ его существованія составлялъ 4,000 р., въ теченіе втораго отчетнаго года поступило 5,039 руб. 22 коп., пущено въ расходъ 1,345 р. 38 к., осталось всего 8,193 руб. 84 к. Для двухъ только лѣтъ для такого спеціальнаго учрежденія, въ маленькомъ притомъ городкѣ, гдѣ болѣе $^2/_3$ еврейскаго и польскаго населенія, сумма пріобрѣтенія весьма солидная.

Указанная отчетомъ задача, которую намѣтило братство, весьма почтенна. Кому не извѣстно, какъ неожиданно для всѣхъ послѣдовало возсоединеніе холмскихъ и подлясскихъ уніатовъ, и какъ многое надо поправлять въ этомъ дѣлѣ! «Послѣдовательный рядъ мѣръ братства», по видимому, также внушителенъ. Намъ кажется однако не совсѣмъ яснымъ значеніе въ частности нѣкоторыхъ мѣръ. Прежде всего мы не понимаемъ соотношенія между первою мѣрою, которую отчетъ считаетъ самою важною, и преслѣдуемою братствомъ задачею. Не имѣлъ-ли при этомъ совѣтъ братства другихъ побужденій? Въ Холмѣ есть другое учрежденіе, которое раньше исхлопотало себѣ Высочайшее покровительство, хотя, какъ извѣстно, это обстоятельство не измѣнило его внутренняго положенія. Мало отвѣчающимъ задачѣ братства намъ кажется ходатайство объ учрежденіи внѣшняго знака принадлежности къ братству; отдаленную связь съ нею имѣетъ весьма важное въ другихъ отношеніяхъ учрежденіе не открытаго доселѣ церковно-археологическаго музея; очень ограниченнымъ является изданіе брошюръ для народа,—доселѣ издана одна, предположена другая, дальнѣйшаго плана братства совсѣмъ не видимъ. Раздача церковныхъ облаченій и пр., полученныхъ въ даръ натурою, произведена на сумму 1746 р. 65, иконъ и священныхъ и историческихъ изображе-

ній на бумагѣ на 659 р. 10 к., книгъ и брошюръ на 528 р., но въ числѣ вторыхъ мы нашли виды Москвы, а въ ряду послѣднихъ еженедѣльную газету «Русь» и «Солнышко» Радонежскаго. Отчетъ удостовѣряетъ, что двѣ брошюры обратили двухъ закоренѣлыхъ уніатовъ, хотя мы положительно знаемъ, что названныя брошюры были гораздо раньше въ Холмщинѣ и не обратили за долгое время ни одного уніата. Пособія выдавались въ 5 и 10 р., всего на сумму 139 р.; въ числѣ пособій значатся и гонорары книгоношамъ и за переписку братскихъ бумагъ, а въ числѣ вообще расходовъ братства обращеніе наличныхъ денегъ въ процентныя бумаги и оплата телеграммъ, посланныхъ въ Петербургъ по случаю принятія братства подъ высочайшее покровительство. Главная и болѣе видная дѣятельность братства состояла въ раздачѣ преосвященнымъ его предсѣдателемъ крестиковъ и иконъ во время объѣзда епархіи, но она и прежде производилась тѣмъ-же преосвященнымъ, хотя вѣроятно на личныя его средства. Вообще, сравнивая приходъ съ расходомъ, нельзя не видѣть, что братство налегало на пріумноженіе прихода и очень экономничало въ расходахъ, а сопоставляя провозглашенную имъ задачу съ израсходованными имъ суммами, можно подумать, будто совѣтъ братства надѣется, вопреки изреченію народной мудрости, «нагрѣть шиломъ море».

Холмскій Братчикъ.

Историко-статистическое описаніе черниговской епархіи. Чернигов. 7 ч. 1873 г.

Въ журналѣ, посвященномъ малоразработанной исторіи южной Россіи, на ряду съ обзоромъ вновь выходящихъ въ этой области книгъ, не лишне было-бы дѣлать указанія и замѣтки на такія изданія прежнихъ годовъ, которыя въ свое время прошли не замѣченными, а между тѣмъ составляютъ такой цѣнный вкладъ въ нашу юную историческую науку, пользоваться которымъ имѣетъ надобность всякій, посвящающій ей свои силы. Къ числу такихъ изданій принадлежитъ то, заглавіе котораго сейчасъ выписано нами. Мы не намѣрены касаться содержанія этого многотомнаго изданія и значенія его для мѣстной исторіи, но хотимъ указать на его происхожденіе и составъ, съ цѣлію открыть не замѣченную въ немъ въ свое время нѣкоторую фальсификацію, требующую поправки.

Названное нами изданіе въ большей части своей есть капитальный трудъ извѣстнаго нашего ученаго и историка пр. Филарета, архіепископа черниговскаго, скончавшагося въ 1866 г. Извѣстно, что съ самаго почти пріѣзда своего въ Черниговъ, онъ горячо принялся за изученіе исторіи новой своей епархіи и плодомъ сего были изданныя еще въ 1861 г. брошюры: «Общій обзоръ епархіи черниговской» и «Каѳедральные черниговскіе монастыри: ильинскій, троицкій, елецкій и бо-

рисоглѣбскій», съ приложеніемъ нѣсколькихъ неизданныхъ сочиненій св. Димитрія и многихъ грамотъ и плановъ древняго Чернигова.

Съ іюня 1861 г. началось изданіе Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и въ нихъ помѣщены имъ: Описаніе монастырей нѣжинскаго, глуховскаго, думницкаго, козелецкаго, крупецкаго, рыхловскаго, женскихъ и закрытыхъ монастырей, также описаны г. Черниговъ съ уѣздомъ, Остеръ съ уѣздомъ, Нѣжинъ, Глуховъ, Стародубъ, Мглинъ и Новозыбковъ съ уѣздами, а по смерти его описаніе уѣздовъ—въ 1868 г. борзенскаго, а въ 1872 г. новгородъ-сѣверскаго, сосницкаго, городнянскаго, конотопскаго, козелецкаго, суражскаго и кролевецкаго.

Всѣ эти статьи вошли въ названное нами изданіе 1873 г. Изданіе сдѣлано бывшимъ тогда епископомъ черниговскимъ Ѳеофаномъ и представлено имъ въ св. синодъ, но въ немъ допущены разныя дополненія и урѣзки и при этомъ не указаны не только имя пр. Филарета, но имена и другихъ лицъ, статьи которыхъ вошли въ изданіе. Почему это такъ сдѣлано, намъ неизвѣстно; знаемъ только, что въ слѣдъ за этимъ пр. Ѳеофанъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа.

Составленное такимъ образомъ описаніе епархіи издано на грязной сѣрой бумагѣ, со множествомъ ошибокъ и опечатокъ, издано почти по числу церквей въ епархіи и хотя цѣна назначена дешевая, всего три рубля, но оно почти не было въ продажѣ.

Вотъ какія въ немъ сдѣланы перемѣны и добавки: во 2 томѣ явилось заглавіе «Черниговскій архіерейскій домъ», вм. «Ильинскій монастырь»; въ томъ-же томѣ, послѣ вышеприведенной статьи, на стр. 107—148 помѣщена статья Н. Докучаева: «Первые годы существованія черниговской семинаріи», помѣщенная въ «Чер. Епар. Вѣд.» 1870 г. и 1871 г., и ст. Л. Бѣлоусовича: «Построеніе новыхъ зданій для семинаріи», заимствованная изъ тѣхъ-же Вѣдомостей 1866 г. Въ 3 томѣ, на стр. 157—208 помѣщено описаніе нѣжинскаго благовѣщенскаго второкласснаго монастыря, называемый Назареть пресвятыя Богородицы, написанная Л. Бѣлоусовичемъ и помѣщенная первоначально въ «Черн. Епарх. Вѣд.» 1867 и 1868 гг. Въ 4 томѣ въ статьѣ о закрытыхъ монастыряхъ, въ концѣ книги напечатана на стр. 198—255 моя статья: «Антоніевскій любечскій монастырь», помѣщенная въ «Черн. Губ. Вѣд». за 1860 г., а раньше въ томъ-же томѣ помѣщено описаніе того-же любечскаго монастыря, составленное пр. Филаретомъ на основаніи моей статьи, уже двумя годами позже, при чемъ въ оглавленіи моей статьи напечатано: «2-й антоніевскій монастырь», какъ будто существовало два монастыря этого имени Къ 3 тому прибавленъ уставъ рыхловскаго монастыря относительно церковнаго богослуженія и правилъ общежитія, не бывшій въ описаніи пр. Филарета, между тѣмъ не изданныя сочиненія св. Димитрія и планъ древняго Чернигова, приложенные къ описанію черниговскихъ каѳедральныхъ монастырей, къ этому изданію не приложены.

10 лѣтъ прошло, какъ сочиненіе знаменитаго ученаго іерарха нашего издано въ такомъ недостойномъ его видѣ, и намъ кажется, что слѣдовало-бы возобновить это какъ-бы не бывшее изданіе, но при этомъ издать все описаніе по тексту пр. Филарета, что составило-бы тома два въ восьмую долю, статьи-же другихъ авторовъ, если-бы въ томъ была надобность, издать въ видѣ приложенія.

Графъ Милорадовичъ.

Черниговъ. 1 февр. 1883 года.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ВЕРТЕПЪ ВЪ ДУХОВЩИНѢ

*(уѣздномъ городѣ смоленской губерніи).**)

Духовщинскій вертепъ, видѣнный мною раза два-три въ дѣтствѣ, былъ очень большой ящикъ, раздѣленный на четыре отдѣленія, съ крышею сверху. Въ верхнемъ и слѣдующемъ за нимъ второмъ отдѣленіи вертепа стѣны были оклеены цвѣтною бумагою, полъ устланъ заячьей шкурою, а перегородка, въ видѣ рѣшетки, отдѣлявшей „сцену“ отъ зрителей, сколько помнится, была украшена вырѣзными „фестонами“ изъ цвѣтной же бумаги; такими же „фестонами“ были разукрашены и столбики съ карнизомъ. Въ глубинѣ верхняго отдѣленія стоялъ балдахинъ, разукрашенный золотою короною и такою же бахрамою; а подъ балдахиномъ—золотой тронъ; на немъ сидѣлъ Иродъ. Въ правомъ углу этого же верхняго отдѣленія стояли маленькія ясли; въ нихъ лежало изображеніе младенца Іисуса; съ одной стороны яслей сидѣла Божія Матерь, съ другой стоялъ Іосифъ. Во второмъ отдѣленіи, украшенномъ значительно бѣднѣе, чѣмъ первое, не было ничего. Третье отдѣленіе

---

*) «Малорусскій вертепъ», статья Г. П. Галагана, помѣщенная въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины», вызвала у пишущаго эти строки воспоминанія о видѣнномъ въ началѣ 60 годовъ вертепѣ и вертепномъ представленіи въ Духовщинѣ, уѣздномъ городѣ смоленской губерніи. Какъ читатель увидитъ, малорусскій вертепъ и его духовщинскій собратъ—если не родные, то несомнѣнно двоюродные братья.

было скрыто отъ глазъ публики. Во время представленія въ немъ находились руки представляющаго, который приводилъ куклы въ движеніе. Въ четвертомъ отдѣленіи, въ небольшомъ, выдвижномъ ящикѣ, находились куклы. Сколько помнится, верхнее и второе отдѣленія закрывались занавѣсками изъ „матеріи“.

Какъ попалъ вертепъ въ Духовщину, откуда и кто устроилъ его, мнѣ не извѣстно. Знаю только то, что вертепъ существовалъ въ Духовщинѣ еще въ 30 годахъ и находился въ рукахъ мѣщанъ; что духовенство не имѣло никакого отношенія къ вертепу; что онъ, кажется, переходилъ изъ рукъ въ руки при посредствѣ купли и продажи, сначала,—вѣроятно въ ту пору, когда куклы были цѣлы,—за дорогую цѣну, такъ что для покупки его образовалась чуть не артель, а потомъ—за дешевую. Послѣдній владѣлецъ вертепа, пришедшаго въ ветхость въ половинѣ 60 годовъ, былъ бѣдный мѣщанинъ, молодой человѣкъ. Какъ-то случайно пришлось мнѣ попасть въ амбаръ, правильнѣе сказать, въ старый сарай послѣдняго владѣльца вертепа и посмотрѣть на брошенный въ уголъ, покрытый пылью и паутиною, оборванный и грязный, но когда-то красивый и привлекательный вертепъ. Невольно вспомнилъ я тѣ мгновенія, когда мнѣ хотя издали, въ толпѣ взрослыхъ, но все-таки пришлось увидѣть вертепное представленіе; я вспомнилъ ту радость, какую доставилъ мнѣ вертепъ, и разговорился съ владѣльцемъ вертепа. Помню, онъ разсказалъ мнѣ, что купилъ вертепъ уже подержаннымъ, что многихъ куколъ уже не было, что попробовалъ было собрать „парней“, чтобы „спѣться“, припомнивъ вертепныя пѣсни, и подготовить представленіе. „Но“, продолжалъ владѣлецъ вертепа, „дѣло не пошло на ладъ; охотники „ходить съ вертепомъ“ нашлись было, но никто изъ нихъ не зналъ вертепныхъ пѣсенъ и „приговорокъ“. Побился я, побился, кое-что разучилъ, хотя и самъ мало зналъ, и пошелъ было съ вертепомъ по городу, но крайне не удачно: сборъ былъ очень ничтожный. Я увидѣлъ, что овчинка не стоитъ выдѣлки, взялъ и бросилъ вертепъ въ „амбаръ“.—Вѣроятно, вертепъ и сгнилъ тамъ, а куклы разошлись по рукамъ,—благо, не много и было ихъ. Такъ печально окончилъ свою блестящую жизнь духовщинскій вертепъ! А было время, въ сороковыхъ, пятидесятыхъ и даже въ началѣ 60 годовъ, духовщинскій вертепъ водилъ знакомство только съ важными барскими да купеческими домами,

позволялъ любоваться собою дѣткамъ только богатыхъ людей, а если и подпускалъ къ себѣ дѣтей бѣдняковъ, то не иначе, какъ на почтительномъ разстояніи, да и то послѣ значительныхъ поклоновъ и ухаживаній. Бѣдному мальчику нужно было много часовъ побѣгать за вертепомъ, чтобы удостоиться чести приблизиться къ санкамъ, на которыхъ возили вертепъ; нужно было не мало покланяться, чтобы получить позволеніе взяться за веревку санокъ и везти ихъ; нужно было особое счастье, чтобы, войдя съ „вертепщиками“ въ домъ, быть допущеннымъ сначала къ задней сторонѣ вертепа, потомъ къ боковой, а потомъ (о, счастье!) и къ лицевой... Такимъ счастьемъ два-три раза воспользовался и пишущій эти строки. Яркимъ пятномъ выдѣляется воспоминаніе о вертепѣ изъ всѣхъ моихъ дѣтскихъ воспоминаній, и кажется мнѣ, что мое воспоминаніе о вертепѣ очень подробно, обстоятельно и правдиво,— кажется мнѣ, что я описываю вертепное представленіе такимъ, каково оно было на самомъ дѣлѣ.

Собравшись въ домъ владѣльца вертепа, вертепщики, преимущественно взрослые „парни“, прежде всего „спѣвались“, потомъ обсуждали, въ какіе улицы и дома „поѣхать“; потомъ выносили вертепъ, ставили его на сани; двое-трое-четверо впрягались въ сани и „ѣхали“, а вертепщики шли за санями и около нихъ, образовывая какъ-бы конвой. Такая предосторожность была очень и очень необходима: на вертепъ и вертепщиковъ бывали нападенія. Если вертепщиковъ было много, то нападенія быстро отбивались, иногда при помощи рукъ, иногда при помощи кольевъ; если же нападающихъ было больше, то доставалось и вертепщикамъ, и вертепу; послѣ такихъ схватокъ бѣдный вертепъ очень часто возвращался обратно домой и долженъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ дней врачевать свои раны.

Странны и до нѣкоторой степени необъяснимы эти нападенія на вертепъ и его владѣльцевъ. Причины нападеній были, какъ мнѣ кажется, отчасти ревность, положительно таки ревность, отчасти отместка за какое нибудь старое злодѣяніе вертепщиковъ, отчасти та удаль, которую опредѣляютъ словами: „руки чешутся“, отчасти—дикость нравовъ. Въ Духовщинѣ и попынѣ два прихода: соборный и духовскій. Между прихожанами обѣихъ церквей съ давнихъ поръ идетъ вражда-невражда, а нѣкоторая непріязнь и

соревнованіе. Сдѣлаютъ что нибудь для своей церкви „соборные“,—„духовскіе“ стараются сдѣлать что-нибудь лишнее; „духовскіе“ испросятъ позволеніе поставить икону и читать предъ нею въ опредѣленный день недѣли акафистъ,—„соборные“ дѣлаютъ то же; „духовскіе“ разукрасятъ храмъ живописью,—„соборные“ стараются сдѣлать лучше. Соревнованіе не ограничивалось церковью, проходило и въ будничную жизнь. „Соборные не составляли компаніи для торговли съ „духовскими“; „соборныя дѣвки“ рѣшительно отказывались выходить замужъ за „духовскихъ ребятъ“, считая ихъ болѣе грубыми и невѣжественными, чѣмъ „соборные“; въ свою очередь „духовскіе ребята“ не любили видѣть „соборныхъ“ ухаживающими за „своими дѣвками“; чуть представлялась возможность, и „духовскіе ребята“ подчивали кольями „соборныхъ“ и приговаривали: „идите и ухаживайте за своими дѣвками“; „соборные“, конечно, не оставались въ долгу и платили кольями. Такая вражда двухъ приходовъ проявлялась и при хожденіи съ вертепомъ. Сколько помнится, вертепъ принадлежалъ „духовскимъ“ ребятамъ. Конечно „соборные“ не могли перенести преобладанія „духовскихъ“ ребятъ и, пылая ревностію къ славѣ своего прихода, а также отчасти и завистью,—старались вредить вертепщикамъ и ни въ чемъ невиновному вертепу. Много пострадалъ прекрасный вертепъ во время схватокъ „соборныхъ“ ребятъ съ „духовскими“! И, кажется мнѣ, не столько время сокрушило стѣны, полки, обои, украшенія и куклы вертепа, сколько жестокія раны и увѣчья, полученныя во время схватокъ. Но не всегда схватки бывали. Случалось, что между приходами бывали и перемирія, даже продолжительный миръ. Въ такія времена вертепъ благополучно „переѣзжалъ“ съ улицы въ улицу и появлялся то въ одномъ, то въ другомъ домѣ, конечно, съ разрѣшенія хозяина. Вотъ вертепъ въ комнатѣ, уставленъ на видное мѣсто. Зрители (хозяева съ дѣтьми и гостями, а также прибывшіе съ улицы) окружили вертепъ и ждутъ—не дождутся начала представленія. Настала наконецъ торжественная минута. Свѣчки у перилъ зажжены. Внутренность вертепа освѣтилась. Вниманіе напряжено. И вдругъ появляются два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ, крестъ-на-крестъ опоясанные, съ золотыми крыльями, съ тоненькими свѣчками въ рукахъ. Главный вертепщикъ говоритъ:

„Ангелы съ небеси слетьли,
„Слава въ вышнихъ“ запьли“.

А хоръ подхватываетъ и поетъ:

„Слава въ вышнихъ! воспывайте,
Рождению прославляйте“!

Во время этого припѣва, повторяемаго три раза, ангелы скрываются; мѣсто ихъ занимаютъ пастухи; они одѣты въ теплое платье съ заячьими шкурами на плечахъ; осмотрѣвшись по сторонамъ, пастухи идутъ въ тотъ уголъ, гдѣ около яслей находятся пресвятая Дѣва и Іосифъ, подходятъ къ яслямъ и кланяются. А хоръ поетъ:

„Пастухи съ яныткомъ
Предъ малымъ дитяткомъ
На колѣни выпадали,
Христа прославляли.
Даруй, Боже, лѣто тепло,
Лѣто тепло и счастливо,
Сего дома господину,
Хозяину—дворянину,
*Многая лѣта“!**).

Въ концѣ пѣнія этой пѣсни пастухи уходятъ. Являются три царя въ золотыхъ коронахъ, съ дарами въ рукахъ, и идутъ къ Ироду, который сидитъ на тронѣ, и поговоривъ съ нимъ, отходятъ къ яслямъ, кланяются и уходятъ въ другія двери. Иродъ въ это время произноситъ монологъ и, видя, что царей нѣтъ, зоветъ воина и приказываетъ идти и убивать дѣтей. Воинъ уходитъ и черезъ секунду возвращается съ Рахилью, которая держитъ на рукахъ

---

*) Замѣчательно сходно съ пѣсней «Малорусскаго вертепа»:

Передъ тимъ дитяткомъ
Пастухи зъ яныткомъ
На коліньця упадаютъ,
Христа Бога выхваляютъ.
Просимъ Тебе, Царю,
Небеській Шапарю,
Пошли, Боже, многа літа
Сему господарю». («Кіев. Старина», окт. 1882 г.)

дитя. Иродъ приказалъ убить ребенка. Рахиль плачетъ и такъ укоряетъ Ирода:

„Иродъ ты проклятый,
Будешь въ огонь взятый.
За мое дитя будешь въ огнѣ горѣть
И въ смолѣ кипѣть“.

Воинъ выгоняетъ Рахиль. Царь Иродъ въ смущеніи и начинаетъ говорить о томъ, что онъ боится смерти. А она, страшный скелетъ, съ косой въ рукѣ, тутъ какъ-тутъ и срѣзываетъ голову Ирода. А тутъ и черти вбѣгаютъ, играютъ головой Ирода, хохочутъ и убѣгаютъ. На смѣну ихъ является женщина, богато одѣтая, въ сопровожденіи воина, плачетъ надъ трупомъ Ирода и уноситъ его тѣло.—„Духовное“ представленіе окончилось. „Не желаете-ли, господа, свѣтскаго?“ спрашиваетъ глава вертепщиковъ. Конечно, отвѣтъ получается утвердительный. Дѣйствіе переносится во второе отдѣленіе. Прежде всего выѣзжаютъ два всадника; простые игрушечные бумажные всадники, на бумажныхъ-же коняхъ, разъѣзжаютъ нѣсколько секундъ, потомъ ударяютъ другъ друга копьями; одинъ изъ всадниковъ падаетъ. Въ это время хоръ поетъ:

„Александръ Македонскій,
Царю Породинскій (?),
Побивайте вы насъ, насъ, насъ!..“

Этотъ безсмысленный припѣвъ пѣли три раза. Быстрый припѣвъ: „насъ, насъ, насъ“ смѣнялся еще быстрѣйшими:

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Во зеленыхъ во лузяхъ“...

и являлись цыганъ съ цыганкою и лихо отплясывали. На смѣну ихъ вбѣгалъ козелъ подъ пѣсню:

„Пошелъ козелъ въ огородъ,
Ай-люли, въ огородъ...
Поѣлъ козелъ капусту,
Ай-люли, капусту“...

и бѣгаетъ по сценѣ; его ловитъ баба; козелъ сбиваетъ ее съ ногъ; наконецъ баба одолѣваетъ-таки козла и ведетъ его за рога, чтобы продать. Сколько помнится, послѣ козла сцена стоитъ нѣкоторое

время пустою. Вниманіе зрителей возбуждается. Видѣвшіе вертепъ шепчутъ: „жидъ“. Дѣйствительно, является характерная фигурка, прекрасно исполненная кукла, изображающая жидка, съ пейсиками, въ ермолкѣ, въ длинномъ черномъ лапсердакѣ, и съ ... боченочкомъ водки въ рукахъ. За жидкомъ идетъ полицейскій солдатъ и, незамѣтно подойдя къ еврею, спрашиваетъ, что онъ продаетъ.—„А, корчемную водку!... въ полицію!..“ кричитъ солдатъ. Еврей проситъ помилованія и предлагаетъ выпить водочки. Солдатъ поддается искушенію и пьетъ, пьетъ и тутъ-же валится съ ногъ. Еврей хохочетъ и начинаетъ издѣваться надъ солдатомъ, бьетъ его и щиплетъ. Солдатъ схватывается и въ свою очередь начинаетъ бить еврея. Онъ кричитъ „благимъ матомъ“. На крикъ прибѣгаетъ квартальный и хочетъ взять еврея въ полицію. Еврей упрашиваетъ и поетъ:

„Я жидочекъ бѣдный,
Худенькій, мизерный“...

Увидѣвъ, что просьбы не помогаютъ, еврей начинаетъ плясать, приговаривая:

„Передъ паномъ Ѳедорóмъ
Ходитъ жидъ ходорóмъ“...

И пляска не помогаетъ: еврея тащутъ-таки въ полицію. Лишь только исчезаетъ еврей, является послѣднее лицо—„Максимка, сорока пяти годочковъ, несмысленничекъ *)“, одѣтый въ оборванное платье съ кошелькомъ, на манеръ церковнаго, въ рукѣ и начинаетъ говорить разныя небылицы:

. . . . . ;
„Батька нашъ
Курей кралъ
Подъ печь ховалъ“...

Въ заключеніе Максимка проситъ денегъ. Первыми кладутъ въ кошелекъ дѣти, потомъ гости, наконецъ хозяинъ. Получивъ деньги, Максимка спрашиваетъ: „не позволятъ-ли, господа, выстрѣлить изъ пушки?“ Если получается дозволеніе, то выкачивается игрушечная пушка, однако заряженная; глава вертепщиковъ говоритъ многолѣтіе хозяину и его семьѣ; при возгласѣ: „многая лѣта!“ выстрѣлъ

*) «Максимка», сорока пяти годочковъ, «несмысленникъ» — это «Савочка нищій» «Малорусскаго вертепа».

гремитъ; хоръ подхватываетъ: „многая лѣта!“ Вертепное представленіе окончилось. Съ грустью разставались дѣти съ вертепомъ, а кто знаетъ, можетъ быть вздыхали о немъ и взрослые; можетъ быть, что вздыхаютъ и теперь.

Интересное явленіе—духовщинскій вертепъ. Очевидно, онъ—заносное удовольствіе. Сколько мы знаемъ, въ другихъ городахъ смоленской губерніи о вертепахъ не слыхали, а слыхали,—то не видали. Пишущему эти строки пришлось учиться въ такомъ учебномъ заведеніи, въ которомъ были уроженцы со всѣхъ концовъ смоленской губерніи, и ни одинъ изъ нихъ не говорилъ о вертепѣ. Ходъ представленія, а также совпаденіе стиховъ, въ особенности, неправильность рѣчи — все это указываетъ, что духовщинскій вертепъ принесенъ изъ Малороссіи. Кажется, что такъ оно и было. Духовщинскіе купцы и мѣщане, преимущественно „духовскіе“, въ прежнее время „вели торговлю“ съ полтавскою губерніею: покупали въ Ромнахъ воловъ и простой табакъ. Случалось, что духовщинскіе купцы подолгу живали въ Ромнахъ и другихъ городахъ полтавской губерніи. Несомнѣнно, что купцамъ приходилось видѣть вертепъ и прельститься имъ. Очень можетъ быть, что кто-нибудь и купилъ вертепъ съ куклами и привезъ въ Духовщину, въ „духовщину“, т. е. „духовскій“ приходъ. Тутъ онъ и пребывалъ въ теченіи долгаго времени. Послѣдніе только дни своей нѣкогда славной жизни пришлось провести вертепу въ „соборномъ“ приходѣ; „соборному“ же нѣкогда прихожанину пришлось написать и эту памятку о вертепѣ, бывшемъ нѣкогда яблокомъ раздора между двумя приходами. Но можетъ быть и другое объясненіе появленію вертепа въ Духовщинѣ. Смоленская губернія, какъ извѣстно, пограничная между великорусскими и бѣлорусскими губерніями. Одна часть виленской губерніи, примыкающая къ тверской, московской и калужской, населена великороссами, а другая, меньшая часть губерніи, примыкающая къ витебской, могилевской и черниговской—отчасти великоруссами, отчасти бѣлоруссами. Духовщина—граница великорусскаго и бѣлорусскаго племени. Въ этомъ городѣ встрѣтились два племени со своими взглядами, обычаями и повѣрьями, а также и съ удовольствіями. Судя по нѣкоторымъ личнымъ свѣдѣніямъ, мы можемъ утверждать, что въ Бѣлоруссіи вертепъ—дѣло обычное. Возможно, что и духовщинскій вертепъ бѣлорусскаго про-

исхожденія. Торгуя съ Малороссіею, духовщинскіе купцы торговали и съ Ригою, сплавляя хлѣбъ по Каснѣ, а потомъ по Двинѣ. Идя по этому пути, „духовляне" должны были останавливаться въ витебской губерніи и видѣть вертепъ. Если это объясненіе имѣетъ достовѣрность, то можно объяснить появленіе въ вертепѣ еврея, торгующаго корчемною водкою. Дѣйствительно, въ смоленскую губернію очень часто при откупахъ проникала „деневка" изъ витебской губерніи. Какъ-бы-то ни было, изъ Малороссіи, или изъ Бѣлоруссіи зашелъ въ Духовщину вертепъ,—онъ былъ любимый гость въ Духовщинѣ.

Александръ Тарнавскій.

ОЧЕРКИ НАЦІОНАЛЬНЫХЪ ТИПОВЪ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Черты типа еврейскаго).

Украинское народное творчество по количеству и разнообразію его произведеній представляетъ огромный интересъ и обширное поле для изслѣдованія [1]). Сохраняя до настоящаго времени элементы древнѣйшаго склада міровоззрѣнія и слова, наша народная словесность имѣетъ въ себѣ много различныхъ теченій и наслоеній, вплоть до отпечатлѣнія въ ней явленій жизни самаго послѣдняго времени. Будучи почти совершенно изолированною отъ движеній и направленій письменнаго творчества классовъ интеллигентныхъ, отъ котораго нашему народу попадаютъ лишь ничтожныя крохи, область народныхъ произведеній самостоятельно разрабатываетъ свои пути, имѣя свои особые углы наблюденія, особые пріемы изображенія, съ которыми не мѣшало-бы познакомиться и людямъ пишущимъ (въ особенности желающимъ писать для народа).

При своей отзывчивости къ ближайшимъ переживаемымъ явленіямъ жизни и большой реальности ихъ изображенія, какъ это сказалось напримѣръ въ складываніи нашихъ историческихъ пѣсень,

---

[1]) Припомнивъ ту массу матеріаловъ украинской народной *словесности*, которую даютъ намъ колоссальные «Сборники» Чубинскаго, Головацкаго и др., нельзя не признать ее одной изъ богатѣйшихъ.

украинская народная словесность отпечатлѣла въ себѣ, въ видѣ характерныхъ изображеній, также типы ближайшихъ національностей, съ которыми жизнь сводила украинскій народъ. Въ этихъ изображеніяхъ интересующійся изслѣдователь замѣчаетъ прежде всего отсутствіе крайней субъективности отношенія: онъ видитъ, наоборотъ, что эти изображенія дышутъ какимъ-то эпическимъ спокойствіемъ. Въ большинствѣ случаевъ характерной чертой изображенія является лишь извѣстный украинскій юморъ, не искажающій, однако-же, изображеніе типа до крайней фантастичности, а лишь, какъ это должно быть въ каждомъ художественномъ произведеніи, рельефнѣе подчеркивающій характерныя черты.

Среди этихъ изображеній иноплеменниковъ въ украинской народной словесности находимъ обширный отдѣлъ своеобразно-художественныхъ очерковъ типа еврейскаго. При разборѣ накопившихся разнообразныхъ этнографическихъ матеріаловъ, принадлежащихъ правобережной Украйнѣ, у меня нашлось нѣкоторое количество характернаго матеріала, относящагося къ только что упомянутой области, изображенію еврейскаго типа. Выбирая для настоящаго сообщенія то, что имѣетъ интересъ новизны, я надѣюсь, что предлагаемый матеріалъ будетъ, въ числѣ прочаго, не безъинтересной прибавкой къ этнографическому отдѣлу, который, какъ это видятъ съ великимъ удовольствіемъ этнографы-собиратели, „Кіевская Старина“ также не оставляетъ внѣ своего вниманія.

Надо однако пояснить, что подъ словомъ „изображеніе типа“ я разумѣю не одни лишь, болѣе или менѣе развитые въ подробностяхъ, цѣльные разсказы, пѣсни, но также и мелкія прибаутки, пословицы и пр., которыя, не обладая распространенной формой, какъ извѣстно, даютъ тѣмъ не менѣе, въ видѣ конкретныхъ образовъ, очень рельефныя изображенія.

Передачу своего матеріала я и начну прежде всего съ этихъ мелкихъ замѣтокъ.

Присказки:

„Звычайне, жидъ за жидомъ“.

„Любимося, якъ браты, рахуймося, якъ жиды“.

„Грусиця, якъ жидъ надъ грішми“.

„Величаеця, якъ жидівській патинокъ“.

„Пишаеця, якъ жидъ на родинахъ“.

„Розумный, якъ Берківъ яломокъ".
„Цытьте жиды, нехай рабинъ бреше!"
„Жидъ ни сіе, ни оре, лишъ обманомъ живе".
„Такій жвавый, якъ жидъ молотити".
„Чесный, якъ жидівська потылиця".
„Якъ прийде біда, не йди до жида".
„Якъ у воді не безъ чорта, такъ у великого пана не безъ жида".
„Хоть-бы жидъ бувъ зъ неба, вірити ёму не треба".
„Жидівського духу не відхристишъ".
„Зъ ворога примиреного, зъ вовка годованого, зъ жида хрещеного добра не сподівайся".

Перепосъ имени:

„Жидомъ" называютъ полевой цвѣтокъ, имѣющій особый рѣзкій запахъ (если не ошибаюсь, по научной терминологіи, цвѣтокъ этотъ имѣетъ названіе *cimicifuga faetida*). Женщины подгородныхъ селъ на югѣ Волыни, идя въ городъ съ сельскими продуктами, кладутъ этотъ цвѣтокъ въ коробку или корзину, для лучшаго успѣха въ продажѣ и покупкѣ.

„Жидкамы" зовутъ, шутя, маленькихъ свѣтлыхъ мурашекъ, водящихся въ домахъ. „Де що не поставъ, якъ не закрывай,—уже повнісінько ціхъ жидківъ!" говорятъ бабы въ Кіевѣ.

Примѣты:

1) *На жидівськи кучки мусить бути дощъ.*

Народъ вѣритъ, что въ этотъ осенній праздникъ евреи для того просятъ дождя у Бога, чтобъ ихъ „парши не напали". Иные объясняютъ тѣмъ, что имъ равно въ праздникъ дома сидѣть надо.

2) *Жиды волочатыся,—дощъ буде.* Объясняется при этомъ, что молъ евреи „духомъ чуютъ" приближеніе дождя и спѣшатъ покончить ближайшія дѣла, требующія хожденія.

3) *Якъ молоди, йдучи одъ шлюбу улицею, перши усёго зострінуть жида, або жидівку, то будуть банати на діти.*

Прыповѣстки:

1) Якъ наймавъ жидъ наймичку, та й каже: у мене, чуешъ, не багато роботы: замети хату,—та й сядь, выдой корова,—та й сядь, звари обідъ,—та й сядь, прижени корова,—та й сядь"... Итакъ далѣе .. перечисляется столько занятій, что управившись съ ними, наймичка на сидѣнье совсѣмъ уже не будетъ имѣть времени.

2) „Або тежъ якъ жидъ годився зъ наймичкою. „Ты въ мене голодна не будешъ сидіти: яйця варитимешъ,—юшка твоя, картоплю варитимешъ,—юшка твоя; а часомъ ще й грішъ дамъ, купишъ рака, юшку зсіси, а грішъ менї віддаси.

3) „Мовлявъ жидъ: на що мені рыба безъ хвістъ, нехай моя наймичка зсість!"

4) „Жидъ николи не дивиця на сонце, тільки, якъ треба, питае: а що тамъ ще рано?"

Комическіе разсказы.

I.

Якъ створивъ Богъ жидівъ, то вони перше й шанувались, а дальше розкоренились, та й розібрались; а тутъ и всякого иншого народку намножилося, отъ и думають жиды, якъ-бы то имъ краще шахрувати, та й почали Богови дорікати: „не гаразъ ты, Господи, сей світъ створивъ".—„Якъ не гаразъ? питае Богъ: яка вамъ, проклятимъ, ще недогода?"—„А отъ яка, говорять жиды: хиба-жъ то до речи, створити та держати на небі таку річъ, що вона тамъ зовсімъ не потрібна й жадної корысті зъ неи нема?"—„Яка-жъ тамъ така річъ на небі—непотрібна?" питае Богъ.—А жиды й кажуть: „а зори? на що вони? аже-жъ сонце світить у день, місяць—у ночи, а зори зовсімъ даремне стремлять! краще-бъ ты, Господи, взявъ та тиі зори повершувъ у золоти гроши та й намъ давъ. Зроби, Господи, такъ!"—„Ну, та й набридли вы менї! каже Богъ, одно лізете, коли не зъ тымъ то зъ тымъ! Уже такій марудный народъ, що й на світъ-бы васъ не слідъ було пускати. Ну вже-жъ, нехай буде такъ: дамъ вамъ золотихъ грошей доволі,—тільки-жъ, якъ зори на небі, такъ я васъ самихъ розкидаю по всёму світу".

(Подольск. губ.)

II.

Варіантъ того-же мотива.

Візъ мужикъ на ярмарокъ пана зъ жидомъ; тілько дорогою вісь поломилась, мусіли започувати середъ шляху. „Ну, що-жъ, ласкавый пане“, каже мужикъ: „я зъ того не виненъ, що така причина впала, але вже теперъ кладітеся спати—де хочете!“ Допіро панъ положився на килимку підъ деревомъ, жидъ на возі, а мужикъ, фурманъ той, біля коней, на облозі (наглядати, щобъ часомъ коней не покрадено). Ну, нічого, літнёї поры ничъ тепла; а зоряно такъ, що не надивитись!—Лежать всенькі трое та й думають коженъ свое. Панъ лежить, дивиться на небо та й медитуе: „отже й на небі не однаково,—одни зори менши, други більши, знати-бъ то пляхетніши; а цікавый бымъ знати, за кого-жъ місяць промежъ зорями, чи то за круля, чи за ксёнза?“—Иванцё дивився, дивився на небо та й каже: „хороше, Господи, якъ хороше у небі святому! а все ліпше, що небо такъ высоко, а то люде й небо помежували-бъ: вельможни та дужи забрали-бъ більши кутки, а иншимъ-бы менши достались, а якъ кому, то й ничого-бъ не зосталось“... А жидъ позирнувъ у-гору, покрутивъ головою та й помысливъ: „гітъ!—а що-то якъ-бы въ мене стілько кербеливъ було, скілько зірокъ на небі? ай вей миръ! може-бъ и на процентъ не дававъ!“...

(Подольск. губ.)

III.

„Прийшовъ Мошко зъ лісу та такій переляканый! Трапився ёму чоловікъ, а Мошко ёму оповідае: ой, коли-бъ ты знавъ, Иванцю, що я бачивъ!

— Що-жъ ты тамъ таке бачивъ?

— Ажъ 50 вовкіфъ! каже жидъ.

— Що це тобі таке, Мошку? де-жъ-бы ты бачивъ стілько вовківъ? у насъ у лісі й зъ роду не було стілько!

— Ну, вже-жъ, пьятдесятъ не пьятдесятъ, а тридцять, то вже певно!

— Та ну-бо, Мошку, не бреши! кажи вже по правді, бо не повірю.

— Ну вже коли не було зъ десять, то нехай я не буду Мошко!

— Отже й не будешъ, бо брешешъ,—не бачивъ ты стілько вовківъ!

— Ну, слухай Иванцю, вже дай мені Богъ стілько жить, коли я не бачивъ трехъ вовківъ!

— Отъ бачъ, уже на трёхъ звелось! кажи вже по правді: може й ни одного вовка не було?

— Ой дежъ тамъ не було! Може ще шо небудь страшніше за вовка: само сіре, хвістъ якъ шило, та попередо мною въ траву шурхъ!

— *Отожъ була мышъ.*

(Волынь).

Этотъ разсказъ имѣетъ много варіантовъ. Предметъ испугавшій храбраго еврея оказывается то мышью, то ящерицею, то тѣнью дерева; вставляются промежуточные эпизоды, въ родѣ того, что еврей въ то время, когда ему сдѣлалось жутко въ лѣсу, снимаетъ свою ермолку, надѣваетъ на палку и говоритъ при этомъ: „стало насъ двое, стало мені веселіше!“ или: „теперъ насъ двое,—а що *два*, то все-жъ не *одинъ!*“ и т. дал.

IV.

Разсказъ какъ-бы въ передачѣ самаго еврея.

„Якъ ишли наши жидки на війна; якъ не одинъ, такъ два, якъ не день, такъ нічъ. Питаютьця люде; куды вы йдете?—„Білого царя воювати!“ И приказали, щобъ усі свои собака замыкали, бо буде військо йти! Всі своя собака позамыкали, тілько мельникъ свого куцого собачко не замкнувъ, бо воно въ млыні мука ило. А якъ ишло наше славне та хоробре військо черезъ гребля, а тутъ якъ выскочило те куце собачко, якъ стали наши жидки утікати, съ гребли чимъ-дужъ скакати! Хто не боявся, то той трошечки за гребля держався, а хто боявся, то въ річці зостався!“ (предпочтя броситься вплавь черезъ рѣчку, чѣмъ быть вблизи собачки)!

Волынь. **П. Ковалько.**

ДВА ТИПА И ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ МИНУВШЕЙ ЖИЗНИ ЮЖНО-РУССКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ.

Было то давно. Въ одной изъ южно-русскихъ, незаброшенныхъ обителей жили-были два соборные старца о. Руфъ и о. Іуда. Соборные старцы—это члены совѣта или правленія обители, какъ-бы

представители мнѣнія и интересовъ братіи, не по выбору, правда, а по назначенію,—выборный порядокъ въ монастыряхъ, какъ и во всей церкви, давно отмѣненъ. Званіе соборнаго старца почетное, мѣсто это, говорятъ, покойное и прибыльное: соборному старцу больше кружки, больше жалованья, лишняя порція всего изъ трапезы, не обязательное хожденіе въ трапезу, не очередное служеніе и въ добавокъ лишняя келія и хлопецъ на послушаніе, точнѣе прислуга. Монастырское управленіе весьма сложная машина: соборные старцы—это по большей части начальники отдѣльныхъ частей. Какъ у военныхъ начальники артиллеріи, кавалеріи, ордонансъ-гауза, или цейхъ-гауза, такъ тутъ больничный, трапезный, гостинникъ, келарь, духовникъ, экклисіархъ и пр. и пр. Но какъ въ кабинетахъ европейскихъ бываютъ иногда министры безъ портфеля, такъ и тутъ встрѣчаются старцы безъ особаго назначенія, просто мужи совѣта. Такими были въ обители N о. Руфъ и о. Іуда. Злачны были ихъ мѣста, но до такихъ мѣстъ добирались не многіе. Надо было пройти много степеней по лѣстницѣ монастырскихъ чиновъ, претерпѣть много испытаній, чтобы добиться такой чести, спокойствія и довольства. И о. Руфъ и о. Іуда добились ихъ не скоро.

Родились они и очутились въ обители уже въ ту пору, когда южно-русскіе монастыри утратили давно свое историческое значеніе, когда миновала вѣковая борьба за вѣру и народность, державшая силы иноковъ въ непрерывномъ и крайнемъ напряженіи, требовавшая знанія, ума, ловкости, изворотливости, бодрости и труда и жизни безупречной. Отрекшіеся отъ міра принимали иногда горячее участіе въ дѣлахъ міра, иноки шли въ первыхъ рядахъ кипѣвшей народной брани и безстрашно слагали головы свои за вѣру и отчизну. Были между ними люди просвѣщенные, книжные, были и ангелы во плоти, какъ печатно о томъ заявлялъ славный митрополитъ Петръ Могила, указывая мѣста и лица. Но ангелы давно улетѣли изъ плоти и остались потомъ одинъ плоти. Настали времена мира и спокойствія, настала тихая, однообразная, ни къ чему не располагающая, ни на что не вызывающая, ничего не требующая жизнь,—жизнь не дающая простору личности монаха даже въ дѣлахъ общины, къ которой онъ принадлежалъ. Цѣлымъ рядомъ строгихъ мѣръ монастыри заключены отъ міра въ ихъ собственныхъ стѣнахъ, но къ удивленію міръ съ его страстьми и похотьми сталъ царить

теперь въ нихъ болѣе, чѣмъ когда либо. Иноки порвали всякую другую съ нимъ связь и онъ, какъ-бы въ отместку за это, платилъ имъ лишь ѣдкою сатирою ихъ жизни и нравовъ.

Въ такую-то пору пріяли на себя яремъ иноческаго житія о. Руфъ и о. Іуда.

О. Руфъ большую половину жизни своей провелъ въ мірѣ и только въ юномъ возрастѣ года два учился пѣнію въ одномъ изъ монастырей. Былъ онъ пономаремъ, дьячкомъ и наконецъ дьякономъ. Овдовѣвъ и оставшись одинокимъ, онъ послѣ долгаго раздумья сказалъ наконецъ самъ себѣ:

„Піду въ монастырь вікá доживать. Чого мені тутъ сидіть? Жінку поховавъ, дітей выгудувавъ, роспорядивъ; нема до кого притулиця. Піду въ ченці".

Имѣвъ уже санъ діакона, онъ безъ особаго труда достигъ сана іеромонаха и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ послушанія въ разныхъ среднихъ чинахъ достигъ, наконецъ, званія соборнаго старца, обязанный этимъ главнымъ образомъ своему спокойному характеру. Карьера о. Іуды была нѣсколько иная. Онъ былъ изъ мѣщанскихъ дѣтей, сирота, и отданъ въ монастырь какою-то теткою еще въ малыхъ лѣтахъ. Долго учили его здѣсь грамотѣ и били презрядно; потомъ онъ канонаршилъ, пока съ голосу не спалъ; былъ у разныхъ старцевъ на послушаніи и доставалось тутъ ему и въ гриву и въ хвостъ; облекшись въ иноческую одежду, зажигалъ свѣчи, ходилъ съ кошелькомъ, просфорничалъ, продавалъ иконы и книги, сидѣлъ у кропила и едва лѣтъ въ сорокъ посвященъ въ іеродіаконы, а потомъ не особенно скоро и въ іеромонахи. Но тутъ жизнь ему улыбнулась. Новый настоятель видимо къ нему благоволилъ за его аккуратность и распорядительность и предоставлялъ ему болѣе почетныя обязанности. Все таки санъ соборнаго старца достался ему весьма не скоро и, правду сказать, послѣ долгихъ искательствъ съ его стороны и угощеній болѣе вліятельной братіи и самаго о. архимандрита.

Во сколько жизнь убаюкивала о. Руфа, во столько она ожесточала и раздражала о. Іуду. Настоящее имя послѣдняго было *Анемподистъ*, но какъ оно было трудно для выговора, то кто-то изъ братіи, не долюбливавшій его, воспользовался однимъ невѣроятнымъ случаемъ и далъ ему кличку *Іуда*, которая потомъ усвоена была всѣми и употреблялась всегда, какъ только говорили объ

о. Анемподистѣ заглазно. Происхожденіе этой клички добродушный о. Руфъ объяснялъ любопытствовавшимъ такъ:

„Разъ, бачите, ёго взяли за Іуду на умовеніе ногъ, а въ его халявы и панчохи довги були. Отъ якъ приступавъ до ёго владыка, а вінъ почавъ стягать чобітъ, а потимъ панчоху, та задравъ ногу такъ высоко, що похитнувся и перекинувся зъ стільцемъ... Владыка прогнівавсь, та одъ того часу не велівъ ёго вже за Іуду брать, а ёго и почали звать Іудою, а вінъ зувсімъ не Іуда, а Анпо... Анпос... А-не-мпо-дистъ. Якій-же вінъ Іуда?“

О. Руфъ, очевидно, и самъ уже давно разознакомился съ настоящимъ именемъ своего сослужителя и только по своему добросердечію защищалъ ёго въ неблаговидной перемѣнѣ ёго имени. Однажды онъ говорилъ даже одному изъ своихъ гостей по поводу этого казуса такъ:

„Я попереду наветь не знавъ, що есть таке имя; тільки якъ святився ще на діакона, та бувъ у печеряхъ, то якійсь чернець стрівъ тогді мене, та й питае: а звідкиля вы? А я кажу? зъ Селища. А вінъ каже: а чи знаете въ Хилькахъ о. Ивана? Знаю, кажу, ще й добре.—Отже, каже, кланяйтесь ёму одъ мене; скажить, що кланявся вамъ Іуда.—То же-жъ есть таке имя“.

Самъ о. Іуда узналъ наконецъ, какая кличка ему дана, и сначала сердился, а потомъ привыкъ, а привыкши, въ добрый часъ такъ говорилъ:

„Або-жъ то не святый? Такій-же апостолъ, якъ и другі, та ще й братъ Господень... не той, що Христа продавъ“.

О томъ, чтобы его когда либо брали за Іуду на умовеніе, онъ никогда не упоминалъ, и это просто надо считать выдумкою.

Почтенные одинаковымъ званіемъ, о. Руфъ и о. Іуда какъ-бы сблизились между собою и дѣлили иногда досужее время, угощая другъ друга своими не скудными уже запасами и хотя не всегда сходились во взглядахъ, но до столкновеній дѣло у нихъ не доходило, такъ какъ о. Руфъ примирялъ все своимъ благодушіемъ. О. Іуда рѣзко осуждалъ монастырскіе порядки и о своемъ прошломъ вспоминалъ съ весьма примѣтнымъ озлобленіемъ.

„Понаставляли теперъ начальниками якихсь блазнивъ. У иншого ще й на бороді не гуртъ-що, а вінъ уже начальникъ: той больничный, той трапезный, а той благочинный. Отъ нехай-бы вы-

крепивъ такъ, якъ я!“ говорилъ не рѣдко о. Іуда, но о. Руфъ добродушно успокаивалъ его.

Въ одномъ они сходились вполнѣ, это во взглядѣ на пѣніе, какъ оно было теперь въ обители.

„Яки теперь півці?—начиналъ о. Руфъ, страстно любившій громкое пѣніе. Отъ якъ колись було, якъ я ще самъ співать тутъ вчився, якъ ще Мардарій бувъ... Було якъ потягне: *аминь,* неначе въ дзвінъ бовкне, а потимъ якъ поведе: *Блаженъ мужъ*—такъ товсто та сумно, що ажъ душа тримтить. Або якъ выйдемъ було на *экапостиларій:* самъ, якъ груба, зниме підкапокъ, пара стовпомъ зъ ёго піде, одставить трохи едну ногу и скаже намъ: хлопці! дивиця на губы, а самъ якъ гукне, ти якъ ревнуть, то ажъ стіны загримлять. А теперь що?—Ни у церкві, ни за церквою“.

О. Іуда въ свою очередь говорилъ:

„Якійсь народъ теперь миршавый ставъ. Нема вже такихъ поставнихъ, якъ колись були, и голосу въ ихъ Богъ-ма. Ось якъ у мене голосъ бувъ! Якъ я канархистрою бувъ, то було якъ лясну: *Гласъ пятый. Монаховъ множество...,* то ажъ уши позатулюють, луна по церкві піде“...

И оба оставались довольны своими воспоминаніями.

Обезпеченные въ содержаніи, эти два собрата могли-бы жить теперь въ полномъ спокойствіи, если-бы не искушалъ каждаго свой бѣсъ. Извѣстно, что у всякаго христіанина есть особый ангелъ хранитель, а у каждаго монаха, кромѣ ангела хранителя, есть еще особый бѣсъ-искуситель. Такихъ бѣсовъ есть много, но пристаютъ къ монаху то тотъ, то другой, смотря по возрасту, темпераменту, наклонностямъ, даже обстоятельствамъ искушаемаго: бѣсъ сребролюбія, бѣсъ чревоугодія, бѣсъ гордости и зависти, бѣсъ буесловія. У одержимаго послѣднимъ бѣсомъ, по словамъ о. Руфа, „языкъ якъ калатало, все такъ: ла-ла-ла“... О. Руфъ и о. Іуда искренно вѣрили въ бѣсовскую силу. Когда молодой изъ *ученыхъ* о. Поліэвктъ завелъ паровикъ для печатанія книгъ, о. Руфъ прямо, даже въ соборѣ говорилъ:

„Тамъ чортяка коло колеса стоить, та хвостикомъ крутить, та все підганяе, а вінъ каже: пара. Яка тамъ пара!“

О. Руфъ и о. Іуда вѣрили также въ вѣдьмъ и о. Руфъ божился даже, что когда былъ молодымъ, то однажды самъ поймалъ вѣдьму и хвостъ у ней будто ощупалъ.

О. Руфъ и о. Іуда доподлинно знали, кого какой бѣсъ искушалъ, но сами о себѣ того не знали, да и нельзя каждому монаху того о себѣ знать,—то дѣло провидцевъ. А ихъ искушали—одного бѣсъ празднолюбія, другаго бѣсъ любоначалія. И вотъ какъ это открылось.

О. Руфъ всегда былъ плотный мущина и еще въ діаконствѣ пріобрѣлъ нѣкоторое *благоутробіе*. Тамъ въ большомъ приходѣ на частыхъ требахъ онъ получилъ привычку къ такому состоянію, котораго нельзя назвать пьянымъ, но при которомъ хмѣль не выходилъ изъ головы. О. Руфъ нерѣдко и жаловался на какой-то шумъ въ головѣ. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ обители, онъ совсѣмъ ожирѣлъ и осовѣлъ. Держалъ онъ и здѣсь свою сулейку и сперва цыбулею или чехонею закусывалъ, а потомъ постепенно возлюбилъ осетрину, балычекъ и икру. О. Іуда хотя тоже не глушался явствія и питія, ни никакой хлѣбъ ему, какъ говорилъ онъ, „не панувавъ“, и какъ былъ, такъ и остался онъ сухопарымъ, или, какъ выражалася братія, „трошки хортуватымъ“.

Насталъ разъ одинъ изъ сумрачныхъ осеннихъ дней. Иноки только и различали по погодѣ, да по святцамъ дни, такъ однообразные и похожіе другъ на друга. Что-жъ? и сегодня, и завтра, и всегда пища одна и таже, и служба и жизнь все таже. Политикой тогда не занимались,—развѣ внутренней, монастырской, къ чтенію также не пріучены были. Такъ развѣ для очищенія совѣсти иной раскроетъ Патерикъ, либо заглянетъ въ Лугъ духовный Іоанна Мосха или Лавсаикъ. Съ міромъ связей никакихъ: благочинный былъ строгъ и ворота рано запирались. Но и погода дѣйствовала на нашихъ собратовъ не одинаково: о. Руфа дурная погода окончательно усыпляла, о. Іуду напротивъ раздражала. Еще болѣе перваго усыпляло, втораго раздражало это безконечное однообразіе и какъ-бы безцѣльное существованіе. Вотъ такъ и въ этотъ день: проклепалъ въ полночь сторожъ, послышался стукъ въ било, раздался благовѣстъ... Стала братія въ церковь тянуться. Собрались, размѣстились, отпѣли полунощницу и утреню. О. Руфъ часто опускался въ форму, а на каѳизмахъ совсѣмъ засыпалъ, о. Іуду лишній разъ передернуло и богослуженіе показалось ему почему-то очень уже длиннымъ. „Чого той хамаркае? чого вони выгукують?“ говорилъ онъ не разъ про себя.

Воротились отъ заутрени. Утомленный о. Руфъ сразу завалился досыпать, а о. Іуда немножко помечталъ еще на тему о томъ, что если-бъ онъ былъ благочиннымъ, „або“..., но на этомъ онъ и запнулся, и тоже прилегъ досыпать.

Оби были „служащими“, оба „на позднюю“, хотя въ разныхъ церквахъ. Прошелъ обѣдъ. Выпили и снова заснули. Сходили къ вечернѣ, а потомъ томленіе и тоска... Долго каждый изъ нихъ боролся съ мыслями, какъ-бы вечеръ укоротить.

О. Руфъ медленно, едва двигая ногами и руками, занимался въ этотъ вечеръ осмотромъ своихъ бутылей и фляшечекъ: передвигалъ и переставлялъ, развязывалъ и опять завязывалъ, пробовалъ, сцѣживалъ и процѣживалъ, иногда доливалъ. Изрѣдка слышно было: „це тричи перегнаный (спиртъ), а це тільки разъ, це звіробой, це полынь, що до грому рваный“.

Приведя въ порядокъ свой скарбъ, о. Руфъ, едва держась на ногахъ отъ собственной тяжести и часто присаживаясь, кое-какъ прочелъ „правило“ и молитвы на сонъ грядущимъ, а потомъ, „повечерявъ“, что осталось отъ обѣда, съ прибавкою домашней осетрины и, выпивъ еще разъ на „потуху“, погрузился въ продолжительную дремоту. Наконецъ очнувшись и увидѣвъ своего хлопца, который давно стоялъ у порога, чтобы приготовить своего отца ко сну, онъ хриплымъ голосомъ проговорилъ:

— А що, хлопче, чи не пора вже намъ и спать?

— Якъ ваша святая воля,—отвѣчалъ хлопецъ.

— Підведи-жъ мене, хлопче!

Хлопецъ съ большимъ усиліемъ подвелъ.

— Въ кімнату одведи!

Хлопецъ провелъ.

— Роздягни-жъ мене, хлопче!

Хлопецъ раздѣлъ.

— Роззуй мене, хлопче!—продолжалъ о. Руфъ все болѣе слабѣющимъ голосомъ.

Хлопецъ разулъ.

— Поклади мене, хлопче!

Хлопецъ улечься помогъ.

— Укрый мене, хлопче!

Хлопецъ кафтаномъ прикрылъ и концы подвернулъ.

— Перехрести мене, хлопче!

Хлопецъ перекрестилъ.

— А засну вже я самъ,—чуть слышно произнесъ утомленный о. Руфъ, и минуту спустя послышалось ровное сопѣнье какъ-бы органнаго мѣха.

Не такъ мирно отошелъ ко сну о. Іуда. Его, какъ мы знаемъ, мучилъ бѣсъ любоначалія; но онъ былъ скрытенъ, слагалъ мечты свои въ сердцѣ своемъ, за то можетъ бытъ и прозвали его Іудою. Только про себя онъ думалъ иногда: „эге, якъ-бы мені такій настоятель давно трапився, де вже-бъ я досі бувъ! Може досі начальникомъ, игуменомъ бувъ, свій манастыръ мавъ... Та що тамъ игуменомъ. Це вже для мене низько. Я вже соборный. Мені-бъ келаремъ, або эклесіархомъ буть, а далі“... Но тутъ онъ отгонялъ уже отъ себя помыслъ лукавый. Нѣкоторые изъ братіи, знавшіе немного по китайски, говорили ему при встрѣчѣ: „куды оце біжите, ваше высокопреподобіе“, или „якъ здоровьячко вашого высокопреподобія“? Это очень радовало о. Іуду; но онъ скрывалъ отъ всѣхъ и эту радость, и свое страстное желаніе, чтобы его иначе и не называли, какъ „ваше высокопреподобіе“. Только наединѣ въ келіи онъ отдавался вполнѣ своей страсти то въ тайныхъ помыслахъ, то въ произносимыхъ про себя словахъ, а бѣсъ любоначалія хвостикомъ подмахивалъ ее и она разгоралась день за днемъ и разгорѣлась до того, что о. Іуда рѣшился наконецъ обучить своего хлопца произносить въ подходящихъ случаяхъ его настоящій титулъ. Вотъ утромъ придетъ хлопецъ „грубу“ топить, стукнетъ въ дверь и начнетъ обычное: „за молитовъ св. отець нашихъ и о. Анемпо“..., а о. Іуда выкрикнетъ изъ келіи: „якого тамъ *дяка*? Его высокопреподобія. Чуешь?“ И хлопецъ поправится и точно произнесетъ подобающій титулъ. Иногда о. Руфъ читалъ ему на этотъ счетъ длинныя и рѣзкія нотаціи: „що то я тобі простый чернець? ты хиба не знаешь, що я соборный? Повиненъ казать: ваше высокопреподобіе, ёго высокопреподобіе, пема дома ёго высокопреподобія, пішли на двіръ ёго высокопреподобіе... Та не кажи мені: высо-ке-е... Ось я тобі дамъ высо-ке-е!“ Мало по малу и пріучилъ хлопца ко всѣмъ видоизмѣненіямъ своего титула, а въ этотъ вечеръ пожелалъ примѣнить это и къ домашнимъ молитвамъ.

Послѣ долгихъ сборовъ ко сну, не зная, чѣмъ наполнить время, о. Іуда, въ состояніи нѣкоторой досады, позвалъ наконецъ своего хлопца и приказалъ ему читать молитвы *на сонъ грядущимъ* съ надлежащими примѣненіями его титула. „Ты отъ якъ побачишь въ книжці *мя*, або *мені*, то не кажи *мя*, або *мені*..., то такъ тільки оти прости, а кажи заразъ: его высокопреподобіе, его высокопреподобію“... Хлопецъ началъ, но съ непривычки путался на каждомъ словѣ. „Боже милостивъ буди мені“...—„Его высокопреподобію“, скажетъ о. Іуда.—„Боже очисти мя“...—„Его высокопреподобіе...“ выкрикнетъ о. Іуда. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Пришла молитва Ангелу Хранителю. „Коими очима, началъ хлопецъ, воззриши на мя“... „На его высокопреподобіе“, сердито поправилъ о. Іуда. Хлопецъ поправился и продолжалъ: „или како приступиши къ его высокопреподобію, аки ко псу смердящему“... „Брешешь, брешешь, то до тебе“... закричалъ о. Іуда, вырвалъ книжку изъ рукъ хлопца и прогналъ его вонъ, заперъ двери на ключъ.

И долго огонь горѣлъ въ его кельѣ, и долго обезпокоенный своею неумѣлостію хлопецъ заглядывалъ въ щелку, чтобы узнать, заснулъ-ли, или нѣтъ, его духовный руководитель, его высокопреподобіе, соборный старецъ, о. Анемподистъ, въ просторѣчіи о. Іуда.

Б. Целляріусъ.

ЛѢТОПИСНЫЯ ЗАМѢТКИ (1651—1749 г.).

Нашли мы еще въ сулиминскомъ архивѣ*) небольшую „кроничку“, обнимающую время отъ 1640 до 1762 г. Заключая въ себѣ повторсніе общеизвѣстныхъ фактовъ, сулиминская „кроничка“ приводитъ однакожъ и такіе, которыхъ мы въ печати, сколько помнится, или вовсе не встрѣчали, или встрѣчали не съ тѣми подробностями, какія нашли здѣсь. Отмѣчаемъ эти факты.

1651. У осень начались осѣдать слободы; въ началѣ: Лебединъ, Сумы, Ахтырка и Харьковъ (ср. лѣт. Самовидца, изд. 1868 г., стр. 29).

1660. Слободы, за поселеніемъ многаго народа, государь раздѣлилъ на пять полковъ и учреждены полковники.

---

*) «Кіевск. Стар.» 1882 г., ноябрь.

1679. Заднѣпра на сію сторону Днѣпра согнано сыномъ Самойловича Семеномъ (Ср. Самовид., 147).

1689. Другой походъ подъ Перекопъ, гдѣ личманами Голицынъ Василь обманенъ (Ср. Самовид., 177).

1697. Голодній рокъ.

1711. Ханъ крымскій выходилъ зимою съ ордами въ слободскіе полки и досталъ въ полку харьковскомъ мѣстечка Водолагу, Марефу и Волное.

1721. На работу ладожкаго канала высылано козаковъ съ Малой Россіи 10,000, гдѣ въ томъ-же году змерло 3,000.

1727. Жиды безъ остатка вси съ Россіи выгнаты.

1736. Полковникъ миргородскій Павелъ Апостолъ не дошедъ Козлева, въ Атанѣ (?) юня 5 пушкою раненъ, отчего тогожъ юня 14 и умеръ.

— Полковникъ переяславскій Томара тамъ-же въ Крыму, подъ рѣкою Алтою, порубанъ татарами.

1737. Днѣпръ отъ Кіева до Самари полонили вширъ на 5 шаговъ. Въ февралѣ, на масляной, ханъ крымскій съ многими ордами перешедъ Днѣпръ чрезъ не прополопеное мѣсто, у Мишурина Рога, многіе въ полкахъ миргородскомъ и полтавскомъ въ людяхъ и скоту ихъ, до Решетиловки и Остапя, починивъ убитки, возвратился.

— Фоплессій съ другою арміею ходилъ въ Крымъ. На Гайманъ— долинѣ силную баталію имѣлъ и татаръ разбилъ, при чемъ бунчучной генералной Галецкій и другіе старшины побити, а полковникъ гадяцкой Гребянка безвѣстно задѣлся.

1739. Освобожденіе Малой Россіи отъ чинячихся съ 1736 года несказанихъ бѣдствъ и разореній и отъ заборовъ ежегодно многихъ тисящей воловъ подъ арміи лошадей и всякихъ припасовъ.

1742. Генералъ князь Рѣпнинъ розграничилъ съ турками одъ Днѣпра по заливи Конскихъ водъ, до Міуса.

1743. Коммисія економіи въ Малой Россіи учреждена.

1744. Несказаной падежъ товару (скота) моровимъ повѣтрямъ начался съ весни по Вкраинѣ.

1745. Падежъ скота продолжился. Для обереженя отъ того падежу вреда, собаки всѣ безъ остатка вибиты, по сенатскому указу, во всей Россіи, гдѣ падежъ былъ.

— Архимандритъ нѣжинскій Велецкій сложився (согласившись) съ женою, за границю въ Полщу бѣжали, у великой постъ.

1747. Полковникъ кіевскій Михайло Танскій умре.

1748. Превеликій отъ саранчи, а по мѣстамъ и за неурожаемъ, начался голодъ дѣйствительно зъ лѣта, что лободу, гнилое дерево и протчое необычное въ пищу употребляли.

1749. Превеликой голодъ. **А. Л.**

ЕЩЕ О СТАРИННЫХЪ ТРАКТАХЪ ИЛИ ДОРОГАХЪ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“ на 1882 г., въ отдѣлѣ „Извѣстій и Замѣтокъ“ описаны нѣкоторые старинные „шляхи“ южной Россіи. Въ сентябрьской книжкѣ есть къ этой замѣткѣ добавленіе, къ которому я присовокупляю теперь и свое.

Напримѣръ: 1) *Родоманъ* или *Ромоданъ* проходитъ черезъ весь глуховской уѣздъ, отъ г. Путивля, курской губерніи, до г. Новгородъ-Сѣверска, черниговской губерніи. Отъ Новгородъ-Сѣверска до м. Воронежа по Ромодану (можетъ быть съ небольшими отклоненіями) проложена почтовая дорога, идущая на г. Глуховъ. Между м. Воронежомъ и с. Землянкою почтовая дорога идетъ также по Ромодану, лишь частію оставляя *Старый шляхъ* въ сторонѣ, гдѣ онъ составляетъ объѣздку песковъ почтовой дороги. Отъ самаго села Землянки, съ восточной стороны озера Сливки, на 20-й верстѣ отъ г. Глухова, *Ромоданъ* поворачиваетъ на юго-востокъ и идетъ мимо (западнѣе) сс. Обложекъ и Щеберъ, х. Рети на х. Суписки, далѣе все лѣсами и полемъ до с. Волокитина, гдѣ на р. Клевени существуетъ перевозъ, за которымъ „шляхъ“ пересѣкаетъ границу черниговской губерніи и тянется до г. Путивля.

Вербъ, когда-то обремлявшихъ дорогу, давно нѣтъ, но шляхъ почти на всемъ своемъ протяженіи остался широкимъ. Теперь *Ромоданъ* служитъ скотопрогонной дорогой изъ южныхъ губерній: онъ отъ Путивля идетъ на Смѣлое и Ромны, изъ Путивля-же есть другія старинныя дороги на югъ, но я ихъ съ точностію не знаю и опредѣлить не могу. По *Ромодану* ходили чумаки и теперь онъ служитъ непризнанной, но настоящей транспортной дорогой между сѣверными уѣздами черниговской губерніи и харьковской губерніей и другими южными частями Россіи. Говорятъ, что этой дорогой

шелъ Шереметьевъ на защиту Россіи противъ Карла XII шведскаго. Въ описаніи с. Черторигъ, архіепископъ черниговскій Филаретъ указываетъ мѣсто стоянки русскихъ войскъ, въ 4-хъ верстахъ отъ с. Черторигъ. Но надо полагать, что мѣсто стоянки вѣрнѣе указывается народомъ, ближе къ м. Воронежу, между с. Землянкою и воронежскими хуторами, въ урочищѣ „Шереметовщина", въ лѣсахъ.

Мнѣ разсказывалъ землянскій козакъ Вас. Голубъ, что лѣтъ 25 назадъ во время сѣнокоса, пасшаяся на Шереметовщинѣ лошадь ногами провалилась въ погребъ, гдѣ люди нашли бодянку сала, совершенно сгнившаго, и другіе съѣстные припасы, тоже сгнившіе. „Або одъ Шереметова остались, або одъ Гаркуши, чи Гаряина."

2) *Ярославецкій шляхъ* идетъ отъ г. Глухова на юго-западъ чрезъ с. Слѣпородъ, мимо дер. Богданова, с. Дунайца, на х. Реть, близъ котораго пересѣкаетъ *Ромоданъ*, чрезъ села: Ярославецъ глух. уѣзда, построенный кн. Ярославомъ, и Мутинъ, кролевецкаго уѣзда, до г. Конотопа, гдѣ сходится съ *Ромоданомъ*, идущимъ отъ г. Конотопа на г. Ромны. На Ярославецкомъ шляху существовали „екатерининскія" версты, изъ которыхъ послѣднія исчезли около 20 лѣтъ назадъ. Кромѣ этихъ двухъ „шляховъ" до послѣдняго времени въ юго-восточной части уѣзда существовалъ „Злодійскій шляхъ", или Гаркушинъ. Нынѣ остатки этого шляха существуютъ между „злодійскими хуторами", близъ м. Воронежа, на границѣ трехъ уѣздовъ: глуховскаго, кролевецкаго и новгородъ-сѣверскаго. Часть „злодійскаго шляху", между м. Воронежомъ и с. Черторигами порѣзана при межеваніи и перепахана на поле. **П. Литвинова.**

ГОЛОСЪ ЗАПОРОЖСКАГО ДЕПУТАТА ВО ВСЕРОССІЙСКОМЪ СОБРАНІИ ДЕПУТАТОВЪ 1768 Г. *).

Этотъ слабый голосъ слышался, такъ сказать, наканунѣ смерти Запорожья и б. Гетманщины и послышался, конечно, лишь благодаря раздавшемуся съ высоты трона Екатерины общему призыву—

*) За сообщеніе этого интереснаго документа приносимъ нашу искреннюю признательность уважаемому П. А. Китицыну, которымъ онъ найденъ въ одномъ изъ архивовъ полтавской губерніи. Бумага и очень извѣстный намъ почеркъ указываютъ на принадлежность документа тому времени, которое означено въ помѣтѣ. Документъ написанъ на большомъ листѣ чисто и старательно.

высказать свои нужды и желанія. Въ этомъ призывѣ многіе усмотрѣли тогда надежду на осуществленіе завѣтныхъ мечтаній, какія лелѣяла каждая особая группа въ слабо сплоченномъ государственномъ организмѣ, не замѣчая того направленія, какое издавна получилъ общій потокъ жизни, которымъ снесены и либеральныя тенденціи самаго „Наказа". Депутаты были собраны, ихъ мнѣнія выслушаны, а жизнь текла своимъ ранѣе образовавшимся русломъ. За знаменитымъ Наказомъ послѣдовала жалованная грамота дворянству, городовое положеніе, усиленіе крѣпостничества и распространеніе онаго на такія окраины и классы населенія, которыя дотолѣ не вѣдали о немъ.

Запорожью съ его desiderata-ми, какъ они изложены въ прилагаемомъ документѣ, пришлось испытать разочарованіе раньше другихъ государственныхъ группъ; тѣмъ не менѣе эти desiderata представляютъ для насъ особый интересъ, какъ по существу своему, такъ и потому еще, что они доселѣ оставались въ неизвѣстности, тогда какъ приведены въ извѣстность мнѣнія всѣхъ другихъ депутатовъ. Темное преданіе заключало ихъ въ лаконическую форму, такъ свойственную Запорожью. На вопросъ будто-бы Екатерины, какъ устроить Запорожье, сообразно съ его нуждами и желаніями, представитель запорожской корпораціи отвѣчалъ: *якъ було, такъ нехай и буде.* Помѣщаемое подлинное мнѣніе запорожскаго депутата какъ-бы подтверждаетъ это не ясное и оригинальное преданіе. Сущность мнѣнія депутата—тоже statu quo; онъ только старается подкрѣпить его, какъ можетъ, отстраняетъ высказанныя уже офиціально противъ него возраженія, не допускаетъ и мысли о возможности какихъ либо въ немъ измѣненій. По видимому, въ немъ только не развитость и та простота, которую депутатъ указываетъ въ недавней политикѣ Запорожья; политическій и общественный идеалъ его крайне не высокъ—это тотъ-же старошляхетскій строй, который представляла разрушавшаяся теперь Польша и надъ которымъ не могъ возвыситься самъ освободитель Малороссіи—Богданъ Хмельницкій; запорожецъ стоитъ будто только за свое, мало идущее къ нему, благородство и боится смѣшать себя съ „черносошными". Но прокликните глубже въ эту завитую форму и вы увидите тутъ нѣчто большее простоты, которую мы привыкли соединять съ именемъ Запорожья. Правда, старо-польскій обществен-

ный строй теперь показалъ уже полную свою несостоятельность; но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, онъ былъ все-таки выше того рабовладѣльческаго строя, къ которому видимо направлялась теперь судьба Запорожья и гетманщины, и нельзя считать ни простотою, ни отсталостію запорожскаго депутата, если онъ стоитъ за этотъ старый строй. И въ этомъ, правда, строѣ есть свои „черносошные“ и депутатъ, признавая ихъ какъ-бы естественнымъ явленіемъ, стоитъ, повидимому, въ противорѣчіи съ основными принципами своей общины; но его основной пунктъ—общее всѣмъ земельное исконное право, и за него онъ стоитъ, какъ и за шляхетныя права своего войска: Запорожье, говоритъ онъ, отбившись отъ Короны Польской, обще съ Малороссіею, добровольно перешло съ своими собственными землями подъ всероссійскій престолъ, и права ихъ не только признаны россійскими монархами, но могли быть расширены, если-бы не помѣшала собственная ихъ „искренняя простота“. Впрочемъ, чувствуя какъ-бы, что срокъ давности правъ уплываетъ, депутатъ всю надежду сохраненія вожделѣннаго status quo возлагаетъ на справедливое милосердіе премудрой Матери Отечества...

Какъ извѣстно, надежда эта не осуществилась и спустя семь лѣтъ Запорожья не стало, а обширныя его земли, по выраженію народной пѣсни, разобрали „паны-енералы“.—Вотъ самый документъ.

Въ коммисію о сочиненіи прожекта новаго уложенія.

Сколько я всего вѣрноподданнаго ея императорскаго величество запорожскаго войска давно уже ожидалъ способнаго случая, чтобъ представить почтеннѣйшему собранію основаніе существеннаго состоянія, на которомъ утверждается издревле сіе войско, теперь же за необходимость уже почитаю изъяснить о томъ свое мнѣніе въ нижеслѣдующемъ представленіи.

Въ присланномъ отъ дирекціонной коммисіи въ болшое собраніе сообщеніи между протчимъ написано: „что-жъ до козацкихъ войскъ принадлежитъ, то основаны оныя на такъ называемыхъ древнихъ обыкновеніяхъ, а въ самомъ дѣлѣ на весьма перемѣнчивомъ, да и не въ томъ блаженство состоитъ, чтобъ всякой все то имѣлъ, что нравится прихотливому желанію“ и прочее.

Хотя-жъ таковое вышеписанное о войскахъ утвержденіе по самой справедливости и не принадлежитъ до войска запорожскаго,

однако-жъ общее наименованіе войскъ наводитъ нѣкоторое сомнѣніе, дабы молчаніемъ моимъ въ сей немаловажной матеріи не подавать поводу къ послѣдованію въ томъ числѣ и запорожскому войску сего неприличнаго ему нарѣканія, а чрезъ то не остаться-бы мнѣ нарушителемъ возложенной отъ моей собратіи довѣренности, такъ я имѣю честь почтеннѣйшему собранію представить, что сіе войско запорожское хотя и на обыкновеніяхъ состоитъ, однако оные суть самые древніе, а потому ужъ и основателние. Сверхъ оныхъ утверждается на особливѣйшихъ правахъ и волностяхъ, не въ примѣръ протчихъ козацкихъ войскъ, ибо оно, отбившись отъ Короны польской, обще съ Малороссіею, добровольно подъ всероссійскій престолъ зъ своими собственными землями перешло и всегда въ шляхетствѣ, а не въ черносошныхъ пребывало, такъ какъ и прежде отправляемые отъ войска запорожскаго къ сеймамъ депутаты названіемъ благородства всегда и отъ всѣхъ отличались, на что въ войскѣ запорожскомъ и подлинные отъ королей польскихъ привилегіи имѣются, да и когда уже благоприсоединилось оно къ россійской державѣ, то и всепресвѣтлѣйшіе россійскіе государи на тѣхъ-же королевскихъ привилегіяхъ, цѣло, свято и ненарушимо оное войско содержать обѣщались и договорными статьями подтвердили. Хотя-же нынѣ при сочиненіи прожекта новаго уложенія запорожское войско къ третьему роду и причтено, однако на высоко-матернее нынѣ царствующей, Богомъ вѣнчанной императрицы, премудрой матери отечества справедливое милосердіе имѣетъ не сумнѣнную надежду, что въ такомъ впредь оставлено не будетъ. А особенно, когда войско запорожское приводитъ себѣ на память, что оно въ прежде бывшую турецкую баталію за ихъ вѣрные и усердные службы отъ блаженныя славы и вѣчно достойныя памяти покойной государыни императрицы Анны Іоанновны въ 1736 и 1737 годахъ, при окончаніи похода похвальными грамотами были обсыланы, по такимъ щастливѣйшимъ тогдашнимъ для войска запорожскаго обстоятельствамъ, за такія вѣрныя и принятыя съ великимъ монаршимъ удовольствіемъ въ вышепомянутыхъ годахъ службы, могло-бы оно получить все то, что-бы ни просило, толко-жъ по искренней своей простотѣ остались спокойными на одномъ томъ, что имѣли несумнѣнную надежду, на имѣющихся у нихъ государственныхъ россійскихъ грамотахъ и королевскихъ привилегіяхъ ут-

верждаясь, прожить вѣчно на таковомъ и съ волностьми соединенномъ основаніи, почитая при томъ за щастіе, чтобъ не щадить живота своего, съ наслѣдниками своими, при древнемъ своемъ обыкновеніи, а не при теперешнемъ своемъ и прихотливомъ основаніи, до послѣдней капли крови служить россійскому престолу.

На послѣдокъ-же какъ принадлежащіе до козацкихъ войскъ законы уповательно не въ продолжительномъ времени имѣютъ быть сочинены, для сего при семъ случаѣ симъ моимъ примѣчаніемъ о вышеписанныхъ обстоятельствахъ большому собранію имѣю честь представить для наблюденія какъ своей должности, такъ обязательства въ совѣсти моей, дабы молчаніемъ моимъ при такомъ о козацкихъ войскахъ упомянутомъ обстоятельствѣ, не подать причины къ заключенію того-же самого мнѣнія и о запорожскомъ войскѣ, а чрезъ то по окончаніи о козацкихъ войскахъ положенія законовъ излишняго частной коммисіи не было-бы затрудненія. Въ протчемъ отдаю сіе всѣхъ достопочтенныхъ господъ депутатовъ общему собранію и частной коммисіи, куда оно принадлежитъ въ лучшее разсмотреніе.

На подлинномъ:

Депутатъ войска запорожского *Мойсей Скапа*.

Читано въ большомъ собраніи іюля 23 дня 1768 года.

НОВЫЯ ИЗВѢСТІЯ О СТАРЫХЪ ФИГУРНЫХЪ ИЗРАЗЦАХЪ.

Замѣтки „Кіевской Старины“ объ украинскихъ кафляхъ стариннаго стиля вызвали въ моемъ воображеніи живое представленіе о такихъ-же своеобразныхъ изразцахъ, видѣнныхъ мною въ лѣта моей юности въ г. Чигиринѣ. Помню, нѣсколько душъ насъ „подорожнихъ“ какимъ-то образомъ попали на ночлегъ къ одному изъ чигиринскихъ священниковъ, и здѣсь-то моему наблюденію на цѣлый вечеръ представились изразцы комнатной печки съ необыкновенными изображеніями, которыя очень меня занимали. Рисунки были черные на бѣломъ полѣ, покрытые глянцемъ; изображали они разныя растенія и разныхъ животныхъ, а воспроизведеніе совершенно такого стиля, какъ образцы на обложкѣ книжекъ „Кіевской Старины“.

Не ужели у насъ навсегда исчезли эти начатки столько интереснаго и своеобразнаго искусства?—Пріятно было узнать, („Кіев. Стар.“, февр. 1883 г.), что хотя у нашихъ закордонныхъ братьевъ это производство не умерло.

А. С.

А у насъ оно умерло и едва-ли можетъ воскреснуть, какъ все, что явилось и жило при иныхъ условіяхъ жизни. Наше дѣло собирать уцѣлѣвшіе остатки этого производства, а они уцѣлѣли еще кой-гдѣ, какъ показываетъ слѣдующее недавно полученное нами извѣстіе:

„Къ свѣдѣнію редакціи „Кіевской Старины“ считаю для себя пріятною обязанностію сообщить, что образцы древнихъ кафель (если вѣрить разсказамъ, имъ уже лѣтъ 200) съ рисунками на нихъ, похожими на тѣ, какіе есть уже на обложкѣ журнала, сохранились на печкѣ экономическаго дома въ с. Куриловкѣ, черниговской губерніи, нѣжинскаго уѣзда. Въ 1879 г. я лично видѣлъ ихъ, пріѣзжая въ Куриловку по дѣлу“.

Уважаемый А. А. Русовъ, сообщая это извѣстіе, даетъ подробные адресы лицъ, при посредствѣ которыхъ можно пріобрѣсть или самыя кафли, или фотографическіе снимки съ нихъ, мы-же, принося ему нашу искреннюю благодарность за такое интересное сообщеніе, можемъ, къ свѣдѣнію его и нашихъ читателей, прибавить, что нами приняты уже мѣры къ сохраненію для науки этой весьма цѣнной находки.—*Ред.*

СТИХОТВОРНЫЙ ПАМЯТНИКЪ НАШЕСТВІЯ ШВЕДОВЪ НА УКРАЙНУ.

Въ пепелѣ забвенія всё часъ погребаетъ,
О чесомъ писаніе намъ не возвѣщаетъ.
Сего ради судихомъ въ память написати,

Кто и когда сей образъ [1]) дерзнулъ обругати.
Недостоинъ имени добраго Мазепа—
Івашко отъ адскаго пришедъ заклепа,
Той оставилъ государя христіанска всероссійска,
Петра Великаго, той самъ короля Свѣйска
Приведе съ оружіемъ въ Россію Малу́ю,
Имѣя въ сердци своемъ коварній мисль злую.
О, кто исповѣсть тогда пролитіе крови,
Бѣды, страхъ, гоненія и ужасъ суровый!
Лютри церквы святыя въ турми превращаху,
Подножіе и дамы съ ікопъ сочиняху;
Съ ікопъ—увы!—помости дѣлаша подъ кони.
Тогда и та ікона пострада святая,
Юже въ дамы пречерта рука проклятая.
Ликуй убо днесь, стадо красное Христово,
Имѣя другихъ святыхъ начертанныхъ ново—
Патріарха съ Пророкомъ: тіи святіе раны
Предлагающе Богу, сохранятъ отъ брани;
Того врагамъ каменемъ пророкъ сотретъ главу,
Лествицею Іаковъ возведетъ насъ въ славу.—
Эпиграма!
Звѣри устыдѣшася въ ровѣ Данііла,
Исавля патріарха ярость уступила:—
Надъ звѣрей здѣсь лютѣйша и паче Исава
На образѣ семъ зрится эретиковъ справа!

Эти стихи, въ видѣ эпиграммы, написаны неизвѣстнымъ современникомъ нашествія шведовъ въ Малороссію къ образу Іакова Лѣствичника въ церкви с. Жуковъ, полтавской губерн., обращенному шведами въ шахматную доску для игры въ шашки (дамы). Образъ, какъ видно, переписанъ былъ вновь и къ патр. Іакову прибавленъ пророкъ Данилъ. Стихи списаны моимъ покойнымъ отцомъ,

---

[1]) Іакова Лѣствичника.

А. И. Ставровскимъ, б. профессоромъ кіевскаго университета, въ бытность его въ с. Жукахъ въ 1857 году. Въ той-же церкви села Жуковъ хранилась плаха-топоръ, на коей сложилъ голову предокъ нынѣшняго владѣльца Диканьки. Эти вещи потомъ взяты Кочубеемъ и въ 1857 г. онѣ были уже въ Диканькѣ.

К. А. Ставровскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ“.

изданіе **Е. Лебедевой** (бывшее Львовой).

Журналъ выходитъ семнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, произведенія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ дѣйствительно лучшими, имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами такъ, чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ препровожденіемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ дѣйствительно интересными, пользующимися успѣхомъ на Западѣ произведеніями изящной литературы.

Для лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются уже популярностью за границей, редакція будетъ прилагать ихъ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ 1883 г. журналъ будетъ выходить по той же программѣ и въ томъ-же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ-литераторовъ: В. Крестовскаго (псевдонимъ), П. И. Вейнберга, Лѣтнева, В. Ранцева, Хмѣлевой и другихъ.

Успѣхъ данныхъ въ этомъ году историческихъ романовъ («Императрица Елисавета» и «Великая Княгиня») приводитъ насъ къ убѣжденію, что историческіе романы болѣе нравятся публикѣ, почему мы въ 1883 году постараемся давать побольше такихъ романовъ, не забывая, конечно, о всемъ новомъ, что появится въ иностранныхъ литературахъ. Кромѣ того, всѣ подписчики 1883 г. получатъ *въ премію* талантливое произведеніе извѣстнаго *Эмилія Габоріо «Знаменитыя Женщины»*, гдѣ, въ двухъ книгахъ, въ увлекательной формѣ, изложены біографіи всѣхъ извѣстныхъ, отъ самыхъ древнихъ временъ, французскихъ женщинъ, фаворитокъ, имѣвшихъ часто огромное вліяніе на судьбы этого народа.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ доставки:	Съ доставкой на домъ.	Съ пересылкой во всѣ города.
На 12 мѣс.	8 р. — к.	8 р. 50 к.	8 р.
« 6 «	4 « 25 «	4 « 50 «	5 «

Допускается разрочка по полугодично и по третямъ съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ при подпискѣ вносится 5 р., во второмъ 3 рубля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ“

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ **10**-ти до **12**-ти и болѣе листовъ. Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.

3) Церковныя *слова*, *поученія*, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) *Разсказы*, *повѣсти*, *характеристики*, *очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная лѣтопись:* ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣс.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	»10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	»11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	»12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно беллетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси— или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р. и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ. при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Лятова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*научная хроника*, въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій.* Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

ляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ".

„ЛУЧЪ" издается безъ предварительной цензуры; экономическіе вопросы русской жизни въ немъ поставлены на первый планъ. Передовыя руководящія статьи и корреспонденціи, изо всѣхъ мѣстностей имперіи, составляютъ его характерную особенность. Между подписчиками и редакціею существуетъ тѣсная нравственная связь. «ЛУЧЪ», въ отличіе отъ прочихъ иллюстрированныхъ журналовъ, представляющихъ одно собраніе картинокъ и повѣстушекъ, является настоящимъ журналомъ, со строго обдуманною программою и намѣченными цѣлями. *Либеральный и патріотическій журналъ «ЛУЧЪ» пріобрѣлъ сочувствіе русскихъ людей, борясь со зломъ, хищеніемъ и всякою неправдою.*

Не увеличивая подписную цѣну, редакція дастъ въ 1883 году, на улучшенной бумагѣ, за **6** руб. съ доставкою и пересылкою:

52 иллюстрированныхъ номера, два печатныхъ листа каждый.

12 большихъ книгъ—приложеній романовъ и повѣстей.

Шесть безплатныхъ сюрпризовъ: Большую олеографическую картину. Четыре пейзажа акварелью (красками). Альбомъ 20 видовъ Петербурга (фототипія) въ переплетѣ.

Желающіе подписаться на одинъ «ЛУЧЪ» безъ книгъ и сюрпризовъ, платятъ за годъ съ перес. ТРИ р.

Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться передовая статья С. С. Окр—ца,

Для будущаго года въ редакціи имѣются матеріалы: 1) „Черный годъ", большой историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. С. С. Окрейна. 2) „Болѣань выдала", романъ покойнаго Н. И. Глушицкаго. 3) „Ящикъ Пандоры", повѣсть Николаевой. Кромѣ того, въ первыхъ книгахъ будутъ помѣщены: „Исторія завоеванія Перу и Мексики", Вильяма Прескота и интересный большой романъ „Золотая Свинья", соч. Фортюнэ-дю-Буагобей.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) ул., д. № 15, въ редакціи журнала „ЛУЧЪ".

„КУБАНЬ“

газета общественная, литературная и политическая.

(второй годъ изданія).

Выходитъ отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ ЕКАТЕРИНОДАРѢ (Куб. обл.), въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

ЦѢНА съ пересылкою 7 руб. за годъ, 4 руб. за $^1/_2$ года и 2 руб. за $^1/_4$ года.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеенко.

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

ВАРШАВА. Въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (№№) отъ 10 до 15 листовъ каждая, [Двѣ книги (два №№) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому № журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Въ наступающемъ году «Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата по слѣд. программѣ:

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ статьи по текущимъ вопросамъ общественной и экомической жизни, извлеченія изъ выдающихся статей столичныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хронику событій общественной, городской и сельской жизни, корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ будетъ состоять изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболѣе выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и спеціальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные. Очерки провинціальной жизни. Художественная лѣтопись. Научная хроника.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ и о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ и общихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА. Статьи по желѣзнодорожному хозяйству, узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзнодорожномъ мірѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

ФИНАНСОВАЯ, ТОРГОВАЯ, АКЦІОНЕРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА. Телеграммы, хлѣбныя и торговыя сдѣлки, показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и проч.; колоніальные рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Телеграммы изъ Россіи и заграницы печатаются ежедневно отъ спеціальныхъ корреспондентовъ, отъ Международнаго Телеграфнаго Агентства и отъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Для расширенія же спеціально литературнаго отдѣла, редакція будетъ выпускать время отъ времени полуторные номера, въ которыхъ найдутъ мѣсто повѣсти, разсказы и др. выдающіяся произведенія отечественной и иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ съ доставкой:
на годъ 9 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р., одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ:
на годъ 10 р., полгода 6 р., три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Денежные пакеты адресовать непосредственно въ контору «Одесскаго Листка», въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер., д. Доре, № 10.

Редакторъ-издатель *В. В. Навроцкій.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. сѣверо-западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и заграницею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей сѣверо-западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

«Виленскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ; въ эти же дни выходятъ прибавленія, въ которыхъ помѣщаются полученныя въ предшествовавшій день телеграммы и послѣднія свѣдѣнія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ,		Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города,	
На годъ	8 р.	На годъ	10 руб.
— полгода	4 » 50 к.	— полгода	5 »
— 3 мѣсяца	2 » 40 »	— 3 мѣсяца	3 »
За 1 мѣсяцъ	— » 80 »	За 1 мѣсяцъ	1 »

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика *(уголъ Невскаго и Малой Морской, домъ № 11)*; въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля *(Покровка, домъ Солодовникова)*; въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера *(Сенаторская, домъ № 22)*; въ Парижѣ, у Гаваса *(Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8)*; въ Лондонѣ, у Даубе *(London, 130, Fleet, street, E. C.)*; въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера *Gänsenmarkt, 58)*.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число гравюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Пиннемакеру* въ Парижѣ, *Клоссу* въ Штуттартѣ, *Зубчаниновy* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева.*—Женщины Пугачевскаго возстанія. *А. В. Арсеньева.*—Выгорѣцкіе совратители. *Его-же.*—Генералъ Антоній Езеранскій. *Н. В. Берга.*—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Его-же.*—Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской.*—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго.*—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской). *Е. М. Гаршина.*—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. *И. И. Дубасова.*—Меньшиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есипова.*—Борьба за существованіе мысли. *В. Р.*

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его-же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Двѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *Н. И. Костомарова.*—Сербскіе гости въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его-же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавронскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *П. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова* —Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминанія и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австраліи. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавня. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Суевѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.)- Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январьской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

особый альбомъ. Въ «газетѣ» будетъ печататься новая повѣсть Н. С. Лѣскова: «Соколій перелетъ».

ПРЕМІИ: «Крестный календарь» 1884 г. на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки **4** р., съ перес. **5** р.; на ½ г. **3** р.; на 1 мѣс. **75** к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв, д. Гатцука.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

Съ 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращенъ въ **полуежедневное изданіе** и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскихъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостью* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы вмѣстѣ съ тѣмъ всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 9-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1883 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія ука-

занія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» на годъ **8** руб., на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп., на мѣсяцъ 1 р. Годовая цѣна за границей **10** руб. Отдѣльные №№ по **10** коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Обществ. Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2-хъ до 4-хъ печ. листовъ въ №; въ годъ до 142 печ. лист. больш. формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ официальной своей части, составляющей официальный органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофиціальной-же части даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на правосл. востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и имѣетъ слѣдующіе *постоянные отдѣлы* (кромѣ передовыхъ статей): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библіографическое обозрѣніе; 5) лѣтопись церковную; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и кореспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церк. Вѣстн.» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того «*Толкованія на ветхій завѣтъ*» съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1883 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ*», и вмѣстѣ съ тѣмъ начато будетъ печатаніе «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1883 г. выйдетъ *особою книжкою* четвертый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»—семь руб. съ перес., отдѣльно за «Церк. Вѣстн.»—пять руб., за «Христ.

Чтеніе» съ «Толкованіями» — пять руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р съ перес.

Иногородные подписчики адресуются: «въ редакцію Церк. Вѣстн. и Христ. Чтенія, въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣл. конторы ред. близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 3), или при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края», отъ «Международнаго» и «Сѣвернаго» телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія. IX. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». X. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Сторонніе сообщенія. XVIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе, чѣмъ въ ста губернскихъ и уѣздныхъ городахъ южной Россіи.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ редакціей.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ на Московской ул., въ домѣ харьковскаго университета, № 7-й.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе убористымъ, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

Редакторъ-издатель. А. А. Іозефовичъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„ВОЛЫНЬ“

Вступая въ пятый годъ своего существованія, съ будущаго 1883 года газета «Волынь» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы. 2) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности волынской губерніи. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія во всѣхъ частяхъ свѣта. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Смѣсь, гдѣ будетъ помѣщаться шутки, курьезы, анекдоты и остроты изъ прошлаго и настоящаго времени. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ преимущественно въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

Кромѣ того по временамъ будутъ помѣщаться фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ домѣ женской гимназіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	3 р. 30 к.
На ½ года	1 „ 80 „
На 3 мѣсяца	1 „ — „
На 1 мѣсяцъ	— 40 „

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на доставленіе адреса и на замѣну таковаго новымъ въ случаѣ перемѣны мѣста жительства прилагаютъ къ подписной цѣнѣ 20 к., адресуя въ г. Житоміръ въ редакцію газеты «Волынь».

Редакторъ-издатель С. Блонскій.

„ДѢЛО“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Издается въ Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, подъ редакціею В. Барвинскаго.

Съ 1-го января 1883 года выходитъ *три* раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Цѣна на годъ 12 рублей, полгода 6 р., а на три мѣсяца 3 руб.

При газетѣ, по прежнему, будетъ издаваться *«Библіотека повѣстей»*, выходящая два раза въ мѣсяцъ, 15 и послѣднихъ чиселъ, по 2 печатныхъ листа.

Цѣна «Дѣла» вмѣстѣ съ «Библіотекой повѣстей» на годъ 16 руб., полгода 8 руб., три мѣсяца 4 руб. Отдѣльно *«Библіотека повѣстей»* — на годъ 5 р., полгода 2 р. 50 коп., Приплачивающіе *два* рубля получаютъ 26 печат. листовъ неоконченной въ 1882 году повѣсти: «Трудъ и деньги».

Подписываться можно въ редакціи «Дѣла» (Львовъ, ул. академическая, № 8) и въ редакціи «Кіевской Старины» (Кіевъ, Соф. площ., д. Севастьяновой).

„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ“

(4-й годъ существованія).

Программа, сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ . . . . . 6 руб.
на полгода . . . . . 3 р. 50 к.
одинъ мѣсяцъ . . . . . — 75 к.

Просятъ адресоваться: въ Новочеркаскъ въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ издатель *Е. Д. Жилмановскій.*

ПОДПИСКА НА 1883 ГОДЪ.

„ЗАПИСКИ“

КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа „**Записокъ**“: протоколы общихъ собраній Отдѣленія, засѣданій Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣл. коммиссій, правительственныя распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься **статистическія свѣдѣнія** о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ по **два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.**

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи **8 рублей въ годъ**, съ приложеніемъ „Трудовъ“ Кіевскаго Вспомогательнаго Комитета по Московской Выставкѣ 1882 г.—**10 р. 50 к.**

Подписка принимается въ Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества (*Кіевъ, Верхне-Владимірская улица, домъ Тамары, вблизи опернаго театра*), а также: въ *С.-Петербургѣ*, въ *центральной конторѣ объявленій* (*Невскій пр., Мал. Морская, № 11.*); въ *Варшавѣ*: въ *конторѣ Райхманъ и Френдлеръ* (*Сенаторская, д. № 22.*) и въ *Гамбургѣ*, у *Адольфа Стейнеръ*.

Объявленія принимаются исключительно въ Бюро Отдѣленія на слѣдующихъ условіяхъ.

	За каждую строку или ея мѣсто до 16 строкъ	болѣе 16 строкъ.
За одинъ разъ.	15 коп.	. . . 10 коп.
За каждый разъ свыше одного .	7½ „	. . . 5 „

За разсылку при „**Запискахъ**“ печатныхъ объявленій, рекламъ и т. п., которыя будутъ доставлены въ Бюро, взимается, за одинъ разъ, съ каждаго листа по 6 руб.

Гг. подписчики и члены Отдѣленія, извѣщая Бюро о своихъ адрессахъ, благоволятъ обозначать точно: имя, отчество и фамилію, также то почтовое мѣсто (съ указаніемъ губерніи и уѣзда), чрезъ которое желаютъ получать „Записки“.

О несвоевременной высылкѣ „**Записокъ**“ просятъ заявлять по слѣдующему адрессу: **Т. И. Лоначевскому** (Кіевъ, зданіе Университета).

„СЛОВО“

Вступая въ XXIII годъ своего изданія, наша газета останется вѣрною своей программѣ: честно и бодро стоять до конца за права русскаго народа въ Австро-Венгріи и защищать правду, о сколько то сегодня намъ возможно.

Газета наша, какъ до теперь, такъ и въ 1883 году, будетъ выходить три раза въ недѣлю: по *Вторникамъ*, *Четвергамъ* и *Субботамъ*, за исключеніемъ праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней.

Подписная цѣна на „Слово“ остается прежняя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

безъ почтовой пересылки

На цѣлый годъ:	На полъ года:	На одинъ кварталъ:	На одинъ мѣс.
12 зр. — кр.	6 зр. — кр.	3 зр. — кр.	1 зр. — кр.

Съ почтовою пересылкою въ Австро-Венгріи:

14 зр. — кр.	7 зр. — кр.	3 зр. 50 кр.	1 зр. 20 кр.

Съ почтовою пересылкою за границу:

17 зр. — кр.	8 зр. 50 кр.	4 зр. 50 кр. (14, 7 и 4 рублей).

Частныя лица въ Россіи могутъ газету выписывать во всѣхъ «конторахъ газетъ», въ головныхъ «экспедиціяхъ газетъ», а также прямо въ нашей конторѣ, адресуя: «Въ г. Львовъ, Галиція, въ контору газеты «Слово».

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Въ Варшавѣ:		Съ пересылкою:	
На годъ	9 руб. 60 коп.	На годъ	12 руб. — коп.
» полгода . .	4 » 80 »	» полгода . .	6 » — »
» три мѣсяца .	2 » 40 »	» три мѣсяца .	3 » — »
» мѣсяцъ . . .	— » 80 »	» мѣсяцъ . . .	1 » — »

За границу (подъ бандеролью); за годъ—15 руб., полгода—7 руб. 50 коп., три мѣсяца—3 руб. 75 коп., на мѣсяцъ—1 руб. 25 коп.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ контору редакціи «Варшавскаго Дневника», въ Варшавѣ, Медовая, 18.

Редакторъ: Князь Н. Н. Голицынъ.

„УСТОИ.“

Литературный, научный и политическій журналъ „УСТОИ“ будетъ выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

1) Беллетристика оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.

2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.

3) Критика: общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.

4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденціи, судебные отчеты.

5) Политическій отдѣлъ: обозрѣніе жизни иностранныхъ государствъ.

6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.

7) Театръ и музыка.

8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.

9) Объявленія.

Въ журналѣ будутъ участвовать: Я. В. Абрамовъ (Одесситецъ). М. П. Альбовъ, Александровъ, К. Баранцевичъ, Максимъ Бѣлинскій, С. А. Венгеровъ, В. В., Алексѣй Никол. Веселовскій, О. О. Вороновъ, В. М. Гаршинъ, Н. Н. Ивановъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, С. Н. Кривенко, Н. В Максимовъ, Н М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ (М. А. Протопоповъ), С. Я. Надсонъ, Н. Н. Наумовъ, В. Н. Орловъ, А. Н, Плещеевъ, А. В. Погожевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. Н. Семевскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А Тимирязевъ, Гл. И. Успенскій, О. А. Щербина, О. О. Эрисманъ, проф. Н. И. Якушъ. Н. В. Якубовичъ и др.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ Цинзерлинга, Невскій проспектъ противъ Гостинаго двора № 46.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки—10 р., съ доставкою въ Петербургѣ.—11 р., съ пересылкою въ другіе города—12 р.; на полгода: безъ доставки—5 р. 50 к., съ доставкою въ Петербургѣ—6 р., съ пересылкою въ другіе города—7 р.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ не позже выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнѣ адресовъ адресуются исключительно въ контору „УСТОЕВЪ.“

Новый журналъ съ 1-го января 1883 г.

„ИСКУССТВО.“

Еженедѣльный художественно-литературный органъ поэзіи, музыки, театра, живописи, скульптуры, декоративнаго искусства, хореографіи, архитектуры и пр.

Задача новаго журнала—служить выразителемъ художественно-артистической жизни Европы и Россіи.

Каждый № журнала будетъ заключать: 1) Руководящія статьи по всѣмъ отраслямъ искусствъ. 2) Статьи по теоріи искусства, по худож. археологіи, по эстетикѣ. 3) Критическіе обзоры петерб. и москов. театровъ и выставокъ 4) Театр.-музыкальн. корреспонденціи и извѣстія изъ всѣхъ провинціальн. городовъ Россіи. 5) Худож.-литературн. новости изъ заграницы. 6) Театрально-музыкальн. письма изъ Парижа, Лондона, Вѣны, Берлина, Рима, Милана, Мадрида. 7. Хроника текущихъ событій по всѣмъ отд. искусства. 8) Худож. и литер. фельетонъ. 9) Біографіи, мемуары, воспоминанія артистовъ, музыкантовъ и художниковъ, какъ русск., такъ и европейск. Кромѣ того, „справочный отдѣлъ“ со всѣми необход. свѣдѣніями и указаніями для артистовъ, художниковъ и антрепренеровъ. Два раза въ мѣсяцъ (25 въ годъ) при журналѣ прилагаются портреты крупныхъ дѣятелей въ области искусства. Каждый нумеръ журнала отъ $1^1/_2$ до 2-хъ листовъ, въ форматѣ прил. „Вс. Иллюст.“

Подписка прин. въ конторѣ редакціи: уг. Ивановской и Николаевской, д. № 14, кв № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ достави.	Съ доставкой.	Для иногород.	За границу.
Годъ. . .	8 руб.	9 р. 50 к.	10 р.	14 р.
Полгода. .	5 руб.	5 р. 75 к.	6 р.	8 р.
3 мѣсяца .	3 руб.	3 р. 50 к.	4 р.	5 р. 50 к.

Разсрочка платежа допускается черезъ казначеевъ и по соглашенію съ конторой редакціи. Иногородные подписываются исключительно въ конторѣ редакціи.

Въ предстоящемъ году журналъ „Искусство“ предполагаетъ дать слѣдующую галлерею большихъ портретовъ, исполненныхъ по заказу редакціи въ Парижѣ, по новому цинкографическому способу.

Шекспиръ (снимокъ съ неизвѣстнаго еще портрета въ Россіи), Дидеро, Теннисонъ, Словацкій, Хмѣльницкій, кн. Шаховской, Рашель, Гаррикъ, Маллибранъ, Паста, Мочаловъ, Асенкова, Щепкинъ, Шумскій, Берліозъ, Листъ, Даргомыжскій, Вагнеръ, Мусоргскій, Канова, Деларошъ, Маккартъ, Брюловъ, Ивановъ, Антокольскій.

Редакторы-издатели **Ѳ. Гриднинъ** и **В. Чуйко.**

При главной конторѣ журнала „Искусство“ принимается подписка на „Библіотеку европейскихъ писателей“ (2 годъ), изд. В. Чуйко, 10 вып. въ годъ. 6 руб. съ пересылкою.

„ВАЗА“

дамскій иллюстрированный литературно-модный и рукодѣльный журналъ.

(СУЩЕСТВУЕТЪ 52 ГОДА).

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ **С.-ПЕТЕРБУРГЪ**, Ивановская, № 14.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями и даетъ въ годъ:

24 двойныхъ номера журнала, т. е. **24 номера литературныхъ** (оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія, новости, и т. п.) и **24 номера рукодѣльно-модныхъ** (самыя обстоятельныя описанія и объясненія кройки и отдѣлки костюмовъ, рисунки парижскихъ модъ и рукодѣлій, модную хронику, домашнее хозяйство). Новоизобрѣтенія по части модъ, медицины, косметиковъ и т. д.

1000 политипажей въ текстѣ. 24 модныя раскрашенныяя гравюры. Исполняются и печатаются заграницей по подлиннымъ парижскимъ образцамъ.

12 вырѣзныхъ выкроекъ—въ натуральную величину.

12 листовъ литографированныхъ узоровъ и выкроекъ (до 1000 формъ и узоровъ).

12 листовъ узоровъ: вязанья, вышиванья, тамбурныхъ и т. п. работъ.

6 раскрашенныхъ узоровъ для различныхъ женскихъ рукодѣлій.

Карманный календарь на 1883 годъ, заключающій святцы и необходимыя свѣдѣнія.

Каждый подписчикъ 1883 года получитъ 6 ПРЕМІЙ, а именно:

I. Туфли съ окончательно вышитымъ узоромъ. Вышивка передовъ исполнена выпуклымъ бархатнымъ швомъ (цѣна въ отдѣльной продажѣ 4 руб.).

II. Олеографическая картина (ландшафтъ) громадныхъ размѣровъ $1^1/_4$ аршина длины и $14^1/_4$ вершк. шир. Картина исполнена въ 20 красокъ, въ королевскомъ олеографическ. институтѣ въ Берлинѣ. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ 3 р. 50 к.).

III. Шарфъ à Lavalière изъ тюля съ накладной вышивкой по концамъ. Новость, весьма изящной заграничной работы.

IV. Салфетка для сухарницы, узорчатаго тканья съ длинной бахрамой.

V. Корзинка рабочая | Обѣ вещи изъ тисненнаго papier-mâché со
VI. Башмачекъ для часовъ | вставками для вышивки.

Образцы премій можно видѣть въ Редакціи.

Раздача и разсылка премій начнется съ первыхъ чиселъ Января, по старшинству поступленія подписныхъ денегъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Съ пересылкой	Безъ пересылки.	
На годъ съ преміями	12 р.	11 р. — к.	На укупорку премій слѣдуетъ добавлять 50 копѣекъ.
„ „ безъ премій	7 р.	6 р. — к.	
На $^1/_2$ года съ преміями	9 р.	8 р. — к.	
„ „ безъ премій	4 р.	3 р. 40 к.	

„МОСКВА“

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Большое еженедѣльное иллюстрированное изданіе съ разными безплатными приложеніями и **пятнадцатью роскошными** художественными преміями, рисованными **цѣтными тонами извѣстными русскими художниками** по заказу редакціи; эти большія картины, отпечатанныя, въ золотыхъ рамкахъ, на вышеданной изъ заграницы веленевой бумагѣ, къ концу года составятъ богатый альбомъ, а вставленныя въ рамы могутъ служить украшеніемъ каждой гостинной.

Такихъ художественныхъ приложеній редакціей будетъ разослано въ теченіе 1883 года **болѣе пятнадцати**.

Вотъ краткій перечень картинъ, которыя уже пріобрѣтены редакціей для подписчиковъ на 1883 годъ.

Русалка, акварель Профессора *В. В. Пукирева*. Чукаки, рисунокъ тонами академика *А. К. Саврасова*. Сельская ярмарка, акварель академика *К. А. Трутовскаго*. „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко на голой вершинѣ сосна“, пейзажъ художника И. И. Левитанъ. „Мишку подняли“, акварель художника А. И. Левитанъ. Іоаннъ Грозный предъ Филиппомъ митрополитомъ, рисунокъ сепіей профессора *В. В. Пукирева*. „Черный конь“, рисунокъ къ поэмѣ: „Еще одинъ, поцѣлуй“ рисунокъ цвѣтными тонами, „Вальпургіева ночь“, фантастическій рисунокъ, „Странники“, акварель „Плачъ Ярославны“ истер. рисун., „Алеша Поповичъ“, Тяга, аквар., „Приволжская вольница“, аквар. и другіе.

Въ художественномъ отдѣлѣ постоянными сотрудниками на 1883 годъ будутъ:

Профессора живописи *В. В. Пукиревъ*, *К. А. Трутовскій*, академики *А. К. Саврасовъ*, *С. И. Грибковъ* и художники Лебедевъ, Богатовъ, А. Левитанъ, Яновъ, Коровинъ, Протопоповъ, Симоновъ, Матвѣевъ, Клавдіевъ, Рябушкинъ, Святославскій, Чеховъ, Турылинъ, Россовъ и мног. друг.

Журналъ „Москва“ будетъ выходить въ 1883 году въ значительно увеличенной противъ прежняго программѣ, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, всего, 50 №№ въ годъ, печатанныхъ на роскошной глазированной бумагѣ и кромѣ **пятнадцати художественныхъ премій**, въ теченіе года будетъ помѣщено множество виньетокъ, портретовъ выдающихся дѣятелей и болѣе 200 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ красками.

Вотъ тѣ сюжеты, которые уже пріобрѣтены редакціей:

Смотрины въ купеческомъ домѣ, Катя, бѣлолицая (поэма изъ народнаго быта), Оправданный, Типы темнаго царства (10 рисунковъ), Ванька Ключникъ, Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу, Домовой на купеческой свадьбѣ (15 рисунковъ), Сѣнокосъ, Лысая гора (нѣсколько фантастическихъ картинокъ), „Пьяная ночь“ (Некрасова), Охотничьи сцены, „Самъ имянинникъ“, Потокъ богатырь, Кабатчикъ (поэма 15 рисунковъ), Рыболовы, Маленькій порт, Вылазка, Въ ссудной кассѣ, Прекрасный полъ, Кладъ, Проповѣдь, У желѣзной дороги, Ванька отчаянный, Пименъ и Григорій Отрепьевъ, Съ яблоками, Въ ученьѣ, Весна, Русскіе богатыри (нѣсколько рисунковъ), Колдунъ Ѳома, На далекой окраинѣ и многіе другіе.

Кромѣ этого въ теченіе года предполагается дать нѣсколько роскошныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ *Д. В. Григоровича*, „Рыбаки“, *И. С. Тургенева* „Записки Охотника“, *Гончарова*, „Обрывъ“, *Гоголя*, Вчера на хуторѣ близъ Диканьки, *Графа А. Толстаго*, „Князь Серебряный“ и стихотвор. *Н. А. Некрасова* и друг.

Надъ исполненіемъ этихъ рисунковъ заняты художники журнала Москва.

Въ 1883 году будетъ особенно подробно описано и иллюстрировано красками предстоящее въ Москвѣ Коронованіе

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Всѣ годовые подписчики на 1883 годъ получаютъ главную годовую премію:

роскошную, художественно-исполненную и лакированную олеографію

БОЛЬШУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ КАРТИНУ ХУДОЖНИКА К. В. ЛЕБЕДЕВА.

Русская свадьба въ XVI столѣтіи.

ПРОВОДЫ МОЛОДЫХЪ ВЪ ОПОЧИВАЛЬНЮ ВЪ ДОМѢ БОЯРИНА.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Къ участію въ журналѣ приглашены лучшія литературныя силы.

Въ теченіи года журналъ „Москва“ составитъ два объемистыхъ тома, около 1200 столбцовъ убористаго текста, въ который войдутъ: 1) Иллюстрированные историческіе романы и повѣсти 2) Очерки и разсказы изъ русской жизни 3) Большіе переводные романы знаменитыхъ иностранныхъ писателей 4) Статьи по вопросамъ искусства 5) Иллюстрированныя поэмы и стихотворенія 6) Фельетонъ, хроника общественной жизни 7) Сцены и описанія рисунковъ 8) Юмористическіе наброски на злобы дня 9) Разнообразный отдѣлъ Смѣси: остроты, анекдоты, курьезы, замѣчательныя открытія и изобрѣтенія, полезные совѣты и т. п.

Въ портфелѣ редакціи уже находятся слѣдующія литературныя произведенія: „Поволжская вольница“, повѣсть, **„Очень любила“**, разсказъ, **„Вася Блаженный“**, повѣсть, **„Цезарь Борджія“** переводъ, **„Степной домикъ“** очеркъ, **„Царица грезъ“** разсказъ, **„Послѣдняя воля“** повѣсть и многіе другіе.

Съ 1-го января начнется печатаніе **большаго иллюстрированнаго историческаго романа изъ XIV вѣка: „НА РУБЕЖѢ ЯЗЫЧЕСТВА“.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки .	7 р. — к.	На годъ съ дост. и перес.	8 р. — к.
На полъ года	4 р. — к.	На полъ года	5 р. — к.
На 1 мѣс. безъ гл. прем.	1 р. — к.	На одинъ мѣсяцъ . . .	1 р. — к.

Для Гг. служащихъ какъ въ частныхъ, такъ и казенныхъ учрежденіяхъ (въ С.-Петербургѣ Москвѣ и другихъ городахъ) допускается разсрочка за ручательствомъ Гг. казначеевъ и управляющихъ

Подписка принимается во всѣхъ магазинахъ Москвы и Петербурга. Въ конторѣ редакціи при литографіи И. И. Клангъ, уголъ Знаменки д. Звѣрева, въ отдѣленіи конторы редакціи: Петровка, д. Петровскаго монастыря, при типографіи А. В. Дитмаръ.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи на имя И. И. Клангъ.

Самый дешевый, самый практичный и полный модный, рукодѣльный и семейный журналъ

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ

Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ.

Отличается отъ всѣхъ другихъ русскихъ модныхъ журналовъ своей *практичностью:* 1) всякій модный или рукодѣльный рисунокъ сопровождается не простымъ описаніемъ внѣшняго вида, но и объясненіемъ способовъ исполненія, а также разсчетомъ количества нужнаго матерьяла и цѣны. 2) Даетъ 4 раза въ годъ образцы модныхъ матерій, съ показаніемъ ширины и цѣнъ 3) Для достиженія ясности въ объясненіяхъ, даетъ подписчикамъ таблицу цвѣтовыхъ оттѣнковъ, содержащую болѣе 500 тѣней всѣхъ цвѣтовъ.

12 нумеровъ модныхъ и 12 нумеровъ рукодѣльныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ „ЖЕНСКОМУ ТРУДУ".

12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ.
12 раскрашенныхъ узоровъ рукодѣлій.
6 листовъ выкроекъ для снимапія рѣзцомъ. Монограммы.
12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.
4 листа образцовъ модныхъ матерій.
6 раскрашенныхъ картинъ русскихъ костюмовъ.
Ноты для фортепьяно модныхъ танцевъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Гардеробъ; искусство одѣваться къ лицу.—Тайны туалета и косметика.—Кухня и кладовая.—Домоводство.—Цвѣтоводство.—Музыка, театръ, пѣніе и танцы.—Свѣтская жизнь и законы приличія.—Дамскій спортъ.—Уходъ за дѣтьми.—Игры общественныя, карточныя, дѣтскія.—Пасьянсы.—Гаданья.—Условный языкъ.

Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, анекдоты, шарады, задачи, ребусы и т. п.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки.		Съ доставкой и пересылкой.	
въ годъ	4 р. — к.	въ годъ	5 р. — к.
„ полъ года . . .	2 р. 25 „	„ полъ года . . .	3 р. — „
„ четверть года .	1 р. 25 „	„ четверть года .	1 р. 75 к.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, 9 Рождественская ул. д. 32.

Иллюстрированный дѣтскій журналъ

РОДНИКЪ

2-й годъ изданія.

Журналъ **„Родникъ“** выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ, съ отдѣльными картинками и политипажами въ текстѣ. Годовое изданіе составитъ четыре тома, около 20 печатныхъ листовъ каждый.

Въ „РОДНИКѢ,“ между прочимъ участвуютъ слѣдующія лица: В. И. Аваріусъ, К. С. Баранцевичъ, М. Н. Богдановъ (профессоръ), Е. М. Бемъ, П. В. Быковъ, Е. П. Водопозова, В. И. Водовозовъ, К. В. Ельницкій, Н. Н. Каразинъ, А. В. Круговъ, А. П. Мунтъ, А. Л. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, Н. И. Позняковъ, Л. Х. Симонова, Н. В. Сверинъ, М. В. Чистяковъ, М. К. Цебрикова, А. К. Шеллеръ (Михайловъ) и мн. др.

Въ журналѣ помѣщаются: стихотворенія, небольшія повѣсти и разсказы, очерки изъ народной жизни, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, популярныя статьи по исторіи, этнографіи и естествознанію, игры, задачи, шарады, анекдоты и проч.

Выборъ статей приноровленъ къ возрасту отъ 9 до 14 лѣтъ.

Приложеніе къ „Роднику:“ педагогическій сборникъ „Воспитаніе и Обученіе“ выходитъ 3 раза въ годъ, книжками въ 5 и болѣе печатныхъ листовъ каждая.

Въ нихъ помѣщаются: оригинальныя и переводныя статьи по вопросамъ воспитанія и обученія, критика и библіографія по дѣтской учебной и педагогической литературѣ, педагогическая хроника, русская и иностранная.

Условія подписки на 1883 годъ:

на годъ съ приложеніемъ съ дост. и перес. 6 руб., на годъ безъ приложенія съ дост. и перес. 5 р., на полгода безъ приложенія 3 р., за границу на годъ съ приложеніемъ 8 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи дѣтскаго журнала **„Родникъ,“** Спасская ул., д. № 1.

Редакторъ-Издательница **Е. Сысоева.**

„РУССКІЙ АРХИВЪ“

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Въ будущемъ году **«Русскій Архивъ»** будетъ издаваться, на прежнихъ основаніяхъ, шестью книжками въ годъ.

Желающіе получать **«Русскій Архивъ»** въ 1883 г. обращаются въ Москвѣ: близъ Тверской, по Ермолаевской Садовой, д. 175.

Въ Петербургѣ: близъ Императорской Публичной Библіотеки, по Большой Садовой, въ книжный магазинъ И. И. Глазунова.

Цѣна Русскому Архиву 1883 года съ пересылкою и доставкою на домъ — девять рублей.

Выписывающіе Русскій Архивъ въ чужіе края платятъ 12 руб. Отвѣтственность за исправную доставку принимается только при подпискѣ въ указанныхъ мѣстахъ.

Вступая въ третье десятилѣтіе своего существованія, «Русскій Архивъ не имѣетъ надобности въ особыхъ заявленіяхъ и обѣщаніяхъ.

„РАЗСВѢТЪ“

ОРГАНЪ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Газета **„Разсвѣтъ“** будетъ издаваться и въ 1883 году, подъ тою-же редакціей, по прежней программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 9 м.	На 6 м.	На 3 м.
Съ доставкою и пересылкою въ Россіи	7 р.	6 р.	4 р.	2 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою за границею	10 »	8 »	6 »	4 » — »

Разсрочка уплаты подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ условіяхъ: къ 1 января—3 р., къ 1 апрѣля—2 р., къ 1 іюля—2 р.

С требованіями на газету «РАЗСВѢТЪ» благоволятъ обращаться въ контору редакціи газеты «РАЗСВѢТЪ», С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 16.

Для городскихъ подписчиковъ контора открыта ежедневно, отъ 10—4 часовъ пополудни.

(ПЯТЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

газета политическая, экономическая и литературная

будетъ выходить листами большаго формата по той-же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

Читателямъ извѣстно, что въ текущемъ году намъ разрѣшено открыть и мы открыли отдѣлъ „юридической хроники„, дающій возможность разбирать судебныя рѣшенія и приговоры. Въ продолженіе года у насъ были помѣщаемы разборы приговоровъ, и мы намѣреваемся расширить этотъ отдѣлъ по возможности, въ виду ожидаемой пользы отъ ознакомленія публики съ юридическими вопросами и практикою судовъ.

Въ прошломъ году, въ объявленіи о подпискѣ, мы упоминали о нашихъ отношеніяхъ къ славянскому иноземному міру, съ явленіями котораго постоянно знакомимъ читателей. Что мы не ошибаемся, сознавая важность для Россіи культурнаго, умственнаго и экономическаго общенія въ славянами—доказательствомъ, помимо самой дѣйствительности, служитъ и то, что нѣкоторые органы печати, чуть не глумившіеся надъ нами, стали, въ послѣднее время, также помѣщать статьи о славянскихъ дѣлахъ.

Относительно расширенія областнаго отдѣла мы полагаемъ, что исполнили наше обѣщаніе по мѣрѣ возможности. Помимо небольшихъ корреспонденцій, которыя мы получаемъ изъ значительнаго числа южныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, мы дали въ текущемъ году много обширныхъ обработанныхъ статьямъ отдѣлахъ земскихъ въ Бессарабіи, Одесскомъ, Верхне-Днѣпровскомъ, Александрійскомъ, Тираспольскомъ, Елисаветградскомъ и другихъ уѣздахъ, о городскихъ дѣлахъ Таганрога, Николаева, Херсона, Винницы, Летичева, Аккерьена и др. Мы не говоримъ уже о послѣдовавшемъ значительномъ расширеніи мѣстной хроники, на которую будетъ обращено особое вниманіе, какъ на выраженіе жизни города.

Статьямъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ, по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по садоводству и винодѣлію мы, по прежнему, охотно будемъ удѣлять мѣсто на страницахъ нашего изданія.

Не гонялись за сенсаціонными, большею частью невѣрными или скандальными происшествіями и слухами, вызывающими однако въ массѣ невольные разговоры о газетѣ и, слѣдовательно, пропагандирующими изданіе,—мы давали читателямъ и будемъ продолжать помѣщать повѣсти, разсказы, фельетоны объ общественной жизни (русской и иностранной), литературные очерки и вообще статьи беллетристическаго содержанія. Въ текущемъ году въ нашей газетѣ помѣщено до *шестидесяти* отдѣльныхъ повѣстей и разсказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

безъ пересылки или доставки:		*съ пересылкой или доставкой:*	
За годъ (12 мѣсяцевъ) . . .	12 р. — к.	За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 „ — „	За 6 мѣсяцевъ	8 „ — „
За 3 мѣсяца	3 „ 85 „	За 3 мѣсяца	4 „ 50 „
За 1 мѣсяцъ	1 „ 30 „	За 1 мѣсяцъ	1 „ 50 „

ЗАГРАНИЦУ къ стоимости экземпляра въ Россіи присоединяется на пересылку 50 копѣекъ въ мѣсяцъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичные, или по четвертямъ года. Для *различныхъ учрежденій* также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ, и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впредь до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи).

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ „Одескаго Вѣстника“, по каковому адресу *благоволятъ* адресоваться и иногородные подписчики.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какого угодно срока; *иногородные-же*—не иначе, какъ съ 1-го или 15-го числа каждаго мѣсяца. При *перемѣнѣ* адреса должно сообщать прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которыми высылается газета, и, кромѣ того, приложить 20 коп., которыя могутъ быть высланы почтовыми марками.

Редакторъ-издатель **П. А. Зеленый.**

ЛИТЕРАТУРНО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МАЯКЪ“

будетъ издаваться по извѣстной уже читателямъ программѣ.

Продолжая улучшать изданіе съ художественной стороны (читатели обратили вѣроятно вниманіе на работы приглашеннаго нами художника г. Вербеля), въ будущемъ году мы расширимъ какъ отдѣлъ „юмористическій“, такъ и „обозрѣніе общественной жизни“,—расширимъ, конечно, на столько, на сколько не будутъ препятствовать внѣшнія обстоятельства и условія.

Не распространяясь болѣе, находимъ необходимымъ повторить сказанное нами въ минувшемъ году: Всякое правдивое обличительное слово, какихъ бы сферъ и сторонъ нашей жизни оно ни касалось, всякая острая шутка, всякая дѣльная сатира и карикатура перомъ и карандашемъ найдутъ радушный пріемъ на страницахъ „Маяка“, задача котораго, какъ показываетъ и самое названіе, освѣщать все то, что привыкло и любитъ скрываться во мракѣ.

Срокъ выхода—еженедѣльный:

въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: *Для подписчиковъ „Одесскаго Вѣстника„:* безъ пересылки за годъ—4 р., за полгода—2 р. 50 коп., съ пересылкою за годъ—4 р. 50 коп., за полгода—3 р.

Для посторонних: безъ пересылки за годъ—5 р., за полгода—3 р.; съ пересылкою за годъ—6 р., за полгода—3 р. 50 к.

Статьи, рисунки, карикатуры, письма и проч. просить адресовать: **въ редакцію „Маяка“**

Редакторъ—Издатель **П. А. Зеленый.**

ПРИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

будутъ издаваться по прежде утвержденнымъ программамъ:

1) Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости.

Церковная, по преимуществу мѣстная, *газета*. Программа ея въ общемъ слѣдующая: **Отдѣлъ оффиціальный:** Высочайшіе манифесты и повелѣнія, синодальные указы и правительственныя распоряженія, относящіяся къ кіевской епархіи, мѣстныя административныя распоряженія и извѣстія и проч. **Отдѣлъ неоффиціальный:** мѣстныя церковныя историко-статистическія извѣстія и достопримѣчательные письменные памятники, хроника мѣстная и общецерковная, извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ церковной жизни въ церкви русской, восточной, западной и проч.

2) Воскресное Чтеніе.

Журналъ *религіозно-нравственнаго* содержанія и характера въ общедоступномъ и общеназидательномъ изложеніи и въ томъ духѣ, направленія и видѣ, какъ онъ издавался *первоначально* Въ немъ будутъ помѣщаемы общепонятныя статьи, служащія къ уразумѣнію слова Божія, богослуженія и обрядовъ православной церкви, къ утвержденію въ сердцѣ любви, вѣры и упованія христіанскаго, краткія житія святыхъ и тому под.

3) Труды Кіевской Духовной Академіи.

Журналъ *научнаго* содержанія и характера. Въ немъ будутъ помѣщаемы научныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя, по изложенію доступныя большинству читателей. При журналѣ **бтдутъ продолжаться переводы твореній блаженнаго Іеронима и Августина.**—Изъ твореній бл. Іеронима въ 1883 г. будутъ издаваться его **толкованія на ветхозавѣтныя книги;** изъ твореній бл. Августина—его твореніе **о градѣ Божіемъ.**

Такимъ образомъ изданія кіевской духовной академіи имѣютъ въ виду удовлетвореніе потребностей: 1) своевременнаго знакомства съ текущими церковными событіями (*газетное* чтеніе, - „Епархіальныя Вѣдомости"), 2) *религіозно-нравственнаго*, общеназидательнаго и общепонятнаго чтенія („Воскресное Чтеніе") и 3) научнаго образованія, богословскаго („Труды Кіевской Духовной Академіи").

„Епархіальныя Вѣдомости" выходятъ *два раза* въ мѣсяцъ, въ 4-ю д. л., *не менѣе двухъ листовъ*, „Воскресное Чтеніе"—*еженедѣльно*, въ прежнемъ форматѣ, въ четвертку, *не менѣе одного листа въ недѣлю*, „Труды Кіевской Духовной Академіи" будутъ выходить *ежемѣсячно* книжками *отъ 10 до 12* листовъ.

Цѣна за г о д ъ съ пересылкою: Епархіальныхъ Вѣдомостей 4 р.; Воскреснаго Чтенія—4 р.; Трудовъ Кіевской Духовной Академіи—7 р Цѣна Епархіальныхъ Вѣдомостей в м ѣ с т ѣ съ Воскреснымъ Чтеніемъ—7 р.; Епарх. Вѣдомостей съ Трудами—10 р.; Воскреснаго Чтенія съ Трудами—10 р.; Епархіальныхъ Вѣдомостей съ Воскреснымъ Чтеніемъ и Трудами—12 р. с.

А д р е с ъ: въ редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, или Воскреснаго Чтенія, или Трудовъ, при кіевской духовной академіи, въ Кіевѣ.

Можно также подписываться въ книжныхъ магазинахъ: 1) И. Я. Оглоблина въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, 2) Иги. Л. Тузова—въ С.-Петербургѣ, 3) А. И. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе" за слѣдующіе годы существованія журнала при академіи: I (1837—38), II 1838—39), V (1841—42), X (1846—47), XI (1847—48) XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62), XXVII (1863—64),

XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71). Цѣна 2 руб. 50 к. за годъ съ пересылкою. В. Чтеніе за 1879—1881 г.г. по 4 р. за экземпляръ съ перес.

Епарх. Вѣдомости за 1880 и 1881 г.г. (въ сброшюрованномъ видѣ) по 3 руб. 50 коп. за экземпл. съ перес.

«Труды Кіевской духовной Академіи» продаются *по уменьшенной цѣнѣ:* 1860—1866, 1868 годы по 2 р. 60 к.; за 1869—1873 годы по 4 р; за 1874—1878 г.г. по 5 руб. съ пересылкою, за 1879, 1880 1881 г.г. по 6 руб. съ пересылкою.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ «Трудовъ» и «Воскреснаго Чтенія» дѣлается уступка по 25% съ номинальной цѣны; выписывающіе «Воскресное Чтеніе» получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки «Трудовъ» 1860—1873 гг. отдѣльно продаются по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

„МОСКОВСКАЯ ГАЗЕТА“

(ЕЖЕДНЕВНОЕ, БЕЗЦЕНЗУРНОЕ ИЗДАНІЕ).

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Газета поставила себѣ задачею служить исключительно русскимъ интересамъ и будетъ содержать въ себѣ:

1) Политическое обозрѣніе: Обзоръ иностранной и русской жизни. 2) Телеграммы внутреннія и иностранныя. 3) Внутреннее обозрѣніе: обзоръ столичной и провинціальной жизни. Случаи, происшествія, корреспонденціи. 4) Мѣстный дневникъ: случаи и происшествія московской жизни. 5) Театральная хроника. 6) Биржевыя и торговыя свѣдѣнія. 7) Судебная хроника: судебныя новости и отчеты. 8) Заграничная хроника: извѣстія о жизни иностранныхъ государствъ.—Корреспонденціи. 9) Мануфактурныя и торговыя свѣдѣнія. 10) Фабричная и промышленная дѣятельность. 11) Науки, искусства и художества. 12) Фельетонъ: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, разборъ журналовъ и книгъ. 13) Почтовый ящикъ. 14) Московскій справочный календарь. 15) Рекламы и объявленія.

Въ будущемъ, второмъ году своего существованія, «Московская газета» будетъ издаваться по той-же программѣ (программѣ всѣхъ большихъ газетъ), подъ редакціею и при участіи какъ нынѣшнихъ, постоянныхъ, такъ и нѣсколькихъ новыхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ.

Помимо обстоятельной и полной картины общественной жизни древней русской столицы, «Московская газета» представляетъ о каждомъ болѣе или менѣе выдающемся событіи свое мнѣніе, въ руководящихъ статьяхъ, написанныхъ живымъ языкомъ, чуждымъ такъ называемой газетной рутины; кромѣ того, въ ней отведено видное мѣсто взглядамъ и мнѣніямъ другихъ органовъ печати какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ съ критической оцѣнкой этихъ мнѣній и взглядовъ; такимъ образомъ, подписчики «Московской газеты» могутъ составить себѣ самый широкій и безпристрастный взглядъ на всякое событіе.

Подписка на газету и продажа ея отдѣльными №№ производятся въ конторѣ редакціи: Москва, Софійская набережная, д. Котельниковой, и въ отдѣленіяхъ конторы: на станціи конно-желѣзной дороги, у Иверскихъ воротъ; въ книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова, Моховая, противъ университета; С. И. Леухина у Иверскихъ воротъ и Андронова, на Петровкѣ, д. Хомяковыхъ; Прѣснова и Земскаго на Никольской улицѣ; Васильева на Страстномъ бульварѣ; Вольфа на Кузнецкомъ мосту и въ Охотномъ ряду, въ газетной торговлѣ Девяткина.

Кромѣ того, подписка принимается также: въ С.-Петербургѣ, Литейная № 48 и въ Казани, въ книжномъ магазинѣ, «Восточная Лира».

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой:

За годъ	9	р.	— к.
„ полгода	5	„	— „
„ три мѣсяца	3	„	— „
„ одинъ мѣсяцъ	1	„	— „

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

За годъ	8	р.	— к.
„ полгода	4	„	50 „
„ три мѣсяна	2	„	50 „
„ мѣсяцъ	—	„	90 „

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ главную контору редакціи: въ Москву, у Большаго Каменнаго моста, домъ Котельниковой.

Примѣчаніе. Столбцы нашей газеты постоянно будутъ открыты для гг. иногородныхъ корреспондентовъ, которые могутъ быть вполнѣ гарантированы, что ихъ имена будутъ сохранены въ полной тайнѣ.

Для личныхъ объясненій редакція открыта отъ 2 до 3 часовъ дня, кромѣ праздниковъ.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА".

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„**КІЕВСКАЯ СТАРИНА**", по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ" принимаютъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Багалѣй Д. И., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Галаганъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В., Дашкевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ѳ. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій Н. С., Левицкій О. Н., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацѣевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Новицкій Н. Н., Петровъ Н. Н., Пономаревъ С. Н., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смокгій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Ханенко А. Н., Чалый М. К. и другіе.